

594

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР

РЭБИЯ СЫЗДЫКОВА

Т Р У Д Ы

САМАРКАНДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени АЛИШЕРА НАВОИ

Новая серия,

выпуск № 219

ВОПРОСЫ ФРАЗЕОЛОГИИ

у

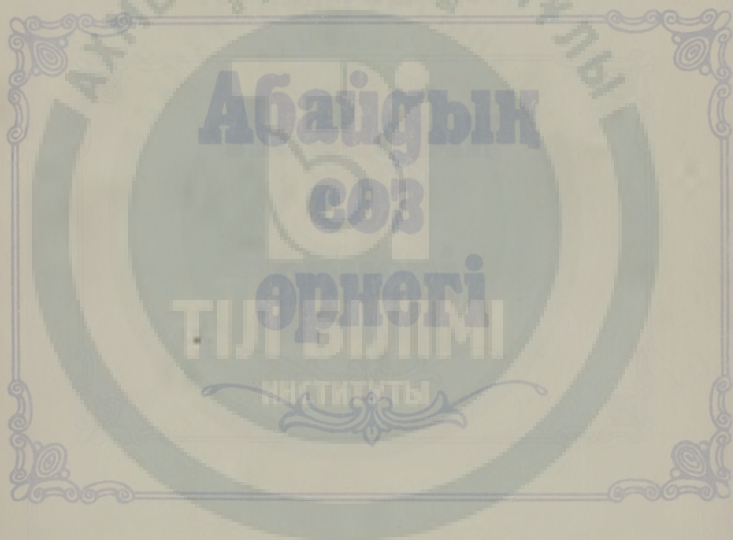
Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

САМАРКАНД — 1972

РЭБИЯ СЫДЫКОВА

Қындары

Абайдың
сөз

өрнегі

ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО и СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТРУДЫ
САМАРКАНДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени АЛИ ШЕРА НАВОИ

Новая серия, выпуск № 219

ВОПРОСЫ ФРАЗЕОЛОГИИ

У
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АЙДАРБЕК

ҚУСАЙЫН

ҰЛЫН

КІТАПХАНАСЫ

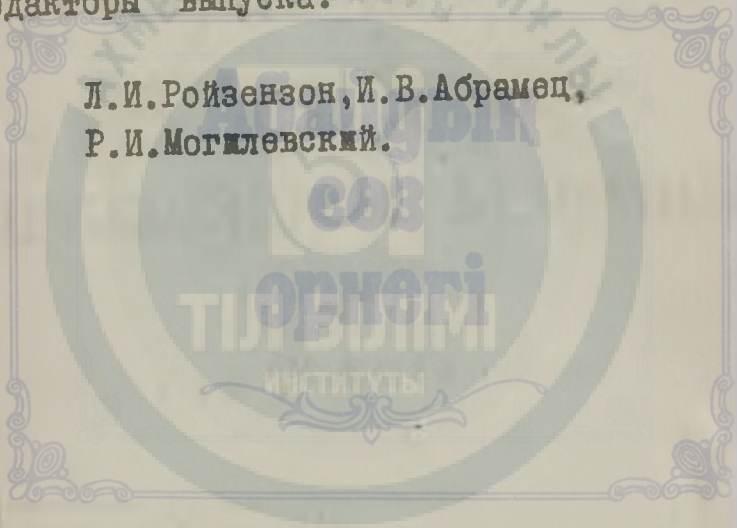
САМАРКАНД — 1972

РЭБЧЕА СЫЗДЫКОВА

Редакторы выпуска:

Л. И. Ройзензон, И. В. Абрамец,
Р. И. Могилевский.

ЗА ДАЛЬШЕЕ УЛУЧШЕНИЕ МЕТОДА ФРАЗЕОЛОГИИ КАК
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Значение слова "фразеология и слого" крайне велико для решения одного из важнейших вопросов теории фразеологии. Этому безусловно будет способствовать присутствие на данной сессии не только фразеологов, но и специалистов по другим лингвистическим дисциплинам.

Мы хотели бы выдвинуть идею, что фразеологии поможет более точно установить релевантные признаки. Фразеология является единой наукой и как каждая единая наука имеет свои релевантные признаки. Если она до сих пор с достаточной точностью не определена, то это объясняется исключительной сложностью объекта исследования, трудностью отграничения ее от смежных областей и установления фразеологической законности, отсутствием единого комплексного научного метода фразеологического исследования и, что греха таить, чисто лексикологическим подходом к изучению фразеологических проблем. Все это порождает серьезные трудности как лингвистической так и социальной. Однако не следует забывать также и то, что многое сделано в теории фразеологии. Московские фразеологи как научная дисциплина — одно из значительных достижений советского языкознания. На эту тему были вынесены вопросы на I Международном конгрессе лингвистов в Бухаресте в 1971 году. "Важно отметить и развитие обозначения "фразеология" в научных фразеологических лингвистической дисциплинах.

А. П. Чижов современно пишет, когда она утверждает: "...за последнее время наблюдается много стремление не только заручаться в каких-то научных кругах из мысли минутными, но и много сознательно сложившиеся границы между лексикой и фразеологией, но по существу переходим в конечном счете все фразеологию в зону лексики" /стр. 6/. Нельзя не согласиться с А. П. Чижовым, когда, говоря о фразеологии, она под-

черкивает многоплановость и усложненность этого языкового феномена, что неизбежно обрекает на неудачу односторонне монистический подход /стр. 7/. Столь же мало плодотворным является рассмотрение фразеологии как интердисциплинарного раздела лингвистики.²

И на данном симпозиуме различие в подходе дает себя знать. Приводим примеры подобных расхождений во взглядах.

I

а/ ФЕ обладают фразеологическим значением: В.П.Жуков, М.И.Сидоренко, И.И.Чернышева, А.В.Кунин.

б/ ФЕ обладают лексическим значением: А.И.Молотков; Е.Н.Толикина оспаривает существование фразеологического значения и предлагает его интеграцию с лексическим значением.

II

а/ ФЕ - номинативные и коммуникативные образования: В.П.Жуков, В.Д.Ушаков, А.В.Кунин.

б/ ФЕ - номинативные образования: В.Н.Телия, А.Л.Ониани.

III

а/ ФЕ входят в фразеологическую систему: Л.И.Ройзензон, А.М.Эмирова; ФЕ входят в фразеологическую микросистему: А.В.Кунин;

б/ ФЕ входят в лексико-фразеологическую систему: Н.М.Шанский.

Список расхождений можно было бы и продолжить. Эти расхождения, как мы отметили, объясняются фразеологическим и лексикологическим подходом к ФЕ со стороны исследователей. Доклады, представленные на данный симпозиум, так богаты мыслями и поднимают столько вопросов, что остановиться на всех не представляется возможным. Мы позволим себе остановиться лишь на важнейших проблемах.

Не соглашаясь с В.П.Жуковым в некоторых частных вопросах, о чем мы говорим в своем докладе, в целом мы считаем анализ черт сходства и различия ФЕ и слов в семантическом, морфологическом и синтаксическом отношении в высшей степени плодотворным.

Мы полностью согласны с критикой И.Т. Тагиевым понимания фразеологии как науки о сочетании слов. Фразеология как научная дисциплина су-

2. В. Н. Т е л и я, Вариантность лексического состава идиом как структурных единиц языка, Канд. д-сс., М., 1968, стр.50.

ществует, а наука о сочетаемости слов еще не существует, так как неясны ее границы и свойственные ей закономерности, а также не разработан в должной степени метод изучения сочетаемости слов. Таким образом, попытка распространить фразеологию в еще несуществующей науке о сочетаемости слов представляется нам не только мало эффективной, но и вредной, так как это сводит на нет формирование фразеологии как лингвистической дисциплины в более узком понимании. В этой связи следует отметить значительное изменение взглядов М.М.Копыленко.

В 1965 году М.М.Копыленко определял фразеологию как " науку о сочетаниях лексем,"³ т.е. включал в фразеологию и свободные сочетания слов. Такое же понимание фразеологии мы находим в докладе М.М.Копыленко, сделанном в 1967 году⁴. В докладе М.М.Копыленко и Э.Д.Поповой на данном симпозиуме читаем: "Если имеет смысл провести порог, за пределами которого фразеосочетание становится собственно фразеологизмом, то таким порогом, по нашему мнению, следует считать возникновение коннотативности. Фразеологизмами, таким образом, оказываются все сочетания, в которых хотя бы одна семема не является отражением экстралингвистической сущности" /стр.89/.

Такая позиция является шагом вперед по сравнению с взглядами М.М.Копыленко в 1965 и в 1967 годах. Однако и приведенное выше высказывание нуждается в дальнейшем уточнении, так как не дает возможности отграничить ФЕ ни от образных авторских оборотов, не являющихся, как известно, единицами языка, ни от идиоматичных сложных слов. Подобная неточность объясняется тем, что при определении ФЕ М.М.Копыленко исходит только из семантического критерия, не учитывая других показателей устойчивости. Мы полностью учитываем большую важность семантического критерия, но, по нашему глубокому убеждению, определение ФЕ только по семантическому признаку является невозможным, так как неизбежно приведет к неточности, которую мы отметили в высказывании М.М.Копыленко.

3. М.М.Копыленко, Об объеме и методах фразеологии как научной дисциплины, Сб. Вопросы фразеологии, изд-во "Наука", Узбекская ССР, Ташкент, 1965, стр. 56.

4. М.М.Копыленко, Сочетание лексем и синтаксемы, Уровни языка и их взаимодействие, тезисы научной конференции, Москва, 1967, стр.81.

Мы совершенно согласны с М.Т.Лавровым, что сочетание и параллелизм сочетаний, состоящих из двух ударных слов, не является релевантным признаком фразеологичности, особенно учитывая то обстоятельство, что это положение справедливо без предварительного акцентологического обследования и ударных слов. Это положение особенно неприменимо для английского языка с его традицией чередовать ударные и неударные слоги. Мы считаем, что различия двух ударных слов заставляло бы совершенно неправомерно изгнать из английской фразеологии большое число образований, например, типа синонимическое прилагательное + однокорневое существительное: big box - большая коробка, "белка", small box - маленькая коробка и т.п. Подобных образований ударных слов является прилагательное.

Мы полагаем, что при наличии разительной однородности к полному или частичному переосмыслению подобных оборотов является и, даже если в их составе имеется только одно ударное слово.

Мы хотим бы высказать свое несогласие с методикой предложением, содержащимся в докладе Н.Давидского.

"Принадлежности слов и фразеологических оборотов к одному и тому же - строительному уровню языка приводит к тому, что в качестве определенных языковых единиц они оказываются во многом изоморфными друг другу" (стр. 249-250).

Выдвигается понятие "строительный уровень языка", к которому, якобы, относятся как слова, так и фразеологические единицы. Как известно, понятие "уровня" существовало в ЛИНГВИСТИКЕ им.Н.Сорокина в 1937 г. и показала полное расхождение лингвистов в отношении понимания уровня. Однако ясно одно: выделение строительного уровня языка является ошибочным по следующим соображениям:

1/ выделение какого-либо уровня целесообразно только тогда, когда этот уровень дается в ряду других уровней, что ведет к определению данной единиц структуры языка. Выделение же уровня на основе признака вне систем уровней, да еще в столь категоричной форме, доказательной силы не имеет. Нельзя не согласиться с утверждением А.А.Левинской: "... лексика изучается necessarily, вне связи с другими системами языка, тем самым не вскрывается системная

организация его лексико-семантического аспекта. К лексике и по сей день в большинстве работ продолжают относиться лишь как к строительному материалу, а не как к системному уровню языка, в то время как системное изучение лексики, исследование слова как структурного элемента языка может дать многое в изучении смысловой стороны языка в целом " 5;

2/ если выделение строительного уровня лексики является непропорциональным, тем более непропорциональна попытка объединить на одном уровне такие важные единицы языка, как слово и ФЕ.

При последовательном проведении "строительного" подхода к языку пришлось бы и морфемы рассматривать на строительном уровне на том основании, что они служат строительным материалом для слов. Утверждение Н.М.Шанского, что "слова и фразеологические обороты оказываются во многом изоморфными друг другу" означает, что слова и фразеологические обороты относятся к различным уровням, так как изоморфизм как раз и означает рассмотрение единиц различных уровней с точки зрения сходства между ними. Таким образом, утверждение Н.М.Шанского, что слова и фразеологические обороты относятся к строительному уровню языка, находится в явном противоречии с его утверждением, что эти единицы языка во многом изоморфны друг другу.

Чрезмерное сближение слов и ФЕ с деривационной точки зрения и недооценка весьма существенных различий между ними также вызывает возражения. Н.М.Шанский утверждает: "По своему существу фразеологизация сводится к тому, что в процессе речевого употребления переменное сочетание слов из творимой, контекстуальной единицы лексико-семантического характера превращается в поспротивозводимую, готовую единицу строительного уровня языка." С нашей точки зрения явление фразеологизации значительно сложнее и не может быть сведено только к переработке тех или иных переменных сочетаний слов в ФЕ. 6

5. А.А.Уфимцев, Слово в лексико-семантической системе языка, изд-во "Наука", Москва, 1968, стр. 10-11.

6. См.: Л.И.Ройзензон, Фразеологизация как лингвистическое явление, Труды Самаркандского Гос. Университета, Новая серия, вып. 13, 1961; А. В. К у н и н, Пути образования фразеологических единиц, Иностранные языки в школе, № 1, 1971.

444

Фразеологизм возникает на основе сверх-
словных образований /переменных сочетаний слов, устойчивых соче-
таний нефразеологического характера, авторских оборотов и ФЕ/, а
также на основе дистантно ~~расстоянных слов, семант, стилистик.~~
Для слов характерны деривация и ~~формальное словообразование.~~
Словосложение и аббревиация ~~не могут образовываться от слов, а~~
слова, как правило, не образуются от сверхсловных единиц. Что ко-
сается способа образования, то образование слов в значительной сте-
пени моделировано, чего нельзя сказать о ФЕ, которое не создается
по структурно-семантической модели. Переосмысление тех или иных
специальных образований и ~~формальных слов~~ является ведущим спосо-
бом образования ФЕ. Это положение не относится к словам, так как
их исходное значение всегда является буквальным, что невозможно в

мы не отрицаем некоторого сходства процессов словообразования
и образования ФЕ. Но это сходство не следует преувеличивать, так
как специфика слов и ФЕ является постоянно действующим фактором,
определяющим особенности их образования. Для Н.М. Шанского характер-
но примерное обобщение ~~ФЕ и слов.~~ Это сформулировано в ~~отдельном~~
его доклада на данном симпозиуме. В этом докладе даже ~~различия в~~
словообразовании и в образовании ФЕ приводятся в качестве аргумен-
та за отнесение слов и ФЕ к одной системе.

445

Нашей точки зрения, специфика слов и ФЕ, являющихся различны-
ми единицами, действительно требует, несмотря на генети-
ческие узлы ~~связанных~~, выделения тесно между собой связанных
лексико-грамматической и фразеологической микросистем языка.

Доклад Е.Н. Галицкой посвящен проблеме значения слова и значе-
ния фразеологизма. Автор вполне справедливо пишет: "Если механизм
формирования лингвистической категории значения у знаков-номиналь-
тов выяснен недостаточно, то у знаков типа фразеологической едини-
цы он не изучен вовсе" /стр. 219/. Далее автор указывает, что значение
ФЕ не представляет собой какой-либо предметной области, не являет-
ся абстракцией от нее, а выражает отношение к ней /эмоциональный,
аффективный, оценочный, модальный и др. моменты/. Е.Н. Галицкая ~~всёчас~~
подчеркивает вторичность значения ФЕ, что оно не имеет первично

формы организации, не участвует в дифференциации предметного мира. В конце доклада Е.Н.Толикина утверждает: "В заключение важно отметить, что семантическая функция фразеологической единицы /значение/ по условиям формирования и структурным условиям реализации интегрируется теми типами значений, опознанию которых посвящена вышеприведенная статья В.В.Виноградова" /стр.220-221/. Мы не согласны с основными положениями доклада, /кроме тезиса о недостаточной изученности фразеологического значения/. Удивляет то, что Е.Н.Толикина чисто умозрительным путем делает столь ответственный вывод об интеграции лексических значений и значений ФЕ в рамках классификации В.В.Виноградова. Полосный вывод автору доказать не удалось. Мы высказали ряд соображений по этому вопросу в нашем докладе. Мы хотели бы высказать в этой связи несколько дополнительных соображений. Общеизвестно преобладание в фразеологии терминов оценочных элементов, но отсюда нельзя делать вывод, что значение ФЕ "не представляет собой какой-либо предметной области, не является абстракцией от нее," "не участвует в дифференциации предметного мира."

Дело в том, что большое число ФЕ не только выражают отношение к референту, но и являются единственным названием его. Оценочный экспрессивный элемент отнюдь не лишает очень многие номинативные ФЕ их первичной функции обозначения.

ФЕ "демянова уха" является единственным обозначением "чего-либо нездорового предлагаемого в неумеренном количестве", а "варфоломеевская ночь" является единственным обозначением "масового, жестокого избиения беззащитных людей". Число примеров можно было бы легко увеличить. В этой связи мы хотели бы подчеркнуть, что в английском языке, например, не более трех процентов ФЕ имеют лексические синонимы. Классификация фразеологических значений совпадает лишь частично с классификацией лексических значений, предложенных В.В.Виноградовым. Ввиду невысокого удельного веса многозначности в фразеологии, основные и номинативно производные фразеологические значения встречаются реже, чем в лексике. Фразеологически связанные значения в фразеологии невозможны. Фразеологические значения распадаются на три класса: полностью пере-

осмысленное значение, частично переосмысленное значение и сочетание полностью и частично переосмысленных значений.

Лексические значения распадаются на два класса: буквального значения и сочетание буквальное и переносных лексико-семантических вариантов в многозначном слове. Таким образом, классы фразеологических и лексических значений не совпадают. При более детальной классификации обнаруживается, что у ФЕ имеются типы значений, например, коммуникативные, компаративные и другие, которые не свойственны словам. Мы очень кратко изложили наши возражения. Но и сказанного выше достаточно, чтобы сделать вывод о правомерности выделения фразеологического значения и изучения его с фразеологических, а не с лексических позиций.

Нас заинтересовал доклад В.И.Телия, в котором дается тонкий анализ различий между вариантами слов и вариантами идиомов. Каль, что В.И.Телия не высказал своего мнения о выдвинутой нами гипотезе о том, что вариантность некоторых типов устойчивых образований, отличающихся от вариантности слов, может служить показателем фразеологичности этих образований. Эта гипотеза в случае ее подтверждения сыграла бы важную роль, например, в английском языке, в котором иногда трудно разграничить ФЕ и сложное слово. Выдвинутое нами понятие "структурного синонима" вызвало критические замечания В.И.Телия. Возражения В.И.Телия весьма убедительны, и от термина "структурный синоним" придется, видимо, отказаться ввиду неясности его статуса в языке и выделять только фразеологические варианты и фразеологические синонимы.

Мы считаем неправильным отнесение В.И.Телия оборотов типа парить в облаках - витать в эмпиреях и протереть глаза - продрать зенки к вариантам идиом. Не могут варианты одной и той же идиомы не иметь ни одного общего лексического компонента или лексического инварианта и столь значительно расходиться в стилистическом отношении. В данном случае явно нарушается тождество ФЕ. Подобные обороты следует рассматривать как фразеологические синонимы.

Ряд утверждений в докладе А.Л.Ониани вызывает недоумение, например, утверждение, что устойчивость, воспроизводимость, повторяемость характерны не только для пословиц, поговорок и афоризмов,

но и для художественных произведений общего объема, таких, как стихотворение, поэма, басня, новелла и т.д., т.е. поднимается уже речевой и лингвистический вопрос. Сравнение в таком плане пословиц и поговорок с художественными произведениями совершенно неправомерно, так как художественные произведения не являются единицами языка и не воспроизводятся в целях коммуникации. Как правильно указывал А.И.Смирницкий, следует выделять различные случаи воспроизводимости стихов, формул и т.п., носящие характер цитирования, нарочитого повторения, и воспроизводимости единиц языка, не имеющие характера цитирования. Ввиду различного характера воспроизводимости стихи, математические формулы, физические законы и т.п., не являющиеся элементами словарного состава языка, сколько бы они не повторялись, не могут стать ФЕ. Это справедливо и в отношении поэм, басен, новелл и т.п. В том же докладе вопреки языковым фактам утверждается, что пословицы, поговорки и афоризмы ничем не отличаются от свободного словосочетания /гевр. от предложения/. В качестве доказательства приводится удивительное утверждение, что "компоненты пословиц, поговорок и афоризмов, обладающие как прямым, так и переносным значением, в отличие от компонентов идиоматических выражений, сходных с обычными словами, обладают референтом" /стр.139/. Отсюда делается вывод, что "пословицы, поговорки и афоризмы являются обычными словосочетаниями /гевр. предложениями/, а их компоненты - обычными словами, и нет основания изучать их в фразеологии" /стр.139/. Остается совершенно непонятным, каким образом слова в составе образных пословиц, поговорок и афоризмов обладают референтом. Как известно, лексемы в составе подобных оборотов лишены предметной отнесенности ввиду образного характера всего образования, например, в пословице "цыплят по осени считают" лексема "цыплят" не обладает предметной соотносительностью, так как вся пословица в целом является реагированием на какую-то ситуацию. Кроме того, совершенно неправомерно утверждать, что образные устойчивые образования ничем не отличаются от переменных оборотов, обычно употребляющихся в своих буквальных значениях.

7. А.И.Смирницкий, Лексикология английского языка, Библиотека филолога, Издательство литературы на иностранных языках, Москва, 1956, стр.228-229.

Можно относить или не относить пословицы, поговорки и афоризмы к фразеологии, но слабая аргументация, как карточный домик рассыпающаяся при соприкосновении с фактами языка, только запутывает вопрос.

В докладе дается следующее определение ФЕ: фразеологизм - это такая лексическая единица, которая в плане выражения совпадает с свободным словосочетанием, а в плане содержания со словом. Это образец лексикологического подхода к определению ФЕ. Поскольку автору не удалось доказать, что в фразеологию не входят обороты со структурой предложения, т.е. устойчивые фразы, предложенное выше определение остается неубедительным.

Нашему симпозиуму следует выступить против создания ненужных новых терминов, только засоряющих работу по фразеологии. Новые термины следует создавать в том случае, если обозначаются новые понятия, для которых нет еще обозначения в языке или если имеется серьезное основание считать, что новый термин лучше старого.

Вопрос об устойчивости ФЕ является важнейшим вопросом теории фразеологии. Что касается неверия М.Т. Тагиева в устойчивость ФЕ, то его утверждение, что ФЕ это единица языка, и создание им теории фразеологической конфигурации как раз и является невольным признанием некоторых аспектов устойчивости.

Н.Н. Амосова совершенно справедливо утверждает: "Мимо аналитического разрешения проблемы устойчивости сочетания слов не может пройти исследователь-фразеолог, ибо без этого границы фразеологии и само понятие фразеологической взаимосвязи слов останутся неопределенными и неоправданно широкими."⁸ Мы не ставим своей задачей рассмотреть все имеющиеся определения устойчивости, а лишь те высказывания по этому вопросу, которые имеются в докладах, представленных на данный симпозиум. Так, В.Д. Ушаков категорически утверждает на стр. 223: "В нашем признании в качестве релевантных таких признаков фразеологичности языковых единиц, как воспроизводимость, устойчивость, экспрессивность, характер синтаксической связи между компонентами, мы полностью разделяем точку зрения

8. Н.Н. Амосова, Основы английской фразеологии, Докторская диссертация, Л., 1961, стр.55.

М.Т. Тагиева. "Отрицая релевантность устойчивости как признака фразеологичности, В.Д. Ушаков не замечает, что сам исходит из релевантности семантической устойчивости, проявляющейся в идиоматичности, являющейся постоянным признаком ФЕ. Таким образом, получает-ся, что гони устойчивость ФЕ в дверь, а она влетит в окно.

В докладе М.М. Копыленко и З.Д. Поповой "под устойчивостью понимается мера ограничения сочетаемости лексем" /стр.84/.

М.Т. Тагиев утверждает, что "Способности сочетаться обладают все единицы языка, так как сочетаемость обеспечивает условие функционирования единиц на следующем уровне" /стр.208/. Это высказывание является неверным, так как оно явно противоречит фактам языка. Способности сочетаться контактно или дистантно обладают только номинативные единицы языка. Междометия, например, обозначающие предметы или явления действительности, выражают человеческие эмоции и могут только соотноситься с тем или иным сообщением о ситуации. Для устойчивых предложений характерна присоединительная связь с переменными предложениями, т.е. присоединение предложений, дополняющих, развивающих ранее высказанную мысль, освещающих ее с новой стороны.⁹

Из сказанного выше следует, что основными понятиями дистрибуции ФЕ являются контактная и дистантная сочетаемость, соотношенность и присоединение.

Таким образом, сочетаемостью отнюдь не исчерпываются виды контекстной реализации ФЕ. Это приводит нас вплотную к пониманию устойчивости как меры ограничения сочетаемости. Подобное понимание устойчивости вызывает серьезные возражения.

1. При таком понимании, восходящем к работам И.А. Мельчука, за фразеосочетания с абсолютной (стопроцентной) устойчивостью принимаются обороты с единичной сочетаемостью обоих компонентов, т.е. с двухсторонней зависимостью, например, "шерочка с машерочкой", а с "очень сильной" сочетаемостью, по не совсем удачной терминологии некоторых авторов, обороты с односторонней зависимостью, на-

9. И.А. Л о п о в а, Сложносочиненное предложение в современном русском языке. Сб. "Вопросы синтаксиса современного русского языка", Учпедгиз, М., 1960, стр.376-377.

ким образом, В.Л.Архангельский исходит из комплексного понимания устойчивости, - что является нормой словом в теории фразеологии. Мы разделяем такой взгляд на устойчивость, но наша разработка комплексной теории устойчивости расхоится с пониманием В.Л.Архангельского столь значительно, что можно две концепции.

Поскольку наши взгляды по этому вопросу уже опубликованы, то мы отметим лишь различия между этими двумя концепциями.

Наша концепция устойчивости существенно отличается от взглядов В.Л.Архангельского, что объясняется не только спецификой английского языка.

1. Безусловно, каждой ФЕ свойственны те или иные ограничения, но не у каждой ФЕ имеется "свободный эквивалент", по терминологии В.Л.Архангельского. Поэтому специфику подобных ограничений мы устанавливаем как по "свободному эквиваленту", так и по компонентам ФЕ в свободном употреблении.

2. Мы исходим не только из "ограничения в выборе переменных", но и из инвариантности различных параметров ФЕ, а также разграничиваем фразеологическую устойчивость и лексическую.

3. Важнейшими параметрами фразеологической устойчивости в нашем понимании являются инвариантность полностью или частично пересмысленного значения и структурно-семантическая немоделированность.

Эти параметры не фигурируют в концепции В.Л.Архангельского. Вследствие этого, несмотря на стремление уточнить понимание устойчивости, В.Л.Архангельский слишком расширяет объем фразеологии и включает фразеологию без всяких ограничений крылатые афоризмы и общенациональные литературные "цитаты", теряющие в разной степени связь с источником, составные названия, имеющие аббревиатуру, например, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ) и другие. Понимание устойчивости В.Л.Архангельским открывает путь в фразеологии различным авторским образованиям. Мы же стремимся уточнить понимание устойчивости, исходя из интересов фразеологии как лингвистической дисциплины. Важнейшим положением

нале. теория устойчивости является установление параметров минимальной фразеологической устойчивости, что помогает выделить различные степени устойчивости ФЕ и обосновать правомерность существования фразеоматики, учения об устойчивых сочетаниях нефразеологического характера.

Предложенное нами понимание фразеологической устойчивости выявляет параметры объекта исследования, на основе которых возможно изучение его компонентного состава и структуры. Установление разумного соотношения между фразеологией и фразеоматикой несомненно будет содействовать дальнейшему укреплению позиций фразеологии как лингвистической дисциплины. Подход к фразеологии как к системе настоячиво требует выделения фразеологической микросистемы языка и замены теории эквивалентности теорией зотнесенности. Специфика ФЕ и свойственных им закономерностей обуславливают выделение фразеологии в качестве отдельной лингвистической дисциплины, что вполне оправдано теоретически и дало бы значительный практический эффект в преподавании самых различных языков.

Д. И. РОЗЕНЗОН /Самарканд/

ЕЩЕ РАЗ О ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ КАК ПРИЗНАКЕ ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТИ

Долгое время воспроизводимость рассматривалась всеми лингвистами как один из основных признаков фразеологичности, с чем нельзя было не согласиться.

Однако в последние годы начали раздаваться голоса против признания воспроизводимости в качестве релевантного признака фразеологичности.¹ Провучали эти мотивы и в выступлениях ряда фразеологов на настоящем симпозиуме. Именно поэтому считаю своим долгом еще

1. Ср., например, следующее скептическое высказывание Д.А.Эршова в о б о р о т к о 2: "Во введении рассматривается вопрос о критериях выделения фразеологической единицы, устанавливается, что семантическая цельность в качестве таковой критерия предпочтительнее воспроизводимости, которая не является ни собственным, ни определяющим признаком фразеологизма, к тому же не поддается лингвистической интерпретации, так как не имеет материального выражения /См. "Фразеологические единицы как семантическая структура", ИД, Костов-на-Доку, 1971, стр.6-7/.

раз вернуться к этому вопросу и выступить в защиту традиционной точки зрения, согласно которой воспроизводимость есть один из важнейших признаков фразеологичности.

В наиболее полной форме отрицание воспроизводимости как признака фразеологичности выражено в следующем высказывании проф. А. В. Кунина: "Вообще частота употребления и воспроизведение в готовом виде - понятия крайне неточные. Как правильно указывает А. И. Смирницкий, следует выделять различные случаи воспроизводимости: воспроизводимость стихов, формул и т. п., носящую характер цитирования, нарочитого повторения, и воспроизводимость единиц языка, не имеющую характера цитирования. Ввиду различного характера воспроизводимости стихи, математические формулы, физические законы и т. п., не являющиеся элементами словарного состава языка, сколько бы они не повторялись, не могут стать фразеологическими единицами, даже если в их состав входят переменные сочетания слов. Таким образом, воспроизводимость в готовом виде и частота употребления отнюдь не являются характерными чертами одних лишь фразеологических единиц".² Очень неясное высказывание. Автор как будто бы понимает, что существуют различные типы воспроизводимости /причем как интерлингвистические, так и экстралингвистические/ стихи и т. п. / Из всего этого должен был бы последовать вывод о том, что коль у фразеологизмов воспроизводимость особого типа, то она вполне может быть и релевантным признаком ФБ. Однако такого напрашивающегося вывода А. В. Кунин не сделал, отчего весь ход его рассуждений о воспроизводимости кажется нам противоречивым и, следовательно, ошибочным. Попробуем это доказать.

Прежде всего укажем на то, что воспроизводимость - характернейшая черта именно фразеологических единиц и неизвестна никаким другим единицам языка. На первый взгляд это положение кажется ошибочным, ибо в связи с тем, что в языке почти все воспроизводится /а не создается каждый раз специально для данного случая или данных случаев/³, может сложиться впечатление,

2. См. А. В. К у н и н, Английская фразеология, М., 1971, стр. 78-79.
3. Если выйти за рамки языкознания, то возможна и осебифилософская интерпретация воспроизводимости как одной из важнейших диалектических черт материя.

что не только фразеологизмы, но и все остальные единицы языка также воспроизводимы /так, кстати, думают многие языковеды!/. Однако в действительности это не так.

Под воспроизводимостью ФЕ следует понимать такое ее свойство, которое позволяет говорящему каждый раз, когда ему нужно, эту единицу использовать в речевом акте, извлекая ее из памяти как готовую, а не создавать, конструировать ее в процессе речи. При этом важно отметить, что фразеологическая воспроизводимость — понятие дихотомическое; ФЕ потому и воспроизводима, что она существует как готовая, целостная единица и имплицитно противопоставлена /прямо или косвенно/ другой, нефразеологической единице, которая создается /или может быть создана/ в процессе речи, а посему не обладает воспроизводимостью /при этом несущественно, что у некоторых типов ФЕ практически невозможны соответствия — свободные словокомплексы, — важно, что они допустимы хотя бы теоретически/.

Если исходить из дихотомического характера воспроизводимости ФЕ, то тогда придется признать, что другие единицы языка лишены такой специфической черты, так как у них нет такого рода воспроизводимости /в смысле несоздаваемости/, или же придется согласиться с тем, что у других единиц языка воспроизводимость совсем другого характера, так как она не является дихотомической воссоздаваемостью. Именно поэтому мы считаем принципиально неверным утверждение Л.Ф. Ершовой-Белицкой о том, что "как и другие единицы языка, фразеологическая единица характеризуется воспроизводимостью в речи ..." /указ. раб., 26/. В языке существуют и функционируют как готовые единицы звуки, слова, словосочетания /синтаксические модели/, но они, во-первых, лишены свойства конструируемости /они не могут быть созданы в потоке речи/, а, во-вторых, они не противопоставляются единицам, которые бы в иных случаях коммуникации могли быть воссоздаваемы. В этом принципиальные различия между ФЕ и другими единицами языка.

О воспроизводимости можно говорить только по отношению к сложносоставным единицам, т.е. таким образованиям, которые состоят минимум из двух единиц низшего уровня, объединенных известным образом

/диархационно, синтаксически и т.д./ в единицу более высокого уровня. Поэтому звуки принципиально невоспроизводимы /в нашем понимании этого понятия/, т.е. не состоят из единиц более низкого уровня. Что же касается других единиц языка /слов, словосочетание и т.д./, то если отвлечься от двух факторов, они все же могут быть воспроизводимы, так как обладают основным свойством - воспроизводимости - наличием единиц более низкого уровня, объединенных в одно целое. И все же мы говорим, что все эти единицы /кроме графологической/ не являются воспроизводимыми, но существуют в целостном виде и не могут одновременно существовать в речи в расчлененном виде. Так, слово существует только как целостная единица и не может параллельно функционировать в речи в расчлененном виде /т.е. в виде морфем/.⁴ Следовательно, возможность воспроизводимости всегда предполагает наличие другой возможности - свободного конструирования /в чем и находит свое выражение наличие или отсутствие дихотомии у тех или иных типов единиц языка/.

Так, например, мы употребляем слово **учитель** в готовом виде, т.е. не можем его в потоке речи конструировать /в том же или другом значениях/ из его дефиниционных морфем по известным словообразовательным моделям. Значит, у этого слова нет дихотомического признака и, следовательно, воспроизводимости.

У словосочетания или предложения /которые не являются устойчивыми словесными комплексами/, напротив, есть свободная конструируемость, но они лишены способности существовать в готовом виде, т.е. также нет исключенной дихотомии.

Итак, когда мы говорим о воспроизводимости, то мы обычно имеем в виду такие единицы языка, которые в обоих случаях могут быть воспроизведены в речи как готовые образования /т.е. выступают в речи как конструируемые как целостные единицы/ и в других случаях - эти же единицы как целостные образцы, не конструируемые в процессе речи из других единиц, принадлежащих к более низкому уровню языка. Если говорить о воспроизводимости так, то в языке существует

4. Мы здесь не имеем в виду невоспроизводимые случаи наподобие того, когда в речи таксистов слышны слоговые структуры типа **двухдвух** в слове **двухдвухдвухдвух**. Искусственно эти не воспроизводимы, так как

только с ним класс воспроизводимых единиц - устойчивые словесные комплексы.

С.Е. ГАРРИН /Иерыв/

СЛОВО, ФРАЗЕОЛОГИЗМ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА
/ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ/

I

Сопоставление ФЕ с другими языковыми единицами может быть достаточно объективным и точным лишь в том случае, если оно проведется в строго определенном аспекте. Функционально-семантический аспект фразеологических исследований, с нашей точки зрения, с наибольшей полнотой раскрывает специфику фразеологического фонда в общественной коммуникации, поэтому нам представляется необходимым рассмотреть отношения слова и ФЕ прежде всего в этом аспекте. В функционально-семантическом аспекте фразеологический состав русского языка представляет собой весьма стройную, хотя и не лишенную некоторых противоречий /как и любая система/, систему. Поэтому нам представляется целесообразным рассмотреть отношение ФЕ к слову с позиций фразеологической системы. В настоящей работе рассматривается один из возможных вариантов описания фразеологии как системы.

Многолетние наблюдения в опыте исследователей показали, что в языке следует различать два типа сочетаний слов: 1/ обычные "нормальные" и 2/ "своеобразные". Ко второму типу сочетаниям мы относим все сочетания слов, несущие семантическое и функциональное осложнение, и называем их **компликативными** /от латинского complex - сложный и английского to complicate - осложнить/.¹ Рассмотрим последовательно сущность и состав этих сочетаний, обнаруживавших сложные системные отношения.

I. Вместо термина "компликативное сочетание слов" в ряде случаев целесообразно использовать его краткий заменитель - "компликатив".

Человек, творящий речь, создает сочетание слов с определенным заданием: или с заданием назвать предмет /учебник русского языка, письменный стол/, или с заданием сделать высказывание о предмете мысли /учебник русского языка лежит на столе, письменный стол стоит у стены/. Почти все сочетания знаменательных слов русского языка /за исключением интеръективных/ выполняют в речи одно из этих заданий. Поэтому мы называем эти задания основными заданиями сочетаний слов. Основные задания иначе можно назвать элементарными или неосложненными, потому что многие сочетания слов, кроме основного задания, получают еще дополнительное задание - задания таких сочетаний становятся сложными.

Таким образом, все сочетания слов в зависимости от сложности выполняемого ими задания делятся на два типа:

- 1/ сочетания с неосложненным /элементарным/ заданием и
- 2/ сочетания с осложненным заданием.

Наблюдения показывают, что элементарные задания могут осложняться только совершенно определенными /и очень важными в практике общения/ заданиями. К ним относятся: 1/ задание сообщить сочетание слов экспрессивно-образные качества /волк в овечьей шкуре, выпить горькую чашу/; 2/ задание лаконизировать сочетание слов путем усечения некоторых компонентов /пришел, увидел, победил; кто кого/; 3/ задание сделать сочетание слов выразителем результатов познавательной деятельности человека /битие определяет сознание, доброта без разума пуста/; 4/ задание придать сочетанию слов характер официальной номинации /культ личности, Совет безопасности/; 5/ задание сообщать сочетанием слов затычно-шуточные качества /шла малому кисет - вышла рукавица/.

Все эти дополнительные задания преследуют специальные цели /сделать высказывание или экспрессивно-образным, или затычно-шуточным, или содержащим ценные результаты познания, или максимально кратким, или несомненно точным/, поэтому такие задания мы называем специальными заданиями.

В соответствии с этими заданиями выделяются пять типов специ-

ализированных сочетаний слов:

1/ экспрессивно-образные сочетания /выполняют экспрессивно-образную функцию/; 2/ эллиптические сочетания /функцию лаконизации речи/; 3/ сочетания с обобщающим умозаключением - афористические /функцию закрепления результатов познавательной деятельности/; 4/ терминологические сочетания /функцию официальной номинации/; 5/ затаенно-шуточные сочетания /функцию шутки, веселой сатиры/. Таким образом, сочетания слов любого языка можно разделить на два типа: специализированные и неспециализированные. Фразеологизация обычно подвергается только сочетания слов со специализированным заданием - специализированные сочетания. В целях обеспечения большей четкости и экспланаторности /объяснительной силы/, мы обращаемся к символическому обозначению отдельных явлений и компонентов специализированных сочетаний. Это даст возможность лучше представить механизм их образования.

Если неспециализированное задание обозначить символом А, а специализированное - символом В, то задание специализированного сочетания слов предстанет в формуле $A + B$ /элементарное задание в них неразрывно сочетается со специализированным/. Если же виды специализированных заданий различать по цифрам их порядкового расположения в приведенном выше тексте, то мы получим следующие формулы для всех пяти видов специализированных сочетаний слов: $A + B_1$ /для сочетаний с экспрессивно-образным заданием/, $A + B_2$ /для сочетаний с эллиптическим заданием/; $A + B_3$ /для сочетания с афористическим заданием - познавательным/, $A + B_4$ /для сочетаний с затаенно-шуточным заданием/.

Задание сочетания слов определяет и его семантическую структуру, и его речевую функцию. Сочетания с неосложненным заданием имеют неосложненную /элементарную/ семантическую структуру и выполняют неосложненную /основную, элементарную/ функцию. Сочетания с осложненным заданием имеют осложненную семантическую структуру

/возникшую в результате семантических операций по реализации дополнительных, специализированных заданий/ и выполняют осложненную функцию, точнее, не одну, а две: основную /элементарную/ и дополнительную /специализированную/. Если отправные наши понятия мы представим в символах: Z /речевое задание/, S /семантическая структура/ и Φ /функция/, а неспециализированный компонент обозначить символом A и специализированный символ B , то в виде формул можно представить:

1. Структуру задания специализированного сочетания слов:

$$Z /A + B/$$

2. Семантическую структуру специализированного сочетания:

$$S /A + B/$$

3. Сочетание его функций: $\Phi /A + B/$

Таким образом, обращаясь к характеристике специализированного сочетания любого вида, мы всегда имеем дело с неспециализированными компонентами / A / и специализированными / B / - осложняющими.

На основе этого с помощью формул мы можем представить complication пяти видов специализированных сочетаний слов в трех аспектах /см. таблицу, стр.24/.

Особо важное значение имеет тот факт, что между тремя этими категориями / Z, S, Φ / существуют последовательно каузальные отношения.

Таблица complication специализированных сочетаний слов

Типы специализированных сочетаний	Речевое задание	Семантическая структура	Функции
1. Экспрессивно-образные	$/A+B_1/$	$/A+B_1/$	$/A+B_1/$
2. Эллиптические	$/A+B_2/$	$/A+B_2/$	$/A+B_2/$
3. Афористические	$/A+B_3/$	$/A+B_3/$	$/A+B_3/$
4. Терминологические	$/A+B_4/$	$/A+B_4/$	$/A+B_4/$
5. Сателльно-шуточные	$/A+B_5/$	$/A+B_5/$	$/A+B_5/$

Специализированные сочетания слов составляют основную массу complicationных сочетаний, кроме них к complicationным относятся еще два типа сочетаний слов - неспециализированные / n и o м и р е с т р и к т и в ы/, которые выделяются также на основе функциональ-

но-семантического своеобразия, а потому включаются в общую функционально-семантическую классификацию компликативных сочетаний.

В отличие от специализированных сочетаний идиомы и рестриктивы возникают не на основе дополнительного речевого задания, а в результате определенных исторических процессов на основе частных языковых закономерностей.

Идиомы возникают в результате разрушения внутренней формы сочетаний слов и представляют собой "темные выражения" для современного носителя языка, ср.: казанская сирота, сбиться с паталыку, со всеми онерами и др. При использовании идиома носитель языка не вкладывает в него никакого специального задания. Идиом — средство вынужденной номинации, уступка речевому прошлому. Р е с т р и к т и в ы /сочетания слов с компонентом, фразеологическим ограничением/ также не создаются целенаправленно, в них также не вкладывается никакого специального задания, ср.: укротный уголок, укротное местечко.² Рестриктивы представляют собой своеобразные отклонения от нормы, т.к. "нормальное" состояние слова — это его способность входить в сочетание с разнообразными словами. Таким образом, в русском языке мы обнаруживаем семь функционально-семантических классов /типов/ компликативов /см.таблицу, стр. 28 /:

3

Семантическая осложненность компликатива определяется тем, что при создании каждого из семи типов компликативов используются совершенно определенные, своеобразные семантические операции или же компликативы возникают в результате совершенно определенного семантического процесса /идиомы, рестриктивы/. В результате этих операций или процессов складываются совершенно определенные, своеобразные отношения между семами /или коммуникациями/, характерные для данного типа компликативов, что дает совершенно своеобразный речевой эффект.

Рассмотрим последовательно все семантические операции и процессы, а затем результаты этих операций и процессов — определенные отношения между семами и коммуникациями, создающие определен-

2. Термин "рестриктивное сочетание слов" /рестриктив/ происходит от английского to restrict — ограничивать.

ний речевой эффект в рамках соответствующего функционально-семантического класса компликативных сочетаний слов.³

Все сочетания слов образуются посредством двух семантических операций: 1/ номинации и 2/ коммуникации. С помощью операции номинации образуются номинативные сочетания слов /словосочетания/. С помощью операции коммуникации образуются коммуникативные сочетания слов /предложения/.

Эти операции следует рассматривать как основные, так как ни одно словосочетание или предложение в своем образовании не может возникнуть помимо этих операций. Кроме основных, в языке существует еще целый ряд семантических операций, не обязательных для построения словосочетаний и предложений, но важных, если мы хотим придать всему высказыванию определенную специализацию: сделать высказывание образным, экспрессивным, лаконичным, официальным, афористическим и т.д. Эти операции являются дополнительными по отношению к основным и называются **специализированными**, т.к. выполняют при образовании высказывания дополнительное, специальное задание и приводят к образованию **специализированных сочетаний слов**.

Специализированные операции — это операции с семемами и коммуникациями, дающие совершенно определенный речевой эффект. Именно потому, что в качестве материала этих операций используются не только простые и комбинированные семы, но и целые коммуникации, эти операции можно считать **универсальными**. Такая классификация этих операций тем более приемлема, что на их основе создаются не только все свободные специализированные сочетания слов, но и устойчивые сочетания — фразеологический состав языка.

К специализированным универсальным операциям относятся следующие **семантические операции**:

3. Под самой мы разумеем элементарную смысловую единицу в толковании В.А. Звегинцева /"моносема"/, см. его работу "Теоретическая и прикладная лингвистика", изд. "Просвещение", М., 1968.

1/ операция сопоставления сем или коммуникаций /она дает изобразительный эффект/, ср.: глуп как пробка; встань передо мной, как лист перед травой; на небе много звезд прекрасных - красавиц много на Москве;

2/ операция противопоставления сем или коммуникаций /она дает изобразительный эффект/, ср.: ни жив ни мертв; волки и овцы; Куба - да, янки - нет; острый язык - дарование, длинный язык - наказание;

3/ операция совмещения сем или коммуникаций /она дает изобразительный эффект/, ср.: волк в овечьей шкуре; нашла коса на камень;

4/ операция столкновения сем или коммуникаций /она создает экспрессию/, ср.: пропадай пропадом, живой труп, вкривь и вкось;

5/ операция усечения комбинаторной семы или коммуникации /она создает лаконичность, сжатость высказывания/, ср.: сказано-сделано; так было, так будет; в случае чего;

6/ операция отождествления сем в рамках коммуникации /она закрепляет результаты познавательной деятельности/, ср.: знание-сила; прекрасное есть жизнь;

7/ операция логической атрибуции в рамках коммуникации /она закрепляет результаты познавательной деятельности человека/, ср.: великая истина всегда проста; бытие определяет сознание; все течет, все изменяется;

8/ операция императивации сем в рамках коммуникации /она закрепляет результаты познавательной деятельности человека/, ср.: за правое дело стой смело; не убий;

9/ операция жесткой стыковки сем /она создает точную, официальную номинацию/, ср.: цепная реакция, баллистическая ракета. Союз Безопасности;

10/ операция шпательная сем или коммуникаций /она дает юмористический, эстетико-шуточный эффект/, ср.: шила к милу му кист - вышла руковица;

II/ операция подмены сем на основе звукового сходства /она дает юмористический, каламбурный эффект/, ср.:

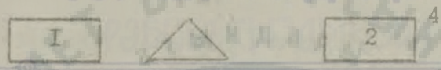
праздновать Сократа, кормить завтраками, съездить в Харьковскую губернию;

12/ операция создания шуточной абракадабры сем /она дает юмористический, затаенно-шуточный эффект/, ср.: если бы да каша, во рту бы выросли грибы; Маланья, голова баранья; Коля, Николай, сиди дома, не гуляй.

Семантическая операция создает определенный тип отношений между семами или коммуникациями, который может быть выражен графически - см. схему, стр.28.

• Схема типов отношений между семами /или коммуникациями/, возникающих на основе универсальных семантических операций.

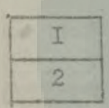
1. Отношения сопоставления:

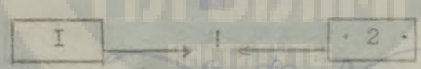
2. Отношения противопоставления:

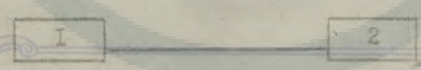
3. Отношения совмещения:

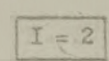
4. Отношения столкновения:

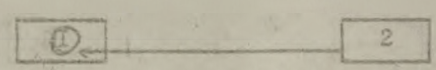
5. Эллиптические отношения:

6. Отношения отождествления:

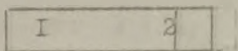

7. Отношения логической атрибуции:

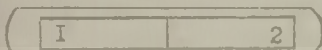

4. Цифры 1, 2 обозначают первую и вторую сему /или коммуникации/.

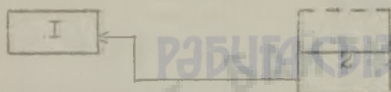
8. Отношения императивного совмещения сем:

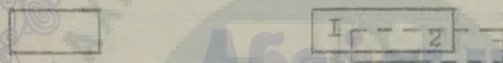
9. Отношения жесткой стыковки сем:

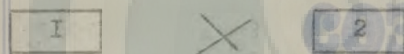
10. Отношения смежения:

11. Отношения замещения /подмены/:

12. Отношения курьеза:

Представленные в схеме формулы отношения сем и коммуникаций фиксируют сущность языковых механизмов, порождающих семантические и функциональные осложнения специализированных сочетаний слов.

4

Комплективные сочетания всех семи типов могут быть устойчивыми /фразеологические единицы/, частично устойчивыми и свободными /неустойчивыми/. Устойчивые сочетания - это сочетания, фразеологизированные целиком, а потому не допускающие обычно замены лексических компонентов, их дополнений или сокращений. Однако далеко не все сочетания, которые принято относить к фразеологии, фразеологизированы целиком: во многих из них остаются не фразеологизированными /свободными; переменными/ один, два и более слов-компонентов.

Фразеологизированы могут быть самые разнообразные части сочетаний слов: половина сложного предложения /пришла беда - отворяй ворота; пришла беда - не уйдешь никуда; пришла беда - на столе лебеда и др./, зачин фразы /была бы свинья - корыто найдется; была бы голова - хвост будет и т.п./, два слова словосочетания /лететь на крыльях мечть, лететь на крыльях любви и т.п.; грести лопатой деньги, грести лопатой золото и т.п./, одно слово словосочетания /король вальса, король мазурки и т.п.; звезда эрана, звезда балета и т.п./.

Сочетания слов, фразеологизованные не полностью, а частично, называются переменнo-устойчивыми компликативами и обозначаются символом - ПК.

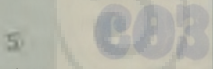
Неполной фразеологизации подвергаются все семь функционально-семантических типов компликативов: 1/экспрессивно-образные /грести лопатой деньги/, 2/эллиптические /ср.: как следует, куда следует; кому следует/, 3/афористические /пришла беда - отворяй ворота; было бы корыто - свиньи найдутся/, 4/терминологические /именительный падеж, родительный падеж и т.п./, 5/затейно-шуточные /родня: нашему самовару двородный подсвечник; нашему забору двородный плетень; нашей Катерине двородная Прасковья/, 6/рестриктивные /оказать влияние, оказать доверие и т.п./, 7/идиомы /у черта на куличках, у дьявола на куличках и т.п./.

Обобщая наблюдения над ПК, следует отметить следующие наиболее важные их особенности: 1/в составе ПК мы обнаруживаем две части: устойчивую /фразеологизированную основу/ и переменную /семантически, а часто и грамматически обусловленную/; 2/ПК образуют более или менее многочисленные /замкнутые или незамкнутые/ серии, каждая из которых строится на основе определенной типологической

5. Фразеологизированная часть дана в разбивке.

структурно — функционально модели: **Э/И** отличается не только ослабленной устойчивостью, но и ослабленной воспроизводимостью: **ант** трюбности обобщения общ. руживается в подборе переменного компонента; 4/позволяет омицилициантот ярле широконной сплсблостно к семантическому варьированию и более свободным выбором констант.

Делительные комбинации **И/и** обозначают символ — **И/и** составляют треть тип комбинации **И/и** в их классификации по признаку устойчивости. Такие сочетания не фиксируются и не хранятся в сознании носителей языка, а потому не обладают постоянным лексическим составом и индивидуальными авторскими. **И/и** — это потенциально **ФБ** и **И/и** подавляющее большинство **ФБ** и **И/и** образуется из **И/и**. Анализ позволяет в составе **И/и** обнаруживаются те же семь функционально-семантические типы: 1/“Як: колоком: обитые, крестьяне” /В.Уайнвельд/, 2/“Хле: — толодны, земл: — А.П.Чехов”, 3/“естественный: сбор” /персонально термин только Ф.Дарвина/, 4/“бульбяны: остроумя” /М.В.Салтиков-Штирн/, 5/“ля: — ся лесной” /В.Занковский/, 6/“прекрасны: циркой” /А.С.Пушк: /.

Функциональная система складывается из трех ярусов, выделенных на основе антимонии: “устойчивые — переменные”: **ФБ**, **И/и**, **И/и**. В первом из ярусов семь функционально-семантических классов /см. схему, стр. 27/. Функционально-семантические классы делятся на два типа: 1/специализированные сочетания слов /пять классов/, 2/неспециализированные /два класса/. В каждой функционально-семантической комбинации входят **ФБ**, **И/и**, **И/и**. Таким образом, все функционально-семантические классы имеют однотипную структуру из трех частей, так же как все ярусы имеют однотипную структуру из семи частей.

Все типы сочетаний слов, образующих комбинацию /брадологическую/ систему, целесообразно изучать в рамках одной лингвистической дисциплины. **ФБ** и **И/и** традиционно изучаются в рамках раздела языковедия — фразеологии. **И/и** рассматривается разными дисциплинами и в рамках фразеологии, то в рамках лексикологии, то в стилистике. Разработка основ функциональной системы должна стать важным аргу-

ментом в пользу отнесения НК к объектам фразеологии. Фразеологию как лингвистическую дисциплину следует определять как науку, изучающую семантику /смысловое содержание/ и особенности функционирования сочетаний слов, подобно тому как лексикологию мы определяем как науку, изучающую семантику и особенности функционирования слова. Объект лексикологии - словарный состав языка. Объект фразеологии - готовые или комбинированные /свободные/ сочетания слов. В силу их особой важности в речи главным объектом фразеологии являются компликативные сочетания слов: 1/фразеологический состав языка, 2/переменно-устойчивые сочетания языка, 3/свободные компликативные сочетания /индивидуально-авторская фразеология/.

Разработка фразеологической системы языка позволяет углубить наше представление об отношениях фразеологизма к другим языковым единицам /слову, словосочетанию, предложению/: в функционально-семантическом отношении ФЕ значительно ближе к словосочетанию и предложению, чем к слову. Прежде всего, система компликативов говорит о специфическом категориальном тождестве ФЕ свободным компликативным сочетаниям /Z, S, Ф/. Кроме того, в функционально-семантическом отношении фраземы и устойчивые фразы образуют органическое единство /их характеризует единство универсальных семантических операций, основных компликативных категорий /Z, S, Ф/, поэтому отрыв фразем от устойчивых фраз сторонниками лексикологической точки зрения на фразеологию следует рассматривать как попытку расчленить единый живой организм на две части. Между фраземами и словами значительно меньше общих специфически фразеологических /функционально-семантических/ качеств: у слов отсутствуют такие категории фразем, как операции с семами /важнейший фразеологический показатель/, нет ряда функций /лаконизация речи, облегчения конструирования речи и др./ и т.д.

Все это говорит о том, что системное описание фразеологии в функционально-семантическом аспекте - важный аргумент против лексикологической точки зрения на фразеологию: речь должна идти не об удободелах, эквивалентности фраземы слову, а лишь о их соотносительности.

ОБ УРОВНЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
И О МЕТОДЕ "ОКРУЖЕНИЯ"

В ряде докладов, представленных в сборнике "Вопросы фразеологии", III, говорится о фразеологизме и слове в связи с уровневой организацией языка. Согласно учению Э.Бенвениста /а другого учения об уровнях, кроме предложенного Э.Бенвенистом, нет, и всякое употребление лексемы "уровень" вне связи с его учением не является терминологическим/, "единица признается различительной для данного уровня, если она может быть идентифицирована как "составная часть единицы высшего уровня, интегрантом которого она становится"¹. Интегранты же выделяются на основе двух операций - сегментации речевых отрезков и субституции, подтверждающей, что тот или иной сегмент /всех уровней, кроме фонематического/ является знаком, имеет значение. Далее Э.Бенвенист утверждает, что лексема *salle* является знаком и функционирует как интегрант в *salle à manger* "столовая", *salle de bains* "ванная". Но в этих сочетаниях значение лексемы *salle* отличается от наиболее частотного, так называемого "номинативного" - "большая комната в доме".² /Ср. также: *salle de police* "гауптвахта", *filles de salle* "санитарка", *salle bien garnie* "хороший сбор" /в театре/.³ Для

1. Э.Бенвенист, Уровни лингвистического анализа. Сб. "Новое в лингвистике", вып. LV, М., 1965, стр.441.
2. Larousse pour tous. Paris, 1957, p.569; G.Gougenheims. Dictionnaire fondamental, Warszawa, 1964, p.242.
3. Согласно принятой нами номенклатуре, значение лексемы *salle* в упомянутых сочетаниях принадлежит не к типу Д1 /прямое отражение экстралингвистической сущности/, а к типу Д2 /отражение экстралингвистической сущности, опосредованное другой семемой/. См.: М.М.Копыленко, З.Д.Попова, Лексема в фразеосочетании как объект языкознания. Сб. "Вопросы фразеологии, III", Самарканд, 1970, стр.82.

ной степени устойчивости или идиоматичности. Вспомним Шарля Балли, который еще в 1909 году писал: "Словосочетания могут представлять различную степень спаянности в пределах между двумя крайними случаями, а именно: 1/когда сочетание распадается немедленно после того, как оно было создано, и составляющие его слова вновь обретают полную свободу вступать в другие комбинации; 2/когда слова, в силу того, что они постоянно употребляются в этом сочетании для передачи одной и той же мысли, полностью теряют свою независимость, оказываются неразрывно связанными между собой и имеют смысл только в данном сочетании. Ясно, что между этими двумя крайними случаями можно обнаружить массу переходных случаев, не поддающихся точной классификации".⁷ На наш взгляд, всякий пытливый исследователь, независимо от исповедуемой им фразеологической доктрины, оказывается вынужденным включить в орбиту своего внимания "переходные случаи", т.е. по сути сочетаемость лексем во всем ее объеме, и попытаться привести в систему то, что, по мнению Ш.Балли, не поддается точной классификации.

Напрасно М.Т.Тагиев приписывает приверженцам такого взгляда отождествление сочетаемости лексем с сочетаемостью любых других единиц и утверждает, что они готовы считать объектом фразеологии всякую сочетаемость. Нет, сочетаемость фонем - объект фонемотики и морфонологии, сочетаемость морфем - объект учения о словообразовании, сочетаемость словоформ - объект синтаксиса, а объектом фразеологии является лишь сочетаемость лексем.⁸

Она, как мы уже заметили, может характеризоваться разной степенью устойчивости и идиоматичности, которая далеко не всегда определяется дистрибуцией. Использование окружения в качестве единственного критерия отбора фразеологических единиц неправомерно сужает объект нашей науки.

7. Ш.Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр.89.

8. Сочетаемость лексем в рамках предикативных единиц /она особо заботит М.Т.Тагиева; см. указ. соч., стр.208/ - это та же сочетаемость лексем, осложненная дополнительным свойством грамматического порядка.

Следует отметить, что произведенный М.Т.Тагиевым детальный анализ окружений глагольных фразеосочетаний оказал фразеологии и науке о языке в целом несомненную пользу. Представленный в конце его книги⁹ список, состоящий из 142 конфигураций,¹⁰ отражает реальные /и вместе с тем существенные, тесные/ связи сильно идиоматичных фразеосочетаний современного русского языка с внешними по отношению к ним объектами. Однако, вопреки усилиям М.Т.Тагиева доказать обратное, предложенный им метод анализа по окружению есть не что иное, как разновидность дистрибутивного анализа,¹¹ и недостаточная мощность последнего обнаруживается в исследовательской практике автора. Чем отличается, например, "свободное сочетание" ставить палки в колеса от омонимичного ему фразеологизма? Тем, что при "свободном сочетании" употребляется существительное в род. пад. /чего?/, а при фразеологизме - в дат. пад. /кому?/. К этому автор добавляет: "При употреблении свободного сочетания ставить палки в колеса ни субъект, ни объект не могут быть именем с семантикой отвлеченного предмета, кроме того, объект не может быть именем с семантикой лица".¹² Продолжая это рассуждение, добавим, что окружение фразеологизма ставить палки в колеса включает в свой состав как наименование лица, так и наименование отвлеченного предмета. Выходит, таким образом, что дистрибуция фразеологизма в семантическом отношении богаче дистрибуции нефразеологизма и при морфологическом тождестве компонентов окружения сплошь и рядом будут встречаться случаи, когда отличить фразеологизм от свободного сочетания можно только по данным широкого контекста /ситуации/. См., примеры М.Т.Тагиева: Ку-

9. М.Т.Тагиев. Глагольная фразеология современного русского языка /Опыт исследования фразеологических единиц по окружению/, Баку, 1966.

10. "Конфигурация состоит из самой фразеологической единицы как ядра и её окружения". Там же, стр. 50.

11. См. также: В.Д.Архангельский. Методы фразеологического исследования в отечественном языкознании /60-е годы XX в./, Сб. "Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка". Ростов-на-Дону, 1968, стр.85-89.

12. Там же, стр. 26.

равлен пошел в гору. Мы далеко зашли. Мы свое возьмем. Осокин хромает на обе ноги. У меня руки чешутся¹³ и мн. др. Это заставляет думать, что в основу выделения фразеологизмов кладутся семантические признаки, а дистрибутивные показатели подбираются *ad hoc*. Иногда они необходимы для дифференциации значений фразеологизмов. Ср., например, два значения фразеологизма брать /взять/ свое: при окружении с семантикой лица - "проявить настойчивость в достижении желаемого" /Мы свое возьмем/,¹⁴ при окружении с отвлеченной семантикой - "побеждать", "проявлять силу" /Молодость свое взяла/. В других случаях дистрибуция вводит автора в заблуждение. Так им установлены три группы сочетаний глагола иметь с абстрактными существительными: 1/фразеологизмы иметь виды, иметь в виду /на том основании, что у них своеобразное окружение: у первого - предлог на + существ. в вин. пад. с семантикой лица, собственно предмета и отвлеченного предмета; у второго - либо существ. в вин. пад. с семантикой лица, не-лица, собственно предмета и отвлеченного предмета, либо глагол в инфинитиве, либо придаточное предложение;/ 2/Смонимичные конструкции иметь дело, иметь место, иметь зуб, различающиеся по окружению /ср. с одной стороны: Иван имеет дело с теорией, обмен имел место в городе, Петр имеет зуб на Сидора, с другой стороны: Иван имеет срочное дело, ученик имел место в классе, Петр имеет больной зуб;/ 3/ "Свободные сочетания" иметь вопрос, вливание, вид, намерение, право, отношение, у которых нет специфического окружения. Однако непредубежденный наблюдатель легко обнаружит, что в семантическом отношении глагол иметь в сочетании иметь право ничем не отличается от того же глагола в сочетании иметь вид или иметь зуб на кого-либо, но сильно отличается от глагола иметь в сочетании иметь больной зуб. Различается семантика вторых компонентов приведенных сочетаний, но опять-таки право в сочетании иметь право гораздо ближе к виду в сочетании иметь вид, чем к зубу в сочетании иметь больной зуб. Следовательно, дистрибу-

13. Там же, стр. 29, 83, 84, 85, 92.

14. Если установлено, что это именно фразеологизм, а не "свободное сочетание".

тивные различия плохо диагностируют различия семантические и потому должны быть отвергнуты.

Искусственность и нарочитость дистрибутивного критерия наиболее ярко проявляется тогда, когда набор лексем, отличающий фразеологическую единицу от "свободного сочетания", состоит из двух-трех вариантов. Ср., например, "свободное сочетание": просить каши + существ. с семантикой лица - Дети просят каши; фразеологическая единица: просить каши + существ. с семантикой не-лица - Ботинки просят каши. Но кроме существ. б о т и н к и в этой роли может выступать только одно существительное сапоги.¹⁵ Ср. также окружение фразеологизма стоять столбом - только дым, пыль; окружение фразеологизма до свадьбы заживет - только синяк, рана, уши¹⁶ и т.п. Ведь гроее /в противовес искусственно подобранному "окружению"/ считать фразеологизмом ботинки /сапоги/ просят каши - сочетание, в котором один из компонентов выступает в двух вариантах.

Произвольно выдвинутый узкий критерий неизбежно влечет за собой насилие над материалом, выходящим за его рамки. Так случилось с сочетанием дом отдыха, которое, как на грех, "не обладает окружением".¹⁷ "Подобных сочетаний в современном русском языке много, - пишет М.Т. Тагиев. Ср.: дом культуры, дом печати, дом правительства и под. Все эти сочетания могут быть рассмотрены в связи с вопросом о значениях слова дом...".¹⁸ Но по мере продолжения начатого М.Т. Тагиевым списка - дом Союзов, дом младенца, дом кино, дом связи, дом моделей, дом колхозника - семантика компонента дом становится все более расплывчатой. Добытый путем сопоставления десяти сочетаний инвариант смысла - "зданье, в котором помещаются официальные учреждения, зрелищные предприятия, гостиницы, выставки и т.п." - конечно, не может претендовать на роль словарного значения. "...что касается таких словоформ, как отдыха, культуры, печати, правительства, то они употребляются в прямых номинативных значениях".¹⁹ Это неверно: ...отдых в сочетании дом отдыха "Маяк" отличается по значению от

15. Там же, стр. 26, 72.

16. Там же, стр. 74.

17. Там же, стр. 206-207.

18. Там же, стр. 207.

19. Там же, стр. 207.

той же лексеме в сочетании Это - дом отдыха моего. То же относится и к каждому из вторых компонентов приведенных выше десяти сочетаний, в которые входит лексема дом. В типологии лексических значений, предложенной В.В.Виноградовым, такие значения называются не номинативными, а производно-номинативными.²⁰ Семантический сдвиг здесь, хотя и менее заметный, чем в компоненте дом, несомненно имеет место. Можно ли в угоду искусственно выдвинутому принципу пренебрегать рассмотрением обширного пласта заметно идиоматичных сочетаний лексем терминологического характера?

Таковы наши /ограниченные заданными пределами/ замечания об угроновой организации фразеологических единиц и о методе "окружения".

Е.Б.ХАТУНЦЕВА /Баку/

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОКРУЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Доклад М.Т.Тагиева "Окружение фразеологизма и слова" /"Вопросы фразеологии", вып.3/ затрагивает ряд основополагающих вопросов, например, вопрос о принципах выделения единиц фразеологического состава и методах его изучения и др./. Доклад состоит из двух частей. В первой части "Окружение фразеологизма и его место в ряду других признаков" ставится важнейший методологический вопрос - определение критерия для установления объекта науки фразеологии. Таким критерием должен служить изоморфизм единиц языка, поскольку ФЕ является единицей языка и, следовательно, должна определяться на основе признаков, характерных для единиц всех уровней языка. Эти признаки следующие: 1/значение языковой единицы всегда больше суммы значений составляющих элементов; 2/единицы языка обладают дистрибуцией, реализуемой на более высоком уровне. Ими обладают и фразеологизмы, однако здесь следует иметь в виду очень важный момент, определяющий сущность специфики ФЕ.

²⁰ В.В.Виноградо в . Основные типы лексических значений слова. ВЯ, 1953, 5.

М.Т. Тагиев пишет об этом так: "Фразеологизм образуется на синтаксическом уровне, когда сочетание приобретает определенную сему и соответствующую собственно структурную связь. Синтаксический уровень языка как бы возвращает его на уровень слова как аномалию, как отступление от правила, как уклонение от закономерностей синтаксических явлений". Отсюда следует, что специфика фразеологизма заключается в том, что он формируется и функционирует на одном и том же уровне, а именно на уровне, более высоком, чем слово, тогда как значение его находится на уровне слова, т.е. ФЕ в отличие от других единиц языка формируется из единиц того же уровня, к которому она относится по значению, а не из более простых элементов низшего уровня /как, например, слово или предложение/. Это обстоятельство, естественно, и является причиной структурно-семантической сложности ФЕ, которая отличает ее от слова. По наличию же окружения ФЕ отнюдь не противопоставляется слову, а сопоставляется с ним. Противопоставление по наличию/отсутствию

окружения дифференцирует собственно фразеологические образования от переменных и устойчивых сочетаний разного рода, т.е. сходных с ФЕ структурно, но отличных по семантике. Следовательно, в основе признака окружения надо искать общий для фразеологизмов внутренний семантический признак, обнаруживающий себя внешне в виде окружения.

Можно ли считать этим признаком семантическую цельность ФЕ? Нам кажется, что на этот вопрос следует ответить утвердительно, если речь идет о сопоставлении ФЕ со свободными сочетаниями слов, и отрицательно, если говорить о сопоставлении ФЕ с устойчивыми образованиями типа составных терминов, имеющих, при наличии семантической цельности, номинативное значение. Таким образом, за самый общий отличительный семантический признак для отграничения ФЕ от переменных сочетаний можно принять семантическую цельность:

Но для дифференциации ФЕ от сходных по семантической цельности образований /составных терминов и нек. др./ надо искать более конкретный признак, кроющийся в семантической специфике ФЕ. Она заключается в отсутствии функции номинации у фразеологизмов /при узком понимании объекта фразеологии/. Общее семантическое

свойство фразеологизмов - служить характеристикой, давать оценку, т.е. выражать какое-либо отношение /поэтому довольно удачным представляется термин А.Н.Кожина - "кажимостное значение" в отношении ФЕ; Е.П.Толикина называет это значение в отличие от номинативного "прагматическим"/.

Связи единиц языка со свободным номинативным значением отличаются большой широтой и свободой, чего нельзя сказать о ФЕ, переносное значение которых, предназначенное для характеристики, а не для номинации реалий, "привязывает" значение ФЕ только к определенному кругу явлений действительности, что и отражается в ограниченности собственно структурных языковых связей ФЕ. Поэтому противопоставление фразеологизмов составным терминам по признаку наличия /отсутствия/ окружения имеет иную семантическую основу, чем противопоставление фразеологических оборотов переменным сочетаниям, а именно неноминативный тип значения, а не цельность семантики.

Вторая часть доклада М.Т.Тагиева - "Метод окружения и его место в ряду других методов исследования фразеологического состава". Здесь привлекает внимание мысли о возможностях дальнейшей разработки метода исследования фразеологии по окружению. Как показывают теоретические основы и практическое приложение этого метода к конкретному материалу, он дает возможность многостороннего изучения фразеологических единиц. И такое изучение сейчас уже проводится. На материале русского языка методом окружения исследуются наречные, именные, междометные и другие типы фразеологизмов.

С этих же позиций изучается фразеология азербайджанского языка. Возможны подобные исследования и в области фразеологии других неродственных языков, в частности, западноевропейских.

Покажем на конкретном примере анализ по окружению английской ФЕ "make bold /или free/", у которой в словаре А.В.Кунина выделено четыре значения: 1/осмеливаться, позволить себе. = I make bold to give you a piece of advice Я позволю себе дать вам совет; 2/ /with somebody/ позволять себе лишнее, позволять себе вольность, фамильярничать, I make bold with this man . Я позволю себе вольности с этим человеком; 3/ /with something / вольно обращаться с фактами. In his article he makes free with the facts;

В своей статье он вольно обращается с фактами. 4/ /with something/ свободно распоряжаться /чужим /. The nephew made free with his uncle's money . Племянник, не стесняясь, тратил деньги своего дяди.

Указанный глагольный фразеологизм имеет двухместное окружение; модель конфигурации:

$S_{л} - \Phi - \Gamma_{н} /with + C/л + сп + оп/$

По характеру лексико-семантических групп в зависимом окружении выделяются соответственно четыре значения этой ФЕ. Однако это можно сделать далеко не всегда. Например, у ФЕ "make somebody sit up" в словаре выделены 3 значения: 1/засадить кого-л. за трудную работу; 2/перен. шокировать кого-л.; /неприятно/ удивить; 3/перен. заставить кого-л. проявить активность, расшевелить. Но так как в зависимом окружении всегда выступают имена с семантикой лица, то для дифференциации значений нужен широкий контекст.

В русском языке изучение семантики ФЕ через окружение также вызывает подобные затруднения. Так, при ФЕ "бесплодная смоковница" в двух значениях выступает в качестве окружения имя существительное с семантикой лица; только по окружению нельзя определить, какое значение имеется ввиду /если речь идет о женщине/ - "бездетная" или "бездарная, чья работа не приносит результатов". Насущной потребностью поэтому является разработка специальных семантических моделей окружения, о чем говорится в докладе. Изучение семантики фразеологизмов с помощью метода окружения кажется перспективным, т.к. на основе его, видимо, можно найти объективные критерии ограничения собственно языковых значений от речевых и контекстуальных оттенков и вариантов.

Однако подобный путь исследования связан с преодолением значительных трудностей и для того, чтобы он был эффективным, нужна большая предварительная работа.

Иногда даже точное выделение конфигурации ФЕ вызывает сомнения, т.к. не всегда ясно, что именно следует отнести к окружению, а что к распространению. Поэтому необходима дальнейшая углубленная разработка таких вопросов, как характер отношений ядра и окру-

жения, отношения собственно структурных и ситуативно-структурных видов связи, ропросов, на которые в числе других указывается во второй части доклада М.Т. Тагирева.

Почти не исследованы в отношении видов связи такие группы фразеологизмов, как модальные и междометные. Особенности семантики придадут специфические черты их функционированию в речи, их отношениям с другими элементами языка. Затруднения здесь связаны и с четким выделением этих групп единиц, и с ограничением их друг от друга, а главное - с определением типа окружения. Необходимо принципиальное решение вопроса. - имеют ли эти единицы вообще окружение или, в силу своей специфичности, лишены его, т.е. можно ли рассматривать их связи как собственно структурные? В случае положительного ответа на этот вопрос надо проверить на обширном материале, можно ли считать окружение этих единиц всегда выраженным лишь на синтаксическом уровне. И, наконец, если и здесь будет дан положительный ответ, предстоит решить вопрос, будут ли окружения однородными, т.е. достаточно ли утверждения, что окружение модальных и междометных фразеологизмов выражено всегда синтаксическими конструкциями, соответствующими предложению, или есть необходимость в дифференциации их окружения. Нам представляется на основании предварительных данных, что модальные и междометные фразеологизмы связаны специфическим образом со всем синтаксическим целым, в котором они выступают, и что связь эту можно считать собственно структурной, т.е. что модальные и междометные фразеологизмы обладают окружением, выраженным на синтаксическом уровне - конфигурацией, эквивалентной предложению. Далее нам кажется, что для междометных фразеологизмов дальнейшая дифференциация окружений нецелесообразна, а для модальных будет по крайней мере три общие модели, объединяющие следующие типы конфигурации: 1/конфигурация, фразеологическое ядро которых требует окружения - независимой синтаксической конструкции /главная часть сложного целого/; 2/конфигурация, ядро ФЕ которых требует окружения - зависимой синтаксической конструкции /подчиненная часть сложного целого/; 3/конфигурация, фразеологическое ядро которых безразлично к тому, какой синтаксической конструкцией /зависимой или независимой/ является их

окружение.

Встречаются трудности при вычленении и определении объема конфигураций некоторых именных ФЕ, в частности, таких, для которых предикативно-характеризующая функция не является основной /напр.: злые языки, железный занавес/; единиц, которые чаще всего характеризуют не отдельный объект, а целую ситуацию /напр., заколдованный круг, вавилонское столпотворение/. Можно, видимо, по-разному решать вопрос об окружении таких глагольно-именных выражений, как: смотреть сквозь розовые очки, остаться у разбитого корыта, сулить златые горы, поклоняться золотому тельцу, жить аредовы веки и т.п. Словари чаще всего включают глагол в состав компонентов ФЕ, однако, это нарушает принципы вычленения ядра конфигурации и отграничения его от окружения. Если считать, что в подобных случаях имеются два варианта ФЕ - глагольный и именной /например: поклоняться золотому тельцу - золотой телец; сулить златые горы - златые горы и т.п./, то признание первого будет содержать указанное нарушение, а второй, именной вариант обычно является малоупотребительным и чаще всего не имеет предикативно-характеризующего значения.

В подобных случаях нам представляется наиболее целесообразным считать глаголы узким окружением именной фразеологической единицы, а сами ФЕ в модели конфигурации отмечать в форме соответствующего косвенного падежа. Хотя при такой интерпретации не отражается возможность употребления ФЕ в разных падежах, в том числе и в именительном, это более редкое, нетипичное употребление, чем с постоянно сопутствующим глаголом в форме косвенного падежа, указанного в модели.

Много работы предстоит при решении таких практических вопросов как выявление полного лексического состава, грамматической формы и семантического объема окружений ФЕ всех типов. Здесь нужна, с одной стороны, обширная картотека, отражающая все возможные варианты, а с другой - разработка детального отражения в моделях конфигураций этих вариантов, отдельных лексических групп и т.п. Особенно трудоемким является определение всех компонентов вариативного многоэлементного окружения у разных типов ФЕ.

В конечном итоге дальнейшая работа по изучению фразеологии методом окружения должна практически оказаться ценным вкладом в лексикографию, а теоретически - помочь осветить и осмыслить многие основные проблемы фразеологии.

А.Г. НАЗАРИН /Москва/

О СТАТУСЕ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

РАБОТА И.И. ЧЕРНЫШЕВОЙ

Проблема соотношения фразеологизма и слова чрезвычайно важна прежде всего потому, что от ее решения в конечном итоге зависит судьба фразеологии, а именно: останется ли фразеология по-прежнему "придатком" лексикологии или разовьется в самостоятельную лингвистическую дисциплину. Чтобы вырвать фразеологию из "тисков" лексикологии и превратить ее в самостоятельный раздел языкознания /к чему несомненно стремится большинство исследователей-фразеологов/, принципиально важно доказать и научно обосновать качественное отличие фразеологизма от слова. В самом деле, фразеологическая литература последних лет, а также представленные на настоящем симпозиуме доклады свидетельствуют о том, что в этом направлении ведется большая исследовательская работа.

Здесь следует отметить, что особенно важное значение имеют анализ и сопоставление тех лингвистических явлений и процессов, которые присущи как фразеологизмам, так и словам.

В докладе проф. И.И. Чернышевой убедительно показано, что такие семантические категории лексики, как полисемия, синонимия и антонимия имеют качественно иной характер в фразеологических единицах. Весьма примечательно, что для выявления специфических свойств фразеологической единицы проф. И.И. Чернышева обращается к анализу ее семантики. Думается, это единственно правильный путь решения проблемы отграничения фразеологизма от слова, ибо, как показывают факты, структурные и структурно-грамматические признаки ФЕ не позволяют нам этого делать. Даже такой бесспорный общепризнанный структурный признак ФЕ, как *раздельнооформленность*, не может

быть дифференциальным для нее, так как если игнорировать семантику ФЕ, то вся разница между ней и словом будет сведена к количеству компонентов. Вот почему качественное отличие фразеологической единицы от слова следует искать в ее семантических особенностях. Исходным моментом здесь должно служить положение о том, что не слова сами по себе делают данное словосочетание фразеологическим, а их значения, причем не лексические, а фразеологические. Такая трактовка проблемы соотношения фразеологизма и слова, на наш взгляд, позволяет вывести фразеологизм из лексической системы языка и включить его в новую, фразеологическую. К сожалению, до сих пор среди лингвистов нет единого мнения о сущности фразеологической единицы и ее релевантном признаке. А это обстоятельство может существенно тормозить решение обсуждаемой проблемы. Ведь для сопоставления фразеологизма и слова мы должны точно знать, какую лингвистическую единицу сопоставляем со словом, какова ее сущность и природа. В настоящее время, поскольку существует несколько определений объекта фразеологии, результаты сопоставления фразеологизма со словом оказываются разными, а иногда даже противоположными.

На наш взгляд, для положительного решения волнующей нас проблемы следует исходить из примата семантических признаков ФЕ, ибо, как говорилось уже, только на основе этих признаков можно отграничить от слова фразеологизм как качественно отличную языковую единицу. Здесь не лишне напомнить, что основоположник фразеологии Ш. Балли существенными признаками ФЕ считал исключительно семантические. Он недвусмысленно заявлял, что "действительную ценность имеют лишь только внутренние /т.е. семантические - А.Н./ признаки". Тот факт, что столь убежденный сторонник синхронической лингвистики и последователь Ф. де Соссюра так решительно занял позицию в пользу семантического принципа по вопросу о сущности фразеологических единиц, весьма примечателен. И хотя Ш. Балли был слишком категоричен в своих выводах о признаках ФЕ /структурные признаки, несомненно, тоже важны и заслуживают изучения/, все же в целом его исходное положение в данном вопросе безусловно правильно.

Однако практика показывает, что даже не каждый семантический

признак ИИ может претендовать на роль ведущего, релевантного. Не углубляясь в данный вопрос, хочется лишь отметить, что из множества выдвинутых определений наиболее перспективным нам представляется то, которое рассматривает фразеологическую единицу как устойчивое словосочетание, возникающее в результате полного или частичного семантического преобразования. Тезис этот был выдвинут проф. Б.А.Лариным и впоследствии разбит и детально разработан проф. И.И.Чернышевой на материале немецкого языка. Наши исследования, проведенные в области французской фразеологии, показали, что он может быть успешно применен также к французскому языку.

Трактовка фразеологизма как семантически преобразованной лингвистической единицы имеет то большое преимущество, что позволяет успешно решать проблемы, связанные с основными понятиями фразеологии и, вместе с тем, провести качественную грань между фразеологизмом и словом. Будучи явлением универсальным и общим для всех языков, семантическое преобразование тем не менее в разных языках может иметь разные формы проявления. Одной из наиболее распространенных форм семантического преобразования, рассматриваемой почти всеми исследователями как бесспорный признак фразеологичности, является метафорическое переосмысление как форма семантического преобразования присущая также слову, например, словесной метафоре. В этих условиях сопоставление указанных выше двух языковых единиц в семантическом плане приобретает принципиальное значение. Подобное сопоставление показывает, что метафоризация фразеологизма и слова качественно различна.

Значение словесной метафоры является производным от значения ее прототипа – свободно организуемого слова, ибо между ними есть определенная смысловая связь, без которой метафора вообще не может существовать. Вот почему значение словесной метафоры выводимо и семантический результат ее переосмысления может быть прогнозирован.

Иначе обстоит дело с фразеологизмом. Здесь семантический результат метафорического переосмысления нельзя предугадать, ибо этот результат является, как правило, производным. Сказанное находит свое подтверждение в тех случаях, когда фразеологизация

одного и того же свободного словосочетания в разных языках дает разные семантические результаты.

А. И. АЛЕХИНА /Челябинск/

К ТЕОРИИ СООТНЕСЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ
СО СЛОВОМ

Теория соотнесенности фразеологической единицы со словом, разрабатываемая советскими фразеологами, является составной частью теории фразеологии как лингвистической дисциплины.

Многие советские лингвисты пришли к убеждению, что фразеология является самостоятельной лингвистической дисциплиной, и поэтому проблема "фразеологизм и слово" приобретает особое значение, решение которой может внести существенные коррективы в наши представления о системных свойствах языка и природе речевой деятельности. В этой связи проблема соотнесенности фразеологической единицы со словом, изложенная в работах А. В. Кунина и, в частности, в его докладе на нашем симпозиуме является одним из важных разделов проблемы фразеологизма и слова.

Фразеологическая единица имеет много общего со словом, поэтому нередко говорят об эквивалентности фразеологизма и слова. Теория эквивалентности восходит к теории идентификации экспрессивных фактов, разработанной Ш. Балли, который указывал, что самым общим признаком фразеологического оборота является возможность или невозможность подстановки вместо данного оборота одного простого слова. Такое слово Ш. Балли называл словом-идентификатором и рассматривал его как внутренний признак целостности фразеологической единицы. Нельзя не согласиться с А. В. Куниным, что точка зрения Ш. Балли вызывает возражения, так как семантическая целостность фразеологической единицы не может быть установлена таким путем, ибо и переменные сочетания слов могут иметь синонимы-слова, а многие фразеологизмы вообще могут не иметь слов-идентификаторов. А. В. Кунин считает, что семантическая целостность фразеологической единицы, словосочетания и предложения может быть установлена

при сопоставлении их значений со значением их компонентов как отдельных слов, а также выявлением особенностей их употребления в контексте. Такой метод рассмотрения фразеологических единиц нам представляется более оправданным, ибо он раскрывает сущность комплексного метода изучения соотношения фразеологических единиц и слов, изложенного в докладе А.В.Кунина, т.е. когда при рассмотрении соотношения фразеологических единиц и слов объективно учитываются семантические, структурные, грамматические и акцентологические особенности фразеологических единиц и слов и их реализации в контексте.

Такие основные различия как раздельнооформленность фразеологизма и цельнооформленность слова выдвигаются в докладе А.В.Кунина как один из принципов теории соотносительности фразеологической единицы и слова. Это очень важно. С нашей точки зрения - это не простое отличие слова от фразеологизма. Характер интралингвистических связей морфем в слове и слов во фразеологической единице не эквивалентен: замкнутость первых, обусловленная их цельнооформленностью, и незамкнутость последних, вытекающая из их раздельнооформленности. Незамкнутость интралингвистических связей фразеологических единиц очень часто приводит к определенным отступлениям от принятой языковой нормы. Такие отклонения можно классифицировать как лексические, морфологические, синтаксические, семантические, наблюдаемые во многих языках. Для слов же такое явление - не характерно.

Полное или частичное переосмысление компонентов фразеологической единицы также является одним из принципов теории соотносительности А.В.Кунина. Для слов такая особенность считается не обязательной. С этим нельзя не согласиться, хотя принято говорить либо об "ослаблении значения компонентов", либо о "семантической демотивации" компонентов и т.д. Можно только добавить, что переосмысление слов - уже, у фразеологических единиц - шире, потому что шире их внутренняя контекст.

Во фразеологии признается как моделированность фразеологических единиц, так и их единичность, немоделированность.

Если бы фразеологические единицы были моделированными об-

разованиями и каждый раз такая модель создавалась бы в речи, то тогда они не были бы фразеологическими единицами, потому что ничем бы не отличались от любого сочетания слов в предложении при их воспроизведении. Ведь слово дает жизнь словосочетанию - фразеологической единице, предоставляя в его распоряжение всю гамму значений и синтаксические связи. Образование фразеологических единиц по грамматической модели переменных словосочетаний и предложений, как одно из положений теории соотнесенности А.В.Кунина, не только не подчеркивает общности слова и фразеологизма, а наоборот, еще более утверждает их тесную связь и взаимозависимость в языке.

Вопрос соотнесенности фразеологической единицы слову - вопрос не только терминологии: он тесно связан с вопросом отграничения объема и предмета фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. Не имея возможности остановиться на других принципах теории соотнесенности А.В.Кунина, изложенных в докладе, можно заключить, что комплексный подход к изучению соотношения фразеологической единицы со словом, рекомендуемый А.В.Куниным, может быть основополагающим, потому, как нам представляется, что он предполагает изучение соотнесенности фразеологической единицы со словом в системе, а не изолированно и тем более продуктивно, если такое изучение будет проводиться на материале многих языков. Вероятно, каждый язык покажет общее и различное соотношение фразеологической единицы со словом, а также определенные структурно-семантические закономерности самих фразеологических единиц. Приравнивание же фразеологических единиц к эквивалентам слов искусственно лишает язык взаимозависимости и неразрывной связи языковых явлений как необходимого условия их развития.

С.Г.ГАВРИН /Пермь/

ФРАЗЕОЛОГИЗМ И СЛОВО В ИХ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
/ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ/

Современная фразеология - многоаспектная лингвистическая дисциплина, поэтому сопоставление ФЕ с другими языковыми единицами мо-

жет быть достаточно объективным и точным лишь в том случае, если оно проводится в строго определенном аспекте. Грамматический аспект не является главным, специфическим для фразеологии, но изучение ФЕ в этом аспекте имеет принципиальное значение для определения объектов фразеологии как лингвистической дисциплины, а сопоставление ФЕ и слова должно служить решению этой важнейшей проблемы фразеологии.

Сама постановка проблемы требует и другого уточнения. Фразеологизмы /ФЕ/ в полном их составе нельзя сопоставлять со словом, т.к. многие из них несопоставимы с ним: около половины ФЕ выступают в грамматической форме предложения /устойчивые фразы/, довольно большой разряд ФЕ /фразеологические дериваты/ могут одновременно выступать и как номинативные единицы /ср.: залечить раны/, и как коммуникативные /раны залечены/.¹ Со словом в грамматическом аспекте сопоставимы лишь ФЕ, выполняющие в речи, как и слово, номинативную функцию, т.е. фраземы. А поскольку грамматические средства номинации находятся в определенных системных отношениях, то рассмотрение вопроса необходимо начать с освещения /в общих чертах/ системы грамматических средств номинации. В основе этой системы лежит ряд грамматических значений, отражающих основные типы реалий. Реалией принято называть любой объект наше: мысли, реально существующий вне поля или в рамках поля нашего сознания. Следовательно, реалии - это все многообразие компонентов объективной действительности.

Философов и логиков давно занимал вопрос о том, в рамки каких категорий укладывается это многообразие, другими словами, какие типы реалий объективной материальной действительности можно выделить с достаточно научной обоснованностью.² В выявлении их самых

1. См. работу С.Г. Гаврина "Взаимосвязь явлений номинации и коммуникации в процессе функционирования и развития фразеологического состава русского языка /Учен. зап. Пермского гос. ун-та им. Горького, № 243, Вопросы грамматики, 1970/.

2. См., например, работы: Ф.Энгельс, Диалектика природы. Госполитиздат, 1948; Д.С.Милль, Система логики. Изд. "Книжное дело", М., 1897; Ф.Гегель, Наука логики. Соч., М., т.1., 1929-1940; А.Варьяш, Логика и диалектика. Госиздат., М.-Д., 1929 и др.

обидх типов учене более или менее едиоудшны. Они отмечают следу-
ющие основные типы реалий: 1/предметы материального мира /физи-
ческие тела/, 2/действия и состояния /как различные фазы измене-
ний/ предметов, 3/свойства предметов, 4/свойства действий и сос-
тояний, 5/множественность как особая форма существования пред-
метов, состояний и действий и их свойств.

Естественно, что они по-разному отражаются в нашем сознании в
зависимости от аспекта, в котором рассматриваются. В разных аспек-
тах возникают свои обобщающие понятия, которые соответствуют этим
типам реалий. Философы-материалисты такие понятия с высокой степе-
нью абстракции и обобщения назвали к а т е г о р и я м и. В
связи с этим всем указанным типам реалий соответствуют /как их
отражения в сознании людей/ следующие философские категории:

1/материя /все то, что мы можем воспринимать с помощью орга-
нов чувств, т.е. совокупность физических предметов/; 2/движение
материи /как форма ее существования/ - действия и состояния пред-
метов материального мира; 3/качество материи /свойства пред-
метов, действий и состояний материального мира/; 4/количество мате-
рии /множественность/.

Те же основные типы реалий иначе отражаются в грамматическом
аспекте: в языке они проявляются в виде: 1/категории предметно-
сти; 2/категории действия /или состояния/; 3/категории свойства
/характеристики/ предметности; 4/категории свойства /характе-
ристики/ действия; 5/категории числа.

Итак, наиболее общими понятиями, к которым можно свести все
остальные, в материалистической философии являются четыре основопо-
лагающие категории: материя, ее движение, качество и количество;
в грамматике - 5: категория предметности; действия или состояния;
свойства предметности; свойства действия; числа.

Основные грамматические категории /или значения/ получают
специфическое формально-грамматическое выражение, начиная от час-
тей речи и кончая типами фразеологизмов и придаточных предложений.

Поскольку эти грамматические значения /категории/ являются
как бы фундаментом системы грамматических форм, нам представляется
целесообразным назвать их /при отсутствии более подходящего

термины/ базисными грамматическими значениями.

Номинации — это явление названия, обозначения различных реалий и их типов. Мы можем именовать физические предметы /дом; каменный дом; дом, построенный на песке/, действия /строить, быстро строить, строить воздушные замки/, свойства /умный, очень умный, семи пядей во лбу/ посредством отдельных слов, словосочетаний, фразеологических единиц. Все они называются единицами языка и речи, так как выполняют функцию названия. Номинативные единицы могут быть готовыми, устойчивыми /части речи, фраземы/ и свободными, комбинаторными /слоносочетания, придаточные предложения/. Готовые номинативные единицы — это своеобразные ярлыки на отдельные реалии /Пермь, Кавказ, Пушкин, Луна, Венера/ или целые классы реалий /человек, поэт, атом, писатель, строить, смелый, красный и т.д./.

Номинативные единицы, являясь лишь инвентарем, строительным материалом для предложений, не выполняют сообщительной функции в общественной коммуникации, так как не составляют самостоятельного в смысловом и грамматическом отношении высказывания. Важнейшим грамматическим признаком номинативной единицы является закрепленность за ней того или иного базисного грамматического значения.

Все базисные грамматические значения, вместе взятые, являются очень важными логико-семантическими категориями, с которыми в языке связан непрерывный процесс отражения всех типов реалий. Именно через эти значения при их активном и непреходящем участии различные реалии отражаются в формах знаменательных частей речи, словосочетаний, фразеологизмов и даже придаточных предложений. Поскольку речь идет о различном материальном оформлении одних и тех же грамматических значений при разных способах наименования реалий, можно говорить о разных грамматических средствах номинации, выражающих одни и те же грамматические значения. Более того, можно говорить о системе грамматических средств номинации, объединенных выражением базисных грамматических значений.

Известно, что система — это объективное единство закономерно

связанных друг с другом предметов и явлений материального мира. Можно с достаточной доказательностью констатировать, что грамматические средства оформления номинации составляют естественную систему, сложившуюся независимо от воли и сознания отдельных носителей языка, так как эти средства образуют объективное единство грамматических форм, закономерно связанных друг с другом. Чтобы в этом убедиться, необходимо вспомнить, как строится любая естественная система. В системе обычно различают ее первичные элементы, которые объединяются в разнообразные звенья и разряды. Это объединение происходит не случайно, а в соответствии с какими-либо правилами, на основе той или иной закономерности. Первичные элементы, объединенные в звенья и разряды, образуют объективное единство не только потому, что они связаны в единое целое внутренней закономерностью, но и потому, что все они обладают известной однородностью. Это выражается в наличии объединяющих, релевантных свойств. Если определенное множество объектов изучения /первичных элементов/ объединяется в такое единство, то мы имеем достаточные основания говорить об их системе.

Грамматические средства номинации, несмотря на их необычайное внешнее разнообразие, образуют именно такое единство.

Первоначальными элементами системы грамматических средств номинации являются разнообразные грамматические формы, с помощью которых языковая номинация становится реальностью и обретает грамматическую определенность. К числу таких форм, во-первых, относятся все формы знаменательных частей речи /существительных, числительных, прилагательных, глаголов и наречий/; во-вторых, все формы словосочетаний /исключая так называемые предикативные/; в-третьих, все формы фразем /в противоположность устойчивым фразам/ и, в-четвертых, основные формы придаточных предложений, в которых коммуникативная функция подчинена номинативной.³

3. Словосочетания понимаются как номинативные единицы в противоположность предикативным в соответствии с работами В.В. Виноградова, Н.Д. Шведовой и др. См. работы: В.В. В и н о г р а д о в, Вопросы изучения словосочетаний, Вопросы языкознания, 1954, 3, стр. 11-13; Н.Д. Ш в е д о в а, Активные процессы в совр. русск. синтаксисе, изд. "Просвещение", М., 1966, стр. 4-7.

Каждый из этих четырех разрядов грамматических форм, представляющих собой своеобразные 4 яруса системы, состоит из определенных и весьма сложных звеньев. Так, первый ярус составляют такие звенья, как совокупность форм имен существительных, совокупность форм имен прилагательных, совокупность форм глаголов и т.д. Второй ярус составляют такие звенья, как совокупность моделей субстантивных словосочетаний, совокупность моделей адъективных словосочетаний и т.д. Третий ярус может быть представлен такими звеньями, как совокупность структурных типов субъективных фразеологизмов, совокупность структурных типов адъективных фразеологизмов и т.д. Наконец, четвертый ярус образуют такие звенья, как совокупность моделей изъяснительных придаточных предложений, совокупность моделей определительных придаточных предложений и т.д.

Все эти грамматические формы, являющиеся средством грамматического оформления номинации, закономерно взаимосвязаны, благодаря чему они представляют собой стройное здание форм с единым основанием /см. таблицу, стр. 53/. Первая закономерность системы заключается в том, что в состав каждого разряда /яруса/ входит пять звеньев /в составе четвертого яруса 2 звена отсутствуют по причинам, которые объяснены в печати/⁴, количество которых определяется тем, что каждое звено яруса выражает одно из пяти базисных грамматических значений. Вторая закономерность проявляется в том, что ярусы располагаются в порядке усложнения формы номинации. Первый ярус составляют формы частей речи, так как они являются относительно простыми средствами оформления номинации. Второй ярус образуют модели словосочетаний, более сложные /структурно расчлененные/ формы выражения номинации. Третий ярус представлен структурными типами фразеологизмов, грамматическая структура которых, хотя и повторяет строение основных моделей словосочетаний, но имеет усложненные дополнительные формы /появление последних объясняется тем, что номинативная функция фразеологизмов сочетается с другими, фразеологическими, дополнительными функциями, такими как

4. См. работу С.Г. Г а в р и а. "Структурные типы фразеологизмов как закономерное отражение основных типов реалий". /Учен. зап. Пермского гос. пединститута, том 43, вып. 3, 1967/.

образно-выразительная, функция лаконизации и др.⁵ и различные грамматические ограничения. Четвертый ярус составляют придаточные предложения как самая сложная форма грамматического оформления номинации. Сложность этой формы заключается в том, что по внутреннему строению придаточное предложение - коммуникативная единица, а по общей, внешней структуре - номинативная. Иначе говоря, в придаточном предложении, как в языковой единице, коммуникативная функция объединяется с номинативной и подчиняется последней. Таковы закономерные связи в общей системе грамматических средств номинации.

Наконец, рассматриваемая нами система, как и любая другая, обладает общими свойствами, объединяющими в единое целое все первоначальные элементы - разнообразные грамматические средства оформления номинации. К таким свойствам относится направленность любой из грамматических форм на объективную действительность только через базисные грамматические значения; обязательное выражение базисного грамматического значения - релевантное свойство всех простейших элементов системы.

Выявление системы позволяет нам углубить представление об отношениях фразеологизмов к структурным звеньям первого яруса /словам/. Пять базисных грамматических значений определяют наличие в языке пяти полнозначных частей речи и пяти структурных типов фразеологизмов. Сходство последних с частями речи проявляется в их функции, в выражении одинаковых базисных грамматических значений. По фразеологизмы нельзя уподоблять словам, так как единицы всех четырех ярусов одинаково сходны между собой как выразители базисных грамматических значений, и нам пришлось бы говорить о подобии каждого из четырех ярусов единицам остальных ярусов.

Уже само положение фразем в системе грамматических средств номинации подсказывает, что между фраземой и словосочетанием в грамматическом аспекте неизмеримо большая общность, нежели между фраземой и словом. Это, в свою очередь, делает необоснованным

5. См. работу С.Г.Гавриана "Фразеологизация элементов речевого потока как лингвистическое явление". Уч.записки Пермского педагогического института, вып. 34, Пермь, 1966.

уподобление фраземы слову. Можно говорить лишь о соотносительности фраземы и слова в рамках системы грамматических средств номинации. О большей близости фраземы к словосочетанию, чем к слову говорят многочисленные факты. Приведем лишь некоторые из них:

1/ только фразеологизмы фиксированной формы являются застывшими в своих формах и функциях лексикализованными словосочетаниями /засучив рукава, на широкую ногу/; 2/ фразеологизм и свободное словосочетание имеют одинаковое внутреннее строение: они обладают обычно грамматически активным опорным словом и образуют одинаковые типы сочетания слов; 3/ подобно свободным словосочетаниям, большинство фразеологизмов /9/10/ обладает способностью к формоизменению; 4/ как и свободные словосочетания, подавляющее большинство фразеологизмов обладает живыми, изменяемыми синтаксическими функциями и связями: один фразеологизм может выступать в роли различных членов предложения и широко обновлять свои синтаксические связи; 5/ подобно свободным словосочетаниям, большинство фразеологизмов имеет лишь относительно устойчивый порядок слов и всегда раздельное ударение, допускает дистантное расположение компонентов.

Как лексикализованное словосочетание фразеологизм испытывает ряд ограничений в формоизменении, синтаксических функциях и связях, в порядке следования компонентов и в возможности дистантного их расположения. Эти ограничения в полной мере присущи лишь фразеологизмам фиксированной формы, остальные фразеологизмы испытывают эти ограничения в весьма малой степени.

Таким образом, лишь фразеологизмы фиксированной формы /1/10 всех фразеологизмов/ лишены способности к формоизменению, обладают застывшими синтаксическими связями, выполняют функцию лишь одного, определенного члена предложения и связаны неизменяемым порядком слов. Только фразеологизмы фиксированной формы являются застывшими в своих формах и функциях лексикализованными словосочетаниями, а потому термин "синтаксически составные слова" оправдан по отношению к фразеологизмам фиксированной формы, но не мотивирован, не оправдан в употреблении по отношению к фразеологизмам полного или частичного формоизменения.

Логика развития фразеологии как лингвистической дисциплины требует четкой переориентации в фразеологических исследованиях: от многолетних увлечений сопоставлениями фразеологизма и слова /что не теряет свое значение и в настоящее время/ необходимо энергичнее переходить к изучению связей, общности и различий между фразеологизмом, с одной стороны, и словосочетанием и предложением - с другой. Теория эквивалентности фраземы слову должна уступить место концепции соотносительности фраземы со словом, которая должна получить свое дальнейшее развитие. Но еще большее развитие должна получить теория соотносительности фразеологизма и сочетания слов, ибо фразеологизмы - это сочетания слов, и объект фразеологии - это сочетания слов, а не слово /"синтаксически составное слово"/.

М.М. КОПЫЛЕНКО /Алма-Ата/

ФРАЗЕОЛОГИЯ - НАУКА О СОЧЕТАЕМОСТИ ЛЕКСЕМ И СЕМЕМ

Необходимо возразить тем, кто пытается вновь приобщить фразеологию к лексикологии /или семасиологии/ и разрушить, таким образом, здание, построенное сотнями исследователей за последние 25-30 лет.

И.С. Тышлер в своем выступлении на настоящем симпозиуме опасается за судьбы лексикологии: от нее уже отпочковалась семасиология, теперь претендует на роль самостоятельных дисциплин учение о словообразовании и фразеология; что же от лексикологии в конце концов останется? Нам представляется, что опасение это возникло вследствие неразличения природы лингвистических объектов. Среди них следует различать сущности и сочетания сущностей. Сущности изучает фонология, морфология, лексикология, семасиология /учение о семах, означаемых лексем/. Другие лингвистические дисциплины исследуют сочетания сущностей: сочетание фонем - фонемотактика и морфонология, сочетания морфем - учение о словообразовании, сочетания лексем и семем - фразеология, сочетания словоформ - синтаксис.

Разумеется, следует учитывать взаимосвязь и взаимозависимость объектов и соответственно - дисциплин, однако это не исключает необходимости предложенного деления. Между тем, до недавнего прошлого существовала лишь одна дисциплина, объектом которой была комбинаторика. Этой дисциплиной был синтаксис, который явно не справлялся с многообразными задачами исследования сочетаемости, возникавшими по требованию практики и в связи со спонтанным развитием языкознания.

Если фразеология возьмет на себя изучение лишь узкого круга сочетаний лексем - сочетаний единичного контекста, то это не разрешит проблемы. Рассмотрим в связи с этим три значения сочетания черная кошка: 1/"домашнее животное определенного цвета", согласно предложенной М.М.Копыленко и З.Д.Поповой типологии фразеосочетаний /См. сб. "Вопросы фразеологии" Ш, Самарканд, 1970, стр.84/ - D_1D_1 ; 2/"животное, индуцирующее суеверный страх"; в этом случае лексема "черный" передает не цвет, а особое "фобогенное" свойство /так же, как в сочетании "красная икра" "красная" означает не цвет, а "сорт", "артикул продукта"; это D_2D_1 ; 3/"ссора", "нарушение дружеских отношений" - K_2K_2 /обычно в сочетании с лексемой пробежал а/. Ср. также в английском языке: red heering: 1/ D_1D_1 - "сельдь красного цвета", 2/ D_2D_1 - "копченая сельдь"; 3/ K_2K_2 - "нечто отвлекающее внимание, позволяющее ввести в заблуждение"; dark horse: 1/ D_1D_1 - "лошадь темного цвета"; 2/ K_1D_1 - "участвующая в скачках лошадь, данные о которой неизвестны"; 3/ K_2K_2 - "малоизвестный кандидат на президентских выборах в США".

Если фразеология будет занята только сочетаниями типа K_2K_2 , то сочетания, семемы которых прямо или косвенно связаны с денотатами D_1^X, D_2^X или сохраняют мотивированную связь с ними /КХ; см., например, кроме приведенного выше dark horse /2/, взять на кушку, пороть горячку/, формально останутся в ведении синтаксиса, а на самом деле не будут серьезно изучаться.

В пределах же одной науки - фразеологии - будет обеспечено единство подхода к сочетаемости лексем и семем и единство их анализа - от эфемерных, разрушающихся вслед за возникновением сочетаний /совершенно свободных/ до лексически неразложимых /точить

лясы/ и семантически неразложимых /остаться с носом/ единиц. Достаточно четкий порог /например, наличие в сочетании КГ семемы, которой не соответствует денотативная сущность, но сохранившей с ней связь, мотивированной/ проводит грань между собственно фразеологизмами и фразеосочетаниями, не являющимися таковыми.

Такой подход к сочетаемости лексем и к объему фразеологии обеспечен развитием нашей науки. Самыми широкими были изначальные точки зрения /Ш.Балли, Е.Д.Поливанов, Г.О.Винокур/. В том же русле развивались теории О.С.Ахмановой, И.Е.Аничкова, а также учение И.А.Мельчука о градуировании устойчивости и идиоматичности. Плодотворно осуществленное И.М.Шанским включение в объект фразеологии всех воспроизводимых сочетаний лексем. Н.Н.Амосова настаивала на необходимости изучения всех видов сочетаемости лексем без исключения, хотя и распределяла при этом единый по своей сущности объект исследования между тремя дисциплинами /контекстологией, стилистикой и фразеологией/. Эти взгляды синтезируются и дополняются сведениями об инвариантной воспроизводимости, групповой устойчивости и идиоматичности. /См. сообщения М.М.Копыленко и Э.Д.Поповой в сборниках "Проблемы устойчивости и парантности фразеологических единиц" /Тула, 1968/, "Вопросы фразеологии, Ш" /Самарканд, 1970/, и в настоящем сборнике/.

В.Д.УШАКОВ /Москва/

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОБЪЕМЕ ФРАЗЕОЛОГИИ И ИДИМАТИКИ /ИДИСОЛОГИИ /

Сложность какого бы то ни было объекта предполагает возможность различных подходов к его изучению, возможность различного разграничения его свойств, частей, может порождать недоговоренность, несогласованность в пользовании терминологией и т.д.

Все это и имеет место в науке, называемой фразеологией, объем и объект которой пока трудно считать окончательно, четко и, тем более единообразно, определенным. Мы полагаем, что наличия различных подходов к фразеологии едва ли удастся избежать, но важно другое, а именно - логичность и строгость построений в рамках опреде-

ленной схемы. В этом плане нам представляется удачной статья М.М.Копыленко и З.Д.Поповой, помещенная в "Трудах Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои, Вопросы фразеологии", III, Самарканд, 1970. В этой статье развиваются известные идеи М.М.Копыленко, в свою очередь являющиеся развитием концепции Е.Д.Поливанова, считавшего необходимым выделить особую дисциплину, занимающую "по отношению к лексикологии то же положение, какое синтаксис занимает по отношению к морфологии".¹

Взгляд на фразеологию как науку о фразеосочетаниях /сочетаниях лексем/ вполне правомерен. При этом объектом фразеологии будут как свободные словосочетания /не включающие идиоматичных компонентов/, так и идиоматичные словосочетания /включающие идиоматичные компоненты/.² С другой стороны, взгляд на идиоматичность, как на свойство, прямо пропорциональное сдвигу, претерпеваемому в семемах лексем³ /это положение позволяет предполагать возможность идиоматичности отдельного слова/, а также взгляд на идиоматичность как сдвиг, отклонение, специфичность либо в плане выражения, либо в плане функционирования на любом уровне языка,⁴ позволяют следующим образом модифицировать схему, предлагаемую М.М.Копыленко и З.Д.Поповой.⁵

Предлагаемая нами схема учитывает не только план номинации, но и план коммуникации.

1. См.: М.М.Копыленко, Заметки по общей фразеологии, - Сб. "Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц", Тула, 1968, стр.19.

2. См.: И.А.Мельчук, О терминах "устойчивость" и "идиоматичность", ВЯ, 1960, № 4.

3. См.: М.М.Копыленко, З.Д.Попова, указ. статья, стр.85.

4. Подробно см.: В.Д.Ушаков, Идиоматичность как свойство языка на разных уровнях /на материале арабского и других языков/, "Народы Азии и Африки", 1970, № 3.

5. См.: М.М.Копыленко, З.Д.Попова, указ. статья, стр.82.

Аспекты	Грамматический	Лексический	Синтаксический
Объекты	/план номинации/	/план номинации/	/план коммуникации/
сущности	морфологические	слова -	идиоматические
	<u>Морфология</u>	<u>Лексикология</u>	<u>Предикативная синтагматика</u>
	идиоматизмы ⁶	идиомы ⁷	единицы
сочетания	синтаксические	идиоматические	Синтагматика на
сущностей	<u>Синтаксис</u>	<u>Фразеология</u>	уторне высказываний
	идиоматизмы	словосочетания	больших, чем предложение

Из схемы видно, что можно говорить об идиоматике, или об идиомологии,⁸ как науке об идиоматичности на разных уровнях языка. Интересно заметить, что относительно большую долю идиоматичные единицы занимают в квадрате фразеологии /в понимании Е.Д.Поливанова - М.М.Копыленко/. Возможно, это и привело к отождествлению фразеологии с наукой об идиоматичности. Однако, как видно из предложенной нами схемы, фразеология и идиомология не совпадают.

Мы не выделяем идиоматичных сочетаний синтагм, хотя одна синтагма и может сигнализировать об идиоматичности другой. Тем не менее "сигнализирующая" синтагма не является постоянным детерминантом идиоматичности другой синтагмы /напр ., пословицы/ и не

6. См. по этому вопросу труды И.А.Мельчука и Н.А.Янко-Триницкой.
7. См. нашу статью в "Трудах СамГУ им.Алишера Навои, "Вопросы фразеологии", III, Самарканд, 1970, стр.230.
8. В какой-то части можно провести аналогию между идиомологией и тератологией /наукой об уродствах/.

составлять с ней идиоматического сочетания синтагм по аналогии сочетания неидиоматического слова-детерминанта с идиоматичным словом.

З. Д. ПОПОВА /Воронеж/

О ТИПОЛОГИИ ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЙ /дополнительные замечания/

Обсуждение нашего доклада, внимательное и конструктивное, принесло нам большое удовлетворение и вызывает чувство живой благодарности.

Безусловно, в опубликованном тексте что-то осталось недосказанным, что-то недоделанным, и я пользуюсь случаем досказать то, что возможно, и поделиться некоторыми результатами нашей с М. М. Копыленко работы, продолжавшейся и после опубликования обсуждаемого доклада.

По мнению проф. Т. А. Бертагаева, типы фразеосочетаний, предложенные нами, выделены на разных основаниях: одни на основании идиоматичности, другие, в частности, I5 тип /КЗКЗ/, на основании устойчивости.

Фактически все I5 типов выделены на одном и том же основании /разновидности статуса семем и их сочетаемости/, но только о степени идиоматичности фразеосочетаний II - I4 по сравнению с непосредственно предшествующим им IO типом /КЗК2/ нельзя судить, ввиду того, что в их состав входит имеющая особый статус семема КЗ. Однако ясно, что идиоматичность сочетаний растет по направлению от II типа к I4. Только во фразеосочетании КЗКЗ, которое является логическим завершением схемы, нельзя установить какой бы то ни было идиоматичности, ибо нет денотативных семем, с которыми можно было бы сравнивать КЗ, и нет возможности поэтому судить о степени семантического сдвига. Но с появлением во фразеосочетаниях семемы КЗ, естественно, заметной чертой их становится индивидуальная /по одной из лексем, или - в случае КЗКЗ - по обеим лексемам/ устойчивость /о различии индивидуальной и групповой

9, См. нашу статью в упомянутом выше сборнике трудов СамГУ.

устойчивости см. текст доклада, стр.84-85/.

Вообще же мы не считаем сильную индивидуальную устойчивость неотъемлемым признаком фразеологизма. Главное для фразеологизма - замкнутая идиоматичность /наличие семемы К1 или К2/, а сильная индивидуальная устойчивость может быть сопровождающим признаком. Говорящие создадут много окказиональных идиоматичных фразеосочетаний /"потенциальных фразеологизмов" по А.В.Кунину/; такие сочетания не являются устойчивыми, но идиоматичностью обладают. Идиоматичность и устойчивость - разные параметры, и хотя они часто пересекаются и для общезыкового фразеологизма обязательны, рассматривать их как неразрывные нельзя.

Совершенно справедливо замечание В.Н.Телия о недостаточной определенности разграничения типов семем Д2 и К1. Авторы доклада понимали это и не переставали обсуждать возможные критерии более строгого разграничения. В настоящее время эти критерии приняли следующий вид. Семема Д2 соответствует собственный денотат, который не имеет иного лексемного выражения, кроме данного. Из числа приведенных нами в докладе примеров этому определению соответствуют н о с корабля, р у к а в реки, но не соответствуют к у р и н а я память, с т р е л я т ь глазами /ср. плохая память, шпырять глазами/, которые должны быть квалифицированы как К1.

Рассмотрю теперь соображения В.Н.Телия о различном статусе семем, "закадычный" и "баклуши", которые в нашей типологии определяются одинаково - как К3. Для нас К3 - коннотативная семема лексем, не используемой в современном языке для обозначения денотативной семемы. С этой точки зрения рассматриваемые семемы совершенно одинаковы.

С точки зрения В.Н.Телия, "закадычный" имеет денотативную функцию и вне сочетания, что может быть выражено другой семемой /"близкий", например/, а семему "баклуши" вне сочетания выразить не удастся. Указанное различие отмечено совершенно верно, но с нашей точки зрения оно определяется не семемной природой лексем "закадычный" и "баклуши", а различиями в семемной природе сочетающихся с ними лексем "друг" и "бить". Лексема "друг" несет семему Д1 с широкой сочетаемостью. Поэтому сочетающаяся с ней К3

находит разнообразные эквиваленты /близкий, задушевный, неразлучный, постоянный, верный и проч./ . Лексема "бить", сочетающаяся с лексемой "баклуши", имеет статус К2. Такая семема /коннотативная, немотивированная/ не способна к широкой сочетаемости и не может обеспечить своему сателлиту широкой эквивалентности в лексико-семантической системе языка. Таким образом, признавая разные свойства сочетаний КЗД1 и КЗК2, мы не можем согласиться с тем, что сами КЗ, входящие в эти разные формулы, различаются.

В настоящее время мы продолжаем обрабатывать и уточнять типологию фразеосочетаний, и хочется верить, что наши усилия не будут бесполезными.

В.Н. ЧЕЖАН /Минск/

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

1. Изучать генезис и строение фразеологизмов невозможно, не имея некоторых предположений о лексической природе слова; с другой стороны, сами эти предположения должны уточняться и модифицироваться в процессе анализа фразеологии. Таким образом, исследование причин появления и способов образования фразеологических сочетаний неизбежно предполагает исследование природы и закономерностей эволюции лексических значений.

2. Согласно теории, сформулированной Розвадовским, порождение любой языковой единицы представляет собой процесс маркировки некоторой исходной: новая единица, в результате, выступает в качестве маркированной по отношению к исходной. Например, в паре "лес" — "бор" второе слово в свернутом виде содержит признак "сосновый"; процесс порождения лексемы "бор" можно представить так: "лес" + признак "сосновый" —> "бор".

3. Совершенно очевидно, что базой для возникновения фразеологизма /по сути "фразеологема" или "фразеолексема" как самостоятельной единицы уровня лексем/ является сочетание слов с прямым значением /"поднять палку", "смотреть удочки", "прикусить язык"/. Важнейшим формальным показателем прямого значения является невозмож-

ность "перевода" данного сочетания на этот же язык /передачи его содержания другими словами/.

Сочетание становится фразеологическим, если оно приобретает дополнительное лексическое значение. Другими словами: поскольку фразеологема возникает как самостоятельная лексическая единица, маркой исходного сочетания может быть только лексическое значение. Так, порождение фразеологема "смотреть удочки" предполагает следующий процесс: С /сочетание/ "смотреть удочки" + /доп. значение/ "уйти" → /фразеологизм/ "смотреть удочки" = поспешно уйти, убежать.

Таким образом, фразеологизмом является такое сочетание, которое имеет какое-то дополнительное значение по отношению к прямому значению составляющих его слов. Это дополнительное значение в принципе может иметь мало общего с прямыми значениями слов, образующих фразеологема, но появиться в результате наличия сложных ассоциаций, связанных с тем или иным словом. Именно поэтому справедливым является утверждение о том, что "каждый фразеологизм — это то или иное переосмысление конкретного словосочетания или предложения" /А.И. Молотков, "Фразеологический словарь русского языка", стр.9/. Главным формальным показателем фразеологема является возможность "перевода" ее на тот же язык /истолкования другими словами/.

3. При таком подходе трудности возникают в связи с тем, что в абсолютном большинстве случаев значение слова неизбежно модифицируется при изменении его окружения. Реально это проявляется, например, в том, что "...фразы с глаголом, обозначающими движение, физические действия и состояния ... обнаруживают непродуктивные семантические образцы /тенденция к фразеологизации/..." /Ю.Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М., 1967, стр.230/. Ср., напр., цепочку: "поднять палку" — "поднять голову" — "поднять дух". При трансформациях различие между приведенными словосочетаниями обнаруживается со всей очевидностью, ср. "высоко поднятая палка, голова" — но невозможно "высоко поднятый дух"; "гордо поднятая голова" и "гордо поднятая палка" — два совершенно разных трансформации. Характерно однако, что модификация значений в аналогичных случаях обусловлена уже тем, что данное сло-

во изменяет окружение; она является чисто механической, позиционной, а потому нерелевантной на лексическом уровне для данного состояния языка в том смысле, в каком нерелевантными являются позиционные варианты фонем. Другими словами, указанные модификации значений являются фактами речи, а не языка, тогда как фразеологема является именно фактом языка.

С другой стороны, позиционная модификация значения слова в принципе обуславливает возможность такого сдвига значения, при котором оно будет восприниматься как совершенно внешнее, дополнительное по отношению к значениям слов, образующих словосочетание. Иначе говоря, речевая модификация значений обуславливает порождение фразеологизмов в процессе развития языка /его истории/. Чаще всего, однако, фразеологизмы возникают на данном этапе развития языка /и для данного этапа развития языка/ путем маркировки словосочетания некоторым значением. Именно поэтому фразеологизмом может стать практически любое словосочетание, а не обязательно то, в котором слова ярко модифицируют свое значение.

4. Неоднократно отмечалось, что эмоциональность и экспрессивность являются "существенными признаками многих фразеологических оборотов" /см., напр., Ю.Р.Гепнер. Об основных признаках фразеологических единиц и о типах их видоизменения, "Проблемы фразеологии", М.,-Д., 1964, стр.65/. Нет оснований считать однако, что именно экспрессивность и является тем модификатором, который словосочетание превращает во фразеологизм. Экспрессивность фразеологизма возникает уже как результат модификации дополнительного значения /первичного модификатора/ значением составных фразеологизма. Так, ФЕ "смотреть удочки" имеет дополнительное значение "уйти, убежать"; в свою очередь, оно модифицировано экспрессивным значением "поспешность", которое явно навечно действием сматывания удочек. В силу этого ФЕ "смотреть удочки" означает не просто "уйти, убежать", но "поспешно уйти, убежать; смыться". Следовательно, возникновение фразеологизма представляет собой процесс маркировки словосочетания некоторым значением и модификации этого значения экспрессивной характеристикой /признаком/. Можно предполагать, что образность и выразительность словосочетания является "магнитом", кото-

рый притягивает к словосочетанию то добавочное лексическое значение, которое словосочетание превращает во фразеологизм. Может оказаться также, что любое образное словосочетание предполагает настолько значительный сдвиг в значении слов, его составляющих, что оно неизбежно приобретает признаки фразеологического. Оба эти предположения требуют экспериментальной проверки.

Таким образом, в отличие от обыкновенной лексемы, фразеологизм фактически дважды маркированная единица, что является прямым и неизбежным следствием лексикализации сочетаний лексем. Эта особенность фразеологизмов определяет их место на уровне лексем, как своего рода надстройку над этим уровнем, и заставляет считать фразеологические единицы производными от нейтральных лексем /а не ставить их на один уровень с простыми лексемами/.

5. Принятое нами понимание сущности фразеологизма позволяет утверждать, что между синтаксической связанностью /в широком смысле/ словосочетания и его фразеологическим характером не может существовать жесткой зависимости, поскольку "связанность" — это характеристика слова в речевом потоке, а не на уровне языка. Взаимоотношение "связанности" и "фразеологичности" можно представить следующим образом:

	с о ч е т а н и я	
	связанные	несвязанные
фразеологизм	/1/ +	/2/ +
нефразеологизм	/3/ +	/4/ +

В качестве примера /1/-го типа можно привести ФЕ "попасть впро- сак", /2/-го — "железная дорога"; третья группа образуют канцеля- ризмы, афоризмы, крылатые слова и выражения и под. Возможно, что од- ним из наиболее простых и естественных способов пополнения фразеоло- гии языка является фразеологизация именно всякого рода связанных словосочетаний.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ДИСЦИПЛИНЫ

С одной стороны, ознакомление с совокупным фразеологическим /фр./ фондом татарского, а также русского, английского и др. языков /см., в частности, фр. словарь рус. языка, англо-рус. и немецко-рус. фр. словари/, с другой стороны, - обзор теоретических исследований по различным вопросам фразеологии в масштабе языков нескольких языковых систем убеждают нас в том, что в системе лингвистических наук лексикология и фразеология /-идиоматика/¹ располагаются параллельно.

Как слово является объектом лексикологии, так и фразеологизм представляет собой объект фразеологии.

И в лексикологии, и в фразеологии имеются аналогичные и параллельные внутренние категории и соответствующие классификационно-систематизационные рубрики.

Лексический и фразеологический фонды языка параллельны с точки зрения внутренней систематизации материала, потому что и лексические, и фр. единицы фиксируются и регистрируются в словарях в соответствии с алфавитным или предметно-идеографическим принципами расположения заглавных форм. При этом специальные /-фразеологические/ словари создаются по мере того, как фр. фонд того или иного языка становится самостоятельным лексикографическим объектом с соответствующим теоретическим осмыслением и отражением его в специальных терминах в последующем. Например, если собрания слов /-лексических единиц/ называются словарями и соответствующая теория - лексикографией, то для собрания фразеологизмов и соответствующей теории пока еще не имеется своих названий, а используются аналогичные термины из лексикологии, хотя ясно, что "лексикографии" соответствовала бы в этой плоскости "фразеография", или "идиомография".

В семантическом отношении лексикология и фразеология параллельны потому, что определенные разряды и слов, и фразеологизмов обладают предметно-логическим или образно-эмоциональным значениями /это не речевые, а языковые коннотативные значения/, либо и тем,

и другим одновременно. И для лексических, и для фр. единиц свойственны как однозначность, так и многозначность, омонимия, антонимия и синонимия /омонимов в фр. составе сравнительно немного, т.к. омонимия не свойственна, например, фразеологизмам-предложениям; фразеологическая же синонимия представляется тоже своеобразной и богатой, нежели синонимия лексическая/.

Картина параллельности и аналогичности предстает также при рассмотрении вопроса об источниках и этимологии слов и фразеологизмов. И для лексического, и для фр. составов свойственны как самобытный фонд, так и заимствования, в т.ч. собственно заимствования и кальки /собственно заимствований в татарском фр. фонде очень мало, зато число калькированных выражений значительно/. Правда, специальных этимологических словарей фразеологизмов какого-л. языка пока еще не имеется, но работы в этом направлении известны. Примерами таких пособий являются, в частности, книги крылатых выражений.

С явлениями параллельности и аналогичности сталкиваются и те, кто исследует лексикологию и фразеологию в сравнительно-сопоставительном, межкузыковом плане или работает в области лингвистического перевода.

Как для лексического, так и для фр. составов языка свойственно наличие в них языковых и речевых /=окациональных/ единиц.

Такую же картину наблюдаем в плоскости дифференциально-стилистической. И в лексике, и в фразеологии различаются слои и пласты: а/общенародные /разговорно-литературные и просторечные/ и социально /профессионализмы и арготизмы/ или территориально /диалектно/ ограниченные, б/разговорно-бытовые /разговорно-литературные/ и книжные, в/активные и пассивные /архаизмы, неологизмы/.

Как и лексикология, фразеология располагает богатыми и своеобразными контекстуально-стилистическими возможностями и в функционально-стилистическом плане, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные исследования по языку художественных произведений по различным языкам

Разумеется, что вышеотмеченные явления параллельности и аналогии не исключают специфичности этих двух категорий. Специфичность категорий не отрицает их близости или соположенности, параллельнос-

ти или аналогичности, а свидетельствует лишь о большей или меньшей степени сходства этих категорий.

Вполне естественно, что фразеология, как непосредственная категория и как научная дисциплина, теснее всего связана с лексикой и лексикологией; между этими двумя категориями много общего /см. выше/, ибо, подобно тому как слово является производным по отношению к морфеме, так и фр. единица представляет собой образование, производное по отношению к лексической единице /=слову/. Однако общность не есть тождество.

Уяснение данного вопроса имеет непосредственную практическую направленность. Так, в программах, учебных планах и пособиях, а также в соответствующей методической литературе для вузов и школ фразеология рассматривается в качестве лишь раздела лексикологии, что, соответственно, находит отражение в том, что фразеология занимает подчиненное по отношению к лексикологии положение и на нее отводится совершенно мало учебных часов по сравнению с лексикологией. Так, в частности, в вузовском учебнике "Совр. татарский литер. язык" /Казань, 1965, на татарск. яз./, также как и в программах, отсутствует внутреннее подразделение фразеологии, параллельное лексикологии, отсутствует указание на их наличие, хотя здесь и говорится, что "фразеология - это самостоятельный раздел языковедения, изучающий устойчивые сочетания слов". Другой пример: "Лексика и фразеология рус. языка. Пособие для факультативных занятий в УП-УШ классах /для учителя/, М., 1970" А.В.Дудникова. Из двенадцати параграфов здесь фразеологии посвящен лишь последний.

Пробелы вышеуказанного характера в учебных пособиях и соответствующей методической литературе, например, 50-ых годов, можно было в некоторой мере объяснить тем, что фразеология тогда еще лишь становилась объектом фронтального исследования, а также была прочна традиция в этой области /известно, что легче сделать несколько выдающихся научных открытий, чем сломать одну традицию, хотя бы явно отжившую/. В лингвистике не имелось достаточно компетентных исследований по стержневым вопросам фразеологии, многое из написанного считалось еще спорным, во всяком случае, не усто-

явившимся. Тогда, возможно, не оказалось и готового фр. материала под рукой, чтобы в какой-то степени заполнить соответствующие раз-
делы учебной и методической литературы. Однако в последующее Ю-
летие положение сильно изменилось: накоплен и систематизирован в
различных аспектах фр. материал по многим языкам, имеются солид-
ные публикации как прикладного, так и чисто теоретического харак-
тера. Имея в виду совокупность исследований по различным языкам,
уже можно утверждать, что мы в настоящее время располагаем систе-
матическим описанием фразеологии, или идиоматики. Другими слова-
ми, утвердилась самостоятельная и целостная лингвистическая наука
фразеология = идиоматика¹, параллельная лексикологии.

I. Слово "фразеология" употр. в совр. рус. лит. языке в след.
значениях: 1/состав /фонд/ фр. единиц какого-либо языка; 2/отдел языковедения, изучающий фр. единицы; 3/отдел языковедения, изучающий лексико-семантическую сочетаемость слов; 4/совокупность приемов слогового выражения, стилистические обороты, свойственные какому-либо лицу, литературному направлению, общественному слою или группировке известного периода; 5/набор красивых, напыщенных, но пустых слов и выражений. В отечественной лингвистике функционирует также традиционный термин "идиоматика", который имеет более узкое семантическое поле и покрывает только первые два значения слова "фразеология". В данной статье речь идет об идиоматике, т.е. о фразеологии лишь в первых двух значениях, являющейся объектом лексикографии. По этому поводу см., в частности, в "Словаре лингвистических терминов" О.С.Ахмановой /М., 1966/: ф р а з е о л о г и ч е с к а я е д и н и ц а /автоматизированная фраза, автоматизированный элемент, идиома, идиоматизм, идиоматическое выражение, идиоматическое словосочетание, --- составное речение, стабильное сочетание ---/.
Ф р а з е о л о г и ч е с к а я е д и н и ц а п р е д и к а т и в н а я /идиоматическое предложение/ - фр. единица, имеющая форму предложения; ср. пословица.

Вообще, термин "фразеология, ввиду своей многозначности, является менее удачным по сравнению с термином "идиоматика".

В. И. ЗИМИН /Москва/

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ДОКЛАДУ В. П. ЖУКОВА

"Некоторые общие положения о соотношении фразеологизма со словом"

В большом докладе В. П. Жукова затронуто много интересных вопросов. Как видно, основная цель доклада — это установить определенные черты сходства и различия между фразеологизмом и словом в семантическом, морфологическом и синтаксическом отношении.

В докладе отмечается достаточно большое количество сходных между фразеологизмом и словом "семантических, грамматических и структурных признаков" /постоянство значения; наличие одних и тех же основных типов значения: свободного, контекстуально обусловленного, морфологически ограниченного, синтаксически ограниченного, конструктивно ограниченного, фразеологически связанного; наличие лексико-грамматического значения; наличие синонимов, антонимов; постоянность компонентного состава у "значительной части фразеологизмов" и т. п./.

Выделение признаков сходства у слов и фразеологизмов, как думается, имеет немаловажное значение для нескольких целей: а/для того, чтобы изыскать пути применения приемов исследования слова к изучению фразеологических единиц,¹ б/для того, чтобы обнаружить определенные доказательные приемы в подтверждение семантической эквивалентности слова и фразеологизма /или для опровержения этого/, в/для того, чтобы в лексикографической практике составления фразеологических словарей выявить дозволенные способы описания лексического значения фразеологизмов, сходные с таковыми же у слов, и т. п.

Однако надо решительно отметить, что основной пафос доклада В. П. Жукова — это установление существенных различий между фразеологизмом и словом, которое приводит автора к справедливому заклю-

1. См., например: А. Ц. А к о п я н . Применение приемов исследования слова к изучению фразеологических единиц. — Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской, том 160, Русский язык, выпуск 11, М., 1966 г. и пр.

чению о том, что "фразеологизм не может быть отождествлен со словом".

В.П. Жуков отмечает между фразеологизмом и словом различия общего порядка, которые устанавливаются при "категориальной характеристике фразеологизма, при выявлении его наиболее существенных признаков", и различия частного порядка, "которые определяются в результате сравнения, соотношения конкретно данного фразеологизма с соответствующими словами свободного употребления, нередко /вообще-то, в подавляющем большинстве случаев - В.З./ входящими в одноименное словосочетание переменного типа".

Из различий общего порядка стоит особо обратить внимание на то, что "фразеологизмы, лексико-грамматическое значение которых определяется по стержневому компоненту, соотносительны лишь с четырьмя частями речи - глаголом, именем существительным, прилагательным и наречием, т.е. с теми частями речи, которые в составе переменного словосочетания выступают в качестве стержневых слов";

что "многие фразеологизмы русского языка, обладающие оценочным значением, синкретически соединяют в себе лексико-грамматическое значение нескольких частей речи" /ср. собака съел - "опытный" и "мастер", "мастак" и т.п. и что такая синкретическая способность у фразеологизмов выше, чем у слов свободного употребления;

что "первичной функцией фразеологизма является не номинация, а оценка действительности, тогда как слову в первую очередь присуща функция наименования вещей, явлений, свойств";²

что "смысловая структура многозначных фразеологизмов, не утративших внутренней формы, в отличие от структуры многозначного слова, характеризуется однородностью своих значений, так что во многих случаях трудно или совсем невозможно определить, какое зна-

2: Такое же мнение высказывается в докладе Е.Н.Т о л и к и н о й "К вопросу о значении слова и значении фразеологизма" /стр.219/

чение является основным, а какое производным /ср. р о т р а - з е в а т ь : а/ "говорить", б/"удивляться"/".

Эти и другие наиболее общие отличительные черты фразеологизма как категориальной языковой единицы приходится иметь в виду прежде всего при определении лексико-грамматических значений фразеологизмов и их отнесенности к той или иной части речи /почему в самом деле фразеологизмы не соотносятся, например, с классом числительных, местоимений/; при определении сущности значения фразеологических единиц в гнесеологическом аспекте /здесь, очевидно, надо признать справедливыми мысли, высказанные В.П.Жуковым, а также Е.Н.Толикиной о том, что лингвистическая категория значения у фразеологических единиц формируется иначе, чем у слов, формируется не в процессе "членения" реального мира, "осуществляемого языком", "посредством языковых знаков", а в результате "другой деятельности, осуществляемой с помощью языка, на базе смыслового трансформирования уже созданных познавательной деятельностью языковых знаков и их комбинаторных структур" /Е.Н.Толикина, стр. 219/; при анализе семантической структуры многозначных фразеологических единиц /Проанализировать семантическую структуру многозначного фразеологизма - это значит прежде всего выявить порядок внутреннего сцепления и соподчинения значений во фразеологизме и потом установить, какими средствами разграничиваются отдельные значения многозначного фразеологизма. В своем сообщении, на данном симпозиуме /"К вопросу о семантической структуре многозначных фразеологизмов"/ я говорю о главных факторах, определяющих отдельные значения того или другого многозначного фразеологизма: а/логическом содержании семантического значения, устанавливаемого путем понятийной /"референтной"/ соотносительности, б/условиях дистрибутивного окружения семантического значения, в которых оно постоянно фиксируется и воспроизводится, в/соотношении данного семантического значения со всей лексико-семантической системой языка.

Как показывают наблюдения над почти всеми многозначными фразеологизмами, эти /вышеобозначенные/ факторы, определяющие отдельные значения многозначного фразеологизма, являются столь же определяющими и для отдельных слов. Но что касается внутреннего сцеп-

ления и соподчинения отдельных значений многозначного фразеологизма, то тут В.П. Жуков правильно замечает, что отдельные значения многозначного фразеологизма характеризуются однородностью, равноценностью. Установление семантической производности значений в семантической структуре многозначного фразеологизма затруднено, а определение главного и вторичного значения порой невозможно /Ср. примеры: По к а з а т ь с п и н у: а/"Отвернувшись, уйти, не желая объясняться, разговаривать с кем-либо или выражая невниманье, пренебрежение к кому-нибудь", б/"Удрать, обратиться в бегство". П о д л и в а т ь м а с л а в о г о н ь: а/"Обострять отношения, усугублять какие-либо чувства, настроения и т. п.", б/"Разжигать, повышать интерес, внимание к кому-либо или чему-либо", и др./.

Несколько слов о частных специфических различиях между фразеологизмом и словом, отмечаемых В.П. Жуковым.

В.П. Жуков пользуется при обнаружении частных различий между фразеологизмом и словом приемом фразеологической аппликации, т.е. способом наложения фразеологизма на эквивалентное переменное словосочетание /если оно есть/ или приемом сравнения общего /целостного/ значения фразеологизма с системой значений производящих слов свободного употребления.

Этот прием заслуживает внимания прежде всего потому, что он переводит всю проблему соотношения фразеологизма и слова в конкретный план конкретных наблюдений: ведь не фразеологизм вообще мы сравниваем со словом вообще, а лишь соответствующий фразеологизм с соответствующими словами. Кроме того, этот прием помогает В.П. Жукову решить целый ряд вопросов /установить границы фразеологизма, определить варианты свойства многих фразеологизмов, выявить степень семантической целостности фразеологизма, расклассифицировать фразеологический материал и т.п./.

В.П. Жуков представил в своем докладе некоторые общие положения о соотношении фразеологизма со словом /так и называется доклад/. Очевидно, поэтому многие неоспоримые выводы доклада нуждаются все-таки в большей доказательности. Очень часто хочется сказать по поводу того или иного положения: "Верно. Но почему?" На-

пример, почему фразеологизмы "не соотносятся со стороны лексико-грамматического значения /которое является элементом фразеологического значения/ с классом числительных, местоименных слов и т.п.". Можно ли это полностью объяснить свойствами стержневых слов фразеологизмов /как у В.П. Жукова/ или же можно искать объяснение также и в семасиологической значимости слов и фразеологизмов, устанавливаемой путем референтной соотнесенности. Или, например,, В.П. Жуков рекомендует причислить "к разряду собственно фразеологизмов" составные термины и названия типа *п а с т у ш ь я с у м к а*, если они образованы в результате метафоризации переменных словосочетаний такого же состава". А ведь наличие совершенно различной степени номинативной значимости этого "фразеологизма" и фразеологизмов других структурно-семантических разрядов.

Но будем полагать, что между автором доклада /В.П. Жуковым/ и читателями /и слушателями/ должны установиться своеобразные отношения сотворчества /а доклад В.П. Жукова к этому располагает/ и что "остроумная манера писать состоит, между прочим, в том, что она предполагает ум также и в читателе, что она высказывает не все, что она представляет читателю самому себе сказать об отклонениях, условиях и ограничениях".³

Б. Ю. НОРМАН /Минск/

ФРАЗЕОЛОГИЗМ И ГРАММАТИКА

При всей безусловности таких единиц, как слово и словосочетание, границы их, как и любого языкового явления, очерчиваются вероятностно-статистически. Последовательный, непрерывный переход от словосочетания к слову, мобильность реченых единиц - и в смысле диахронического синтеза, и в смысле синхронического ряда - требуют распространить понятие фразеологизации на более широкий, но типологически единый языковой материал. Фразеологизацию можно по-

3. Замечание Л. Фейербаха, выписанное В.И. Лениным с пометкой "Метка!" См. В.И. Ленин и я. Философские тетради, 1947, стр. 57.

нимать как постепенный, градуированный переход от словосочетания к слову, имеющий своей вершиной лексикализацию и включающий в себя примерно следующие факторы: а/непроницаемость; б/лексико-семантическая неразложимость; в/акцентуационное единство; г/застывание порядка следования компонентов; д/застывание грамматической формы компонента. Возможно, что для русского, например, языка грань между фразеологизацией и ее логическим завершением - лексикализацией - удобно проводить в пределах "3 и меньше факторов" - "4 и больше факторов": набор из пяти факторов позволяет говорить о "100 %-ном слове", из четырех факторов - о "слове с оговорками" /ср. русск. трехэтажный, шезлонг, пятьдесят, пресс-конференция и под./, наличие трех, двух, одного фактора характеризует сочетания слов с разной степенью устойчивости. С точки зрения непрерывности, постепенности перехода от словосочетания к слову вполне допустимы и некоторые типологические аналогии между компонентами первого /словом/ и второго /морфемой/ - ср., в частности, правомерное проникновение во фразеологию словообразовательных понятий опрощения и переразложения.

Фразеологизация, говоря наиболее обще, это ограничение - ограничение значения и формы: параллельно семантическому сужению, связанному с затемнением - вплоть до полной утраты - внутренней формы словосочетания, может происходить застывание, "окаменение" его внешней, грамматической формы. Основы этого процесса следует искать не только и не столько в достаточной разрешающей силе лексической семантики /избыточная грамматическая семантика прежде всего создает запас информативной прочности/, сколько в высокой устойчивости фразеологизма - не случайно застывает именно такие словосочетания, ср. русск. притча во языцех, ничтоже сумняшеся, с боку припеку, без году неделя, бодливой корове бог рог не дает и т.п.

С другой стороны, утрата формального выражения подчинительной связи между словами может свидетельствовать о фразеологизации и,

далее, лексикализация сочетания. Этот тезис рассматривается на материале так называемых беспредложных словосочетаний /БПС/ в современном болгарском литературном языке типа *съ омга хайвер дар зрение, кандидат-студент и т.д.* Не вдаваясь ни в генезис этих своеобразных конструкций, ни в причины и стимулы, их породившие, следует, однако, подчеркнуть структурную взаимосвязь между распространением БПС и глубинными тенденциями в развитии болгарского языка. Для болгарского языка с его аналитическим строем /отсутствие в системе имени словозменительных морфем для выражения надежных отношений/ беспредложные словосочетания представляют собой внешне экспансию аморфной и ой подчинительной связи. "Изнутри" же эта экспансия может быть использована как удобный канал для застывания фразеологизованной формы.

В принципе фразеологизации могут подвергнуться самые различные по структуре словосочетания. При этом они приобретают перечисленные признаки устойчивости и среди них - грамматическую "неоформленность", т.е. застывание или утрату компонентом форм словозменения. Однако если в ряде типов болгарских БПС фразеологизация - лишь разовый результат случайных обстоятельств, побочный процесс, не связанный прямо с распространением аморфного подчинения, то для других типов фразеологизация сочетания является общим и характерным признаком - в этом-то случае тенденция к грамматическому застыванию высокоустойчивых словосочетаний смыкается с тенденцией к аморфности подчинения.

К примеру, один из наиболее распространенных типов БПС в современном болгарском языке представлен конструкцией из двух существительных, из которых одно определяет другое. Среди этих атрибутивных сочетаний выделяются два основных подтипа. В первом из них, *номинационном*, "равноправность" грамматической формы компонентов сопряжена с заведомой неравноправностью семантической: *улица "Г. Димитров"*,

I. Все эти и приводимые ниже примеры выбраны из современной периодической печати.

управление "Висше образование", музеят Ленин, случаят Ян Шейна. Определяющий член /"приложение"/ в подобных примерах не просто уточняет характер определяемого, но называет его /направленность связи не случайна, а необходима; такая семантическая однозначность естественно снимает нужду в согласовании/. Расширение этого высокопродуктивного подтипа БПС происходит и за счет развития новообразований вроде категория залог, отдел кадри, служба горски пазач, пушина ос, супа топчета и т.п., где существительные так же неравноправны в семантическом плане и потому аморфность атрибутивной связи не выходит за рамки синтаксического примыкания.

Во втором подтипе именных атрибутивных БПС определение, выраженное существительным, согласуется с определяемым словом /в болгарском языке - в числе и по возможности в роде/. Такое приложение, действительно, уточняет, конкретизирует определяемое имя, но направленность этой связи в каждом примере случайна: оба существительных в принципе семантически равноправны и в изолированном виде отражают пересекающиеся понятия, ср. частник тенекеджия и тенекеджия частник, дражета витамини и витамини дражета и т.д.

Чаще именно при такой семантической равноправности компонентов БПС может наступать постепенное превращение окказионального сочетания слов в устойчивое. Происходит семантическое слияние, фразеологизация словосочетания. Ср. примеры типа заместник директор, дар зрение, съомга хайвер, сода каустик, кафе смес и т.п. Внешне фразеологизация проявляется: а/в неpronциаемости устойчивых сочетаний /невозможности вставить между двумя компонентами третий, с сохранением прочих условий/, ср. неотм. "заместник нашия директор" или "дар остро зрение"; б/в застывании данного порядка следования компонентов БПС, ср. кафе смес, но: нес кафе; в/в застывании грамматической

формы компонента: определяющий компонент утрачивает словоизменение /для болгарского имени это означает утрату показателей числа и определенности/, ср. заместник директорите - "заместители директора"; г/в различной степени лексико-семантического и акцентуационного единства, ср. кандидат - студент /с основным и второстепенным ударением и соответствующей редукцией гласных и согласных/.

Напомним, что фразеологизация аморфной подчинительной связи, как и фразеологизация синтаксически оформленного словосочетания, вместе с застытием формы обязательно предполагает сужение семантической избирательности до одного варианта /в то время, как "свободная" атрибутивная синтагма может предлагать на выбор несколько семантических вариантов/ - это отражает утрату внутренней формы словосочетания. Например, петровка ябълки /ср. русск. фразеол. антоновское яблоко, яблоко - антоновка, с дальнейшим включением: антоновка /- это не "яблоки из /села/ Петрова", не "яблоки /селекционера/ Петрова", не "яблоки к Петрову /дню"/ и т.п., а только "определенный сорт яблок".

При достаточном наборе факторов фразеологизация достигает своей вершины - лексикализации: словосочетание получает формальные права слова, что графически узаконивается при помощи дефиса или вовсе слитного написания. Так возникают слова типа кандидат - студент, заместник - председател, дар - слово, кънки - двойка, дензагуба, месторабота и так перебрасывается мостик от ограниченно-согласуемого приложения через аморфность фразеологизованной подчинительной связи - к словосложению. Можно утверждать, что только консервативность графики /и лексикографии/ различает степень слитности таких образований, как кандидат - студент и месторабота, так же как и в целом разграничение аморфности, примыкания, словосложения опирается прежде всего на грамматическую тенденцию. Фактически же между примыканием, аморфностью и сложением нет резких границ, а есть только

различные степени фразеологизации и лексикализации единой - аморфной - подчинительной связи.

О.Е. ОЛЬШАНСКИЙ /Славинск/

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СЛОВАХ С ИЗМЕНЕННОЙ МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРОЙ, ВОЗНИКШИХ НА БАЗЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ /НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА/.

В докладе Н.М.Шанского "Деривация слов и фразеологических оборотов /к вопросу о сходстве и различии вопросов словообразования и оборотообразования/¹ и в других исследованиях по словообразованию² справедливо указывается на генетические узы, связывающие лексические и фразеологические единицы, на явление универбации устойчивых и переменных оборотов. Однако в работах по русскому словообразованию не рассматривается вопрос об исторических изменениях морфемной структуры слов данного деривационного разряда.

Анализ некоторых слов с измененной морфемной структурой, генетически соотносительных с фразеологическими, является целью настоящего сообщения.

I

Впервые слова, возникшие из сочетаний, отметил И.И.Срезневский в статье "Замечания об образовании слов из выражений"³ Однако Срезневский, говоря о деривации слов типа *завтра, дескать, дикобраз, во-первых*, не различает сложения и сращения, возникшие на базе сочетаний, *во-вторых*, не определяет

1. См. Труды Самаркандского гос. ун-та. Новая серия, вып. № 178, "Вопросы фразеологии", Ш, 1970, стр. 249-259.
2. В.В.Виноградов. "Современный русский язык. Морфология", изд. МГУ, 1952, стр. 55; А.Б.Ефремов. Многозначность слова. "Русский язык в школе", 1957, № 3, стр. 10; А.В.Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков, "Языковедение", 1958, т. XIII, з/; Н.М.Шанский. Из русской фразеологии. О словах, возникших на базе фразеологических оборотов - "Русский язык в школе", № 6, 1960, стр. 75 и сл.; Н.А.Яко-Триницкая. Процессы включения в лексику и словообразования. -Сб. "Развитие грамматики и лексики современного русского языка", М., изд. "Наука", 1964, стр. 18-35.
3. Записки Императорской Академии наук, т. XII, кн. 2, 1873, стр. 243-252.

особенностей изменения морфологической структуры рассматриваемых слов.

На базе словосочетаний разного структурно-семантического типа, фразеологических и переменных, исконных и иноязычных по происхождению, в русском языке образованы такие слова, как материк, маховик, камаринская, закадичный, портной, перманент, сапожник, подноготная и др. По характеру деривации они отличаются от сложенных типа знаменосец, куропатка, курносый, табакур, белокурый и др.

При изучении морфологической структуры и способа деривации слов материк, подноготная, сапожник и подобн. важно выявить, на какой базе возникло слово, что послужило исходным материалом для его образования: основа производного слова; основы двух /или более/ слов или различного типа словосочетания родного или чужого языка.

На примере некоторых слов, возникших на базе словосочетаний, и попытаемся определить характер исторических изменений их морфемной структуры и современный морфемный состав.

2

На базе фразеологических и переменных словосочетаний возникли многие так называемые субстантивированные прилагательные /портной, подноготная, гостиница, мостовая и др./, однако морфемный состав их с синхронной точки зрения различен: слова типа портной, подноготная обнаруживают неприводную основу, а слова типа мостовая, гостиница "сохраняют в современном языке мотивированность".⁴

Исследование индивидуальных особенностей образования такого рода существительных показывает, что отдельные слова этой группы возникли в результате постепенного преобразования двух различных по структуре сочетаний: предложно-именного сочетания и фразеологического оборота из полнозначных слов.

4. В.В.Допатин. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. - Сб. "Русский язык. Грамматические исследования", М., изд. "Наука", 1967, стр. 210.

Например, слово **подготовная**, русское по происхождению, возникло на базе выражения "подготовная тайна", причем прилагательное **подготовная** как компонент сочетания, в свою очередь, было образовано в русском языке суффиксальным способом от предложно-именной конструкции "под ногтем". Следовательно, образование производного с синхронной точки зрения слова **подготовная** /подготовн-ая/ происходило так: под ногтем > подготовная > подготовная тайна /или правда/ - свободное словосочетание > подготовная тайна /фразеологическое сочетание/ > подготовная /субстантивированное прилагательное/. По-видимому, процесс слияния морфем в слове **подготовная** произошел в границах фразеологического сочетания, т.е. в прилагательном в составе оборота, и вышел полное выражение в субстантивированном прилагательном. Основной причиной опрошения этого слова являются семантические сдвиги, в результате которых существительное **подготовная** в сочетании **подготовная тайна** /исходное сочетание в деривационном звене/ перестали соотноситься. В данном случае включение⁵, возможно, и обусловлено фразеологической связностью компонентов сочетания. Такие случаи универбации на базе фразеологизма следует отличать от фактов деривации слов на базе переменных сочетаний типа **взрывчатка** /взрывчатое вещество/.

На базе фразеологического оборота было образовано и субстантивированное прилагательное **челобитная**. Русское по происхождению слово **челобитная** /возникло на базе фразеологизма "челобитная грамота"/ в отличие от исходного по деривации слова **подготовная** сохраняет, в основном, свою первоначальную структуру: чел-о-бит-н-ая; видоизмененной оказалась только вторая основа слова -бит < би-т.

По этой модели образованы и слова иноязычного происхождения /персик, шампанское и др./. Среди них можно выделить две группы.

Имя существительное **персик** имеет в русском языке не-

5. О случаях включения см.; Н.А. Яковлева. **Тренировка**. Процесс включения в лексику и словообразование. - Сб. "Развитие грамматики и лексики современного русского языка", М., "Наука", 1964, стр. 18-34.

производную основу. Это слово было заимствовано через посредство немецкого языка из латинского, в котором произошла субстантивация прилагательного /на основе выражения *persicum malum* - "персидское яблоко"/, его демотивация. Следовательно, слово *персик* пережило как процесс субстантивации, так и явление опрощения вне строя русского языка.

По-иному происходит субстантивация и опрощение русского по образованию слова *шампанское*. Это слово было образовано в 18 веке на базе сочетания "шампанское вино", которое в русском языке передавало французское сочетание *vin de Champagne* - "вино из Шампани". Как видим, слово *шампанское*, в отличие от слов типа *персик*, во-первых, возникло на базе заимствованного, но видоизмененного сочетания, во-вторых, является русским по деривации и пережило опрощение в строе русского языка. Подобное слияние служебных морфем с топонимом или антропонимом довольно часто наблюдается в простых и сложных словах, при этом происходит их опрощение /берданка, шарлотка, престофиля, помпадурна и др./ или переразложение /антоновка, архаровец и подобн./.

Слова, возникшие на базе устойчивых сочетаний, могут пережить не опрощение основы, а переразложение, и такие слова, несмотря на слияние морфем, сохраняют производность основы. Например.

На базе устойчивого сочетания "из ума выйти" был образован старославянизм *изумить*. В синхронном плане это слово имеет связанный корень в составе производной основы /*изум-и-ть*/. Морфемная структура этого глагола подобна структуре слова *ошеломить* /*ошелом-и-ть*/, образованного суффиксально-префиксальным способом.

Слова, возникшие на базе фразеологических сочетаний, могут иметь в синхронном плане опрощенную или связанную основу, при этом их структура ничем не отличается от слов иных деривационных групп, переживших эти исторические изменения. Объясняется это тем, что слова, генетически соотносительные с /фразеологизмами/, только исходным языковым материалом имели устойчивые сочетания, а в дальнейшем пережили изменения, характерные для сложений и других словообразовательных групп.

В русском языке сравнительно много опрошенных слов, возникших от предложно-падежных сочетаний. В связи с этим серьезное значение имеет четкое разграничение, с одной стороны, одноструктурных фразеологических и переменных сочетаний типа "на ухо", "в доску", "к месту", с другой, опрошенных слов, восходящих к подобным сочетаниям /недра, озимь, особа, понедельник и др./.

В русском языке имеются слова с опрошенной основой, которые возникли в результате сложных деривационных и семантических процессов, но базой для первого словообразовательного звена которых было предложно-именное сочетание. К этой группе относятся слова типа посредственный: по-срѣдѣ > посредь > посредство > посредственный.

При исследовании разнообразных фактов исторических изменений морфемной структуры имен существительных необходимо учитывать тот факт, что многие устаревшие и архаичные слова, пережившие опрошение, живут, главным образом, как компоненты в составе фразеологизмов: околесица /говорить околесицу/, обиняк /без обиняков/, толика /малую толику/ и подобн.

Х Х Х

Изложенное выше позволяет сделать некоторые выводы:

1. Слова, возникшие в результате универбадии, "семантического сжатия"⁶ компонентов фразеологического оборота, в ряде случаев изменяли свою морфемную структуру.

2. Слова с членимой основой /челобитная и подобн./, противопоставят, с одной стороны, опрошенным словам /подготовная и др./, с другой - лексическим единицам, пережившим переразложение основы /вздумать, зашутальство и др./.

3. Изучение лексико-фразеологических корреляций, типов исторических изменений морфемного состава слов, возникших на основе фразеологических оборотов, говорит Н.М.Шанский, дает возможность выработать "более конкретные и надежные критерии и алгоритмы этимо-

6. В.В.Винogradов. См. указ. книгу, стр. 55.

логизирования лексико-фразеологической матери".⁷ Решение этого вопроса может способствовать выявлению специфики опрошения и переразложения, важных элементов словообразовательного процесса, и выработке критериев для определения производности - непроизводности основ при анализе конкретного материала.

А. Л. ОНИАНИ /Тбилиси/

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА И СЛОВА

Решение проблемы взаимоотношения фразеологизма и слова невозможно без лингвистического определения понятий "слово" и "фразеологизм". К сожалению, на это не обращается должное внимание, что создает опасность интуитивного, ненаучного решения этой проблемы.

Лингвистика интересуется двумя планами слова выражения и содержания. В плане выражения слово является такой языковой единицей, которой предшествует и за которой следует /точнее - может предшествовать и следовать/ воспринимаемая пауза. В плане содержания слово - единица, обязательно обладающая каким-либо значением. Если один из этих признаков отсутствует, то нет и слова. Напр., если в отрезке между двумя паузами возможна пауза и в середине, то мы имеем дело с двумя словами. Если у некоторого отрезка возможна пауза с одной стороны, то мы имеем дело с частью слова.

С другой стороны, не существует слова, которое не обладало бы каким-либо значением. Именно поэтому слово и его значение являются основными объектами изучения лексикологии и семасиологии.

Вопрос взаимоотношения между компонентом фразеологизма и словом имеет два взаимоисключающих решения: 1/компонент фразеологизма является словом, 2/компонент фразеологизма не является словом.

Симпозиум показал, что большая часть участников придерживается первой точки зрения. Постараемся стать на эту точку зрения и последовательно провести ее до конца. Если компонент фразеологизма яв-

7. Н. М. Ш а н с к и й . Дерирация слов и фразеологических оборотов, стр. 259.

ляется словом, то у фразеологии не остается собственного объекта изучения, так как слово и его значение изучаются в лексикологии и семасиологии, взаимосвязь же этих слов, т.е. конструкция словосочетания, - в синтаксисе. Ведь в фразеологизме ничего не дано, кроме компонентов и их взаимосвязи.

Не снимают этого противоречия разные толкования значений фразеологизма: переосмысление, ослабленные значения, переносное значение, фразеологически связанное значение и др. Во-первых, неясно лингвистическое содержание этих терминов. Определение неизвестного через неизвестное не может дать положительного результата. Во-вторых, какими бы не были эти значения, они должны изучаться в семасиологии и лексикологии. Если перед фразеологией стоит такая же задача, то ее выделение в качестве самостоятельной отрасли терчет смысл. Эти трудности не снимаются и введением таких неопределенных терминов, как "особо /или специфически/ употребляемое слово", "потенциальное слово" и т.д. Слово, как бы оно не употреблялось, остается словом и является объектом изучения лексикологии и семасиологии. Что же касается "потенциального слова", то и этот термин не вносит в дело ясности. Каждая языковая единица или является словом, или -нет, выделение чего-то промежуточного логически исключено.

Итак, приравнивание компонента фразеологизма к слову приводят к отрицанию фразеологизма и фразеологии.

Говорить о фразеологизме как о самостоятельной лингвистической единице можно лишь в том случае, если будет найдено различие между компонентом фразеологизма и словом /тем самым - и между фразеологизмом и словом, фразеологизмом и словосочетанием/.

Компонент фразеологизма и слово отличаются друг от друга в плане содержания. Первый в отличие от второго, не имеет лексического значения, не обладает референтом /именно поэтому он и не является словом/.

Фразеологизм от слова отличается в плане выражения. В отличие от слова он может прерываться паузой. Словосочетание же фразеологизм противопоставляется в плане содержания. Каждое слово, входящее в словосочетание, является самостоятельной лексической единицей.

ней, фразеологизм же представляет собой неделимую лексическую единицу. В этом смысле, как справедливо утверждается, фразеологизм и слово эквивалентны. Это отнюдь не означает, что для каждого фразеологизма можно найти абсолютный синоним в виде слова.

Следовательно, фразеологизм можно определить как неделимую лексическую единицу, совпадающую в плане выражения со словосочетанием.

Н.М.СИДЯКОВА /Вологда/

К ВОПРОСУ О СООТНЕСЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО СЛОВОМ

Превращение фразеологии в самостоятельную лингвистическую дисциплину затрудняется из-за распространенного мнения о том, что фразеологические единицы - это эквиваленты слова, а следовательно, не отличаются от слов какими-то качественно особыми признаками, кроме раздельнооформленности. Одновременно растет число исследователей, отвергающих теорию эквивалентности фразеологических единиц слову.

Н.Н.Амосова¹ первой выступила против устоявшейся в нашей лингвистической литературе теории эквивалентности ФЕ слову, подчеркнув весьма ограниченный характер этой эквивалентности.

О необходимости ограничивать ФЕ от слов говорил и В.Л.Архангельский.²

Критикует теорию эквивалентности ФЕ слову и И.И.Чернышева,³ которая говорит о том, что приравнивание ФЕ к лексической единице носит искусственный характер и не отражает реального положения вещей.

А.В.Кунин⁴ в своей докторской диссертации неоднократно касается теории эквивалентности ФЕ слову, называя ее лишней каких-либо

1. Н.Н.Амосова. Основы английской фразеологии. Изд-во ЛГУ, 1963, стр.179-180.
2. В.Л.Архангельский. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д, 1964, стр.76.
3. И.И.Чернышева. Фразеология современного немецкого языка /Фразеология как система и ее связь с системой лексики/. Докт. дисс., М., 1964, стр.45.
4. А.В.Кунин. Основные понятия англ. фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. Докт. дисс., М., 1964, стр.11, 80, 82, 175, 878, 1185 и др.

доказательств и мало плодотворной для развития лингвистической науки.

Большая работа по разграничению ФЕ и слова проделана В.П. Жуковым.⁵ К сожалению, В.П. Жуков в своей диссертации никак не выразил своего отношения к теории эквивалентности ФЕ слову, хотя можно предположить, исходя из его работы, что отношение автора к этой теории отрицательное. И в самом деле, в своем докладе на данном симпозиуме В.П. Жуков полагает, что теория эквивалентности фразеологизма и слова лишена реальных оснований.⁶ Он пользуется термином /соотнесенность/.

А.В. Кунин разработал теорию соотнесенности ФЕ слову, которая изложена им в ряде работ;⁷ этому же вопросу посвящен его доклад на данном симпозиуме.

В докладе А.В. Кунина на X Международном конгрессе лингвистов в Бухаресте в 1967 году, который он посвятил необходимости признать фразеологию самостоятельной лингвистической дисциплиной, также поднимается вопрос о теории соотнесенности ФЕ со словом.⁸

О различии между внутренней формой слова и внутренней формой фразеологизма говорил Л.И. Ройзензон,⁹ и он же вместе с Ю.Ю. Авалиани¹⁰ советовал в рецензии на книгу А.П. Мордвилко осторожнее говорить об эквивалентности фразеологизма конкретной части речи. Лучше в таких случаях подчеркивать не эквивалентность, а соотнесенность этих образований.

Теория соотнесенности поддерживается в работах А.И. Алехиной,¹¹

5. В. П. Жуков. Фразеологизм и слово. Докт. дисс., М., 1967.
6. В. П. Жуков. Некоторые общие положения о соотношении фразеологизма со словом. Сб. Вопросы фразеологии, Ш. Самарканд, 1970, стр. 50-60.
7. А. В. Кунин. Изучение фразеологии в советском языкознании. Ин. яз. в школе, № 5, 1967. Его же: Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины, АРФС, изд. 3, М., 1967.
8. А. В. Кунин. Phraseology as a linguistic science, Actes du Xe Congrès international des linguistes, Bucarest, 1970, p. 753-756.
9. Л. И. Ройзензон. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма. Сб. Вопросы фразеологии. Самаркандский ГУ им. А. Навои, Ташкент, 1965, стр. 63-70 и особенно 69.
10. Там же. Ю. Ю. Авалиани, Л. И. Ройзензон. Неудачная книга, стр. 142.
11. А. И. Алехина. Фразеологическая антонимия в современном английском языке. Автореферат канд. дисс., М., 1968, стр. 23.

П.Д.Русаковой,¹² Н.М.Сидяковой¹³ и др.

Интересно отметить, что в работе П.Д.Русаковой для подтверждения теории соотнесенности впервые была применена счетно-вычислительная техника. Опыт статистического анализа теории соотнесенности ФЕ со словом подтвердил основные ее положения, выдвинутые А.В.Куниним, и дал возможность сделать вывод о том, что английские и немецкие ФЕ исследованного автором типа нельзя признать эквивалентами слову.

Пока этот вопрос, конечно, недостаточно изучен. Нужно больше конкретных исследований, посвященных сопоставлению ФЕ и сходных с ними образований. В этом отношении мы полностью разделяем мнение М.И.Исаева,¹⁴ высказанное им в докладе на данном симпозиуме о том, что обсуждение проблемы "Слово и фразеологизм" в том или ином языке следовало бы начать с рассмотрения соотношения этих двух категорий по всем группам фразеологического материала языка. Определив отношение каждой группы фразеологизмов к слову, мы решим многие важнейшие вопросы нашей проблемы.

В английском языке, например, мной сделана попытка составить одну группу ФЕ со сложными словами, имеющими сходный лексический состав и сходную семантическую структуру. Это, с одной стороны, ФЕ, основанные на сравнении, типа /as/ white as snow /ср. в русском языке - белый, как снег/, с другой стороны, сложные слова типа snow-white /ср. в русском языке - белоснежный/.

Количество параллельных образований даже с одинаковым лексическим составом - довольно значительно.

При сопоставлении двух данных языковых явлений выявились несомненные расхождения в структурном, синтаксическом и семантическом отношениях.¹⁵

Различие, например, в семантическом отношении:

12. П.Д.Русакова. Фразеологические единицы типа "глагол+предлог+существительное" в сопоставлении с однотипными фразеологизмами немецкого языка. Автореферат канд. дисс., М., 1970, стр. 16-17.
13. Н.М.Сидякова. Сопоставление компаративных фразеологических единиц и сложных прилагательных. Уч. Зап. Вологодского ПИ, Т. 33, Вологда, 1967.
14. М.И.Исаев. Фразеологизм и слово в осетинском языке. Сб. Вопросы фразеологии, Ш. Самарканд, 1970, стр. 61.
15. См. подробнее нашу статью "Сопоставление компаративных фразеологических единиц и сложных прилагательных". Уч. Зап. Вологодского ПИ, том 33, Вологда, 1967.

КФЕ обладают частичным или /реже/ полным переосмыслением значения, а сложные прилагательные - менее образны в результате того, что за основой существительного закреплена скорее уточнительная функция.¹⁶

Подтверждением этого является, например, употребление сложных прилагательных, обозначающих оттенки цвета, в романе Ирвинга Стоуна "Жизнь жизни". При описании творческого процесса художника автор большое внимание уделяет передаче оттенков цвета, и, как нам кажется, использование при этом 35 сложных прилагательных /из 38/ неслучайно. КФЕ в этой ситуации не используются.

Итак, по своим основным структурно-семантическим показателям КФЕ и соответствующие им сложные слова существенно расходятся, что не дает основания говорить об их эквивалентности. При изучении КФЕ и сложных слов целесообразнее пользоваться термином "соотнесенность".

Теория соотнесенности ФЕ и слова, разработанная А.В.Куниным, полностью подтверждается анализом адъективных КФЕ и сложных прилагательных в английском языке.

Значительно меньше точек соприкосновения у адъективных КФЕ и слов, образованных из основы существительного и полуаффикса -like; Здесь изредка наблюдается некоторая близость лексического состава, выражающаяся в том, что вторым компонентом КФЕ является какое-то конкретное существительное, и сопоставляемое слово с полуаффиксом -like может содержать основу того же существительного, например:

- (as) close as an oyster--oyster-like
- (as) pale as death --death-like
- (as) pale as a ghost --ghost-like

Однако в образованиях с полуаффиксом -like используется иногда основа прилагательного, например, private-like, formal-like, что делает эту группу неоднородной, чего нельзя сказать о рассмотренных выше сложных словах типа ice-cold которые отличаются большим едино-

16. Этой точки зрения придерживается и Н.А.Азарх. Сложные прилагательные в современном английском языке. Канд. дисс. М., 1953, стр. 67, 175.

образием.

Помимо некоторой лексической близости, можно заметить относительную общность синтаксических функций, поскольку оба образования используются в функциях определения /КФЕ - в функции постпозитивного определения, а слово с полуаффиксом -like - в функции препозитивного определения/ и предикативного члена составного именного сказуемого. Сочетаемость сравниваемых образований различна, например, КФЕ /as / pale as death характеризует человека, а соответствующее ему слово death -like определяет абстрактные существительные.

В области семантики расхождения еще явственнее. Пользуясь терминологией С.М.Мезенина,¹⁷ можно заметить, что в КФЕ содержатся одновременно и модуль сравнения, и его агент, тогда как в словах с полуаффиксом - like налицо лишь агент сравнения. Вследствие этого семантика этих слов иногда затемнена, так как неизвестно, какое свойство предмета имеется в виду. Например, в слове death -like отсутствие модуля приводит к тому, что мы можем соотнести это слово и с КФЕ /as / pale as death и с КФЕ /as / still as death ; И только использование слова в контексте, благодаря чему делается известным референт сравнения, позволяет судить о его семантике.

Исходя из вышеизложенного, нет основания говорить об эквивалентности этих двух образований, а лишь об их соотнесенности.

В.Д.УШАКОВ /Москва/

О РЕЛЕВАНТНОСТИ ПРИЗНАКОВ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ /МЕ/

Релевантным мы будем считать такой и только такой признак единицы, утратив который, единица перестает быть принадлежащей к выделяемому классу единиц.

¹⁷ С.М.Мезенин. Конструкции современного английского языка, имеющие значение сравнения. Канд. дисс., М., 1968.

Для /ИЕ/ мы считаем таким релевантным признаком "единичный перевод" /по И.А.Мельчуку/¹ хотя бы одного ее компонента. Действительно, только при единичном переводе "собаку съел" = "зна-ток", "хорошо разбирается" это словосочетание будет /ИЕ/. Утра-тив свой единичный перевод, данное словосочетание будет свободным. Например; Он был так голодег, что собаку съел.

Подобных примеров перехода /ИЕ/ в свободные словосочетания и, наоборот, перехода свободных словосочетаний в /ИЕ/ при приобре-тении их компонентами единичных переводов, можно привести огромное множество из разных языков. Приведем такие примеры из арабского языка:

ya shaqqa "al-muhtar uadja farisin binazzatin faxisatin ya tasa' ala maz'uran 'aku lu lahu tata'ua' ya hal yansubu li xaza sh-shaytanu faxhan?²

Староста пристально посмотрел на Фариса и в страхе спросил про себя: "Сказать ему, чтобы он шел добровольцем? А не ставит ли мне этот сатана ловушку".

"nasa'ba faxhan" дословно "поставить западню" имеет здесь еди-ничный перевод "пытаться обмануть" кого-либо, "завлечь" кого-либо. Речь не идет здесь в действительности ни о какой конкретной западне в отличие от фразы

Охотник поставил силос /"nasa'ba 'as-sayyadu faxhan"/.

То же понятие "единичного перевода" как релевантного при-знака распространяется и на пословицы как на /ИЕ/ коммуникатив-ного плана.³ Предложение

Вот лицо гостя - /'a di uishi 'ad-deif/

неидиоматично, если его компоненты сохраняют перевод, принимаемый за главный, и оно идиоматично, приобретая единичный перевод "толь-ко его и видели", то есть, функционируя как /ИЕ/, как послови-ца;

1. См. "Вопросы языкознания", 1960, № 4.

2. ханна мина, 'al-masabihu 'az-zurku beyrut, 1954, стр.256.

3. См об этом: В.Д.Ушаков, Соотношение слова и фразеологизма /на материале арабского языка/, Труды Самаркандского универси-тета им. Алишера Навои, Новая серия, вып. № 178, Вопросы фразео-логии, II, Самарканд, 1970, стр.230, 231.

При этом пословицы, как впрочем и /ИЕ/ номинативного плана, остаются /ИЕ/ и тогда, когда они выходят из употребления, когда в них происходят структурные изменения в порядке слов или в грамматическом оформлении и т.п. Указывая на это, мы подчеркиваем иррелевантность таких свойств /ИЕ/, как устойчивость, стабильность порядка слов, грамматической структуры и т.п.

Так, в арабском языке существует много пословиц, различающихся по своей употребительности в устной речи, по своему грамматическому и лексическому наполнению и т.п., но это никак не влияет на их пословичный характер, на их идиоматичность. Например:

та 'аллама л-хилаката 'ала
ра 'са-л-йатими /литературный вариант/
равно по смыслу

'ит 'аллими-л-хигама фи руси-л-йатама /народно-разговорный вариант/
Обучился мастерству цирюльника на голове /головах/ сироты /сирот/.

Основываясь на вышеприведенных и других многочисленных примерах, можно сделать вывод также и о том, что трансформация пословиц литературного арабского языка в пословицы разговорного арабского сопровождается изменениями на фонетическом, грамматическом, лексическом и структурном уровнях без утери пословиц и их единичного перевода, то есть их идиоматичности.

Р.Н.ПОПОВ /Череповец/

О ЗНАКОМОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ РАЗНООБРАЗИИ

Постоянная потребность в общении между людьми, стремительно увеличивающееся количество новых понятий и представлений в сознании человека, вызванных все более возрастающими темпами социально-экономической жизни и научно-технического прогресса, приводят к появлению в языке не только новых слов, но, пожалуй, прежде всего и в большем объеме к возникновению устойчивых комбинаций слов.

Во фразеологическом составе современного языка можно обнаружить, например, значительный слой номинативных единиц, сформировавшихся для обозначения новых понятий и нового отношения человека к действительности: резервы производства, узловые вопросы, подхватить инициативу, дом отдыха, детский сад и т.д.

Для наиболее полного и всестороннего удовлетворения потребностей в общении между людьми, в системе языка образуется также, наряду с номинативно-понятийным слоем лексических и фразеологических средств, экспрессивный слой единиц, необходимый для максимального воздействия говорящего на слушающего /сравним встретить в штыки, выйти в люди, отбиться от рук и т.д./.

Полноление номинативного и экспрессивного пластов устойчивых словосочетаний обусловлено самой языковой природой, а именно: коммуникативной функцией языка. Оно приводит, в конечном счете, к образованию в языке фразеологических единиц, очень неоднородных и отличных друг от друга в структурно-семантическом отношении.

Для обслуживания номинативно-понятийной сферы общения используются, например, устойчивые словосочетания: полевой стан, торговая сеть и подобные, целостное значение которых мотивировано значениями образующих их компонентов.

Обобщенно-метафорическое значение устойчивых словосочетаний, призванных для выражения в языке экспрессивного воздействия, обладает разной степенью мотивировки, вплоть до полной утраты последней, сравним: голь на выдумки хитра, но сломя голову, ни снись пороха.

Наличие в языке столь разноплановых единиц как в функциональном отношении /номинативная и экспрессивная сферы/, так и в структурно-семантическом /степень мотивированности целостного значения/, обусловили два подхода к определению объекта фразеологических исследований.

Сторонники узкого понимания фразеологического состава языка

считают объектом изучения фразеологии как лингвистической дисциплины лишь те единицы, которые обладают неразложимым, целостным общенно-метафорическим значением /т.е., по существу, лишь единицы экспрессивной сферы языка/. К числу таких исследователей можно отнести Б.А.Ларина, Н.Н.Амосову, В.П.Жукова и других.

Сторонники широкого понимания фразеологического состава включают в него не только единицы, обладающие метафорическим неразложимым значением, но также и такие, единое целостное значение которых может иметь мотивировку, допускать определенную членимость и не содержать метафоричности, т.е. они признают фразеологическими единицы номинативной сферы языка. Все словосочетания, воспроизводимые в "готовом виде", все "словесные блоки" в языке, объединенные одним понятием, эти исследователи считают объектом фразеологии. Вслед за А.А.Шахматовым, В.В.Виноградовым и С.И.Ожеговым этой концепции придерживаются Н.М.Шанский, А.Н.Кожин, С.Г.Гаврия, М.Т.Тагиров, В.Л.Архангельский и другие.

Методологические позиции ученых, придерживавшихся широкого понимания объекта фразеологии, представляются более объективными и более соответствующими знаковой теории языка.¹

Отличие фразеологических единиц от свободных словосочетаний не в разной "степени семантической сплоченности" их компонентов /В.П.Жуков/ и не в противопоставлении "единичной сочетаемости семем", свойственной фразеологизмам /Н.Н.Амосова/, "серийной сочетаемости семем", присущей свободным словосочетаниям. Скорее всего, это отличие устойчивых словосочетаний от свободных состоит

1. Среди зарубежных лингвистов, занимавшихся вопросами фразеологии, возможно, под влиянием разных концепций советских ученых, тоже существует "узкое" и "широкое" понимание фразеологического состава национальных языков. /См., например, работы: S. S k e - g u r k a, Porgrawno's't' frazeologiczna polasczen' wyrazowuch, "Poradnik jezykowy", № 8, Warszawa, 1968. Его же: "Фразеологические идиоматизмы в польском языке и их происхождение", сб. "Славянская филология", 4-й международный съезд славистов, вып. 3-й, изд. АН СССР, 1958. П. Д. Ф и л к о в а, Църковнославянска фразеология в съветската художествена и общественно-публицистична литература, изд. "Наука" и искусство", София, 1965, и др.

в интеграции означаемых нескольких словесных знаков, образующих компонентный состав, в один новый знак при сохранении членной структуры означающих. В то же время в свободных словосочетаниях происходит вместо интеграции простое суммирование означаемых нескольких словесных знаков /сравним спустя рукава - "плохо, беспечно", но синий карандаш - "карандаш синего цвета"/.

Интеграция означаемых нескольких словесных знаков в один новый знак при сохранении членной структуры означающих свойственна как устойчивым словосочетаниям номинативно-понятийной сферы языка /поджигатель войны, новатор производства, детский сад/, так и единицам экспрессивной языковой сферы /очертя голову - "не раздумывая, отчаянно"/. С позиций теории знаковости, природа всех устойчивых словосочетаний, таким образом, едина и однородна, и их отличие от свободных сочетаний слов имеет глобальный характер.

Разумеется, при широком подходе к объекту фразеологии, а именно: включении в него разных групп устойчивых словосочетаний, следует учитывать, что сдвиг в отношениях между означаемыми и означающими их словесных знаков может иметь место то в большей, то в меньшей степени.

Если воспользоваться классификацией фразеологических единиц, предложенной В.В.Виноградовым и дополненной Н.М.Шанским, то, применительно к теории фразеологических знаков, для разных групп фразеологизмов можно было бы установить разные градации в сдвиге отношений между означаемыми и означающими их словесных знаков.

Так, во фразеологических сращениях сдвиг в отношениях между означаемыми и означающими осуществляется настолько сильно, что приводит к разрушению единства словесных знаков. В связи с этим значение фразеологического сращения, несмотря на раздельнооформленность компонентного состава, становится не только неразложимым, но еще и немотивирован-

лым: златой телец - "богатство, жадность денег".

Во фразеологических единствах хотя и происходит интеграция означаемых словесных знаков при сохранении членной структуры означаемых, что содействует неразложимости значения данных единиц по отношению к их компонентному составу, все же эти единицы имеют мотивированное значение, находящее свое обоснование в том этимологическом образном стержне, который лежит в его основе: игра не стоить свеч - "затрачиваемые на что-либо усилия, средства никак не оправдываются", держать камень за пазухой - "затаить злобу на кого-либо".

Во фразеологических сочетаниях сдвиг в отношениях между означаемыми и означающими происходит далеко не во всех компонентах. Отдельные их компоненты в этом отношении не подвергаются никакой трансформации, а это приводит к тому, что значение этих единиц, хотя и принимает целостный характер, но становится разложимым: почитать права - "не считаться с чьими-либо законами и суверенитетом и нарушать их", красная цена - "хорошая, подходящая цена", закадычный друг - "хороший, близкий приятель".

Фразеологические выражения могут быть двоякого рода. Одни обладают целостным значением, которое складывается на основе соединения прямых значений составляющих их компонентов: голь на выдумки хитра - "бедность и нужда заставляют быть изобретательными", другие же формируют свое целостное значение либо на базе переносных, либо на основе фразеологически связанных значений /сравним: мала птичка, да коготок востер - "незначителен по положению, но внушает опасение" и волков бояться - в лес не ходить - "если бояться опасности, тогда нечего и приниматься за дело"/. Значения слов-компонентов: волк - "опасность" и лес - "дело, работа" - могут быть реализованы только в составе данного фразеологического выражения.

Как видим, сдвиг означаемых словесных знаков, содержащихся в

компонентном составе фразеологических выражений, имеет место и в первом, и во втором случае, но осуществляется на различной семемной основе. Характер значений второй группы фразеологических выражений приближается к фразеологическим единствам по степени образности и спаянности компонентов, но отличается большей мотивированностью и разложимостью.

Наблюдающееся в ряде работ советских лингвистов /А.М.Бабкин, А.И.Молотков, В.Н.Телия и др./ стремление ограничить объект фразеологии только такими фразеологическими единицами, значение которых неразложимо /либо неразложимо и немотивировано, либо неразложимо, но мотивировано/, т.е. по существу фразеологическими сращениями и единствами под общим названием ф р а з е м ы, ф р а з е л о г и з м ы, представляется неправомерным.²

Дело в том, что фразеологические единицы языка имеют ряд признаков, которые могут служить основанием для их объединения или разграничения, но это не должно служить поводом для исключения одних единиц как возможного объекта исследования и для признания других как единственно заслуживающих изучения. В самом деле, воспроизводимость и целостность значения обладают все устойчивые сочетания слов:

2. Разумеется, "узкий подход" в определении объекта фразеологических исследований не лишен оснований, но тогда становится неясным, какая наука должна изучать устойчивые сочетания слов, которые не обладают неразложимым и немотивированным значением. Этот принцип не удалось, например, последовательно осуществить в лексикографической практике. Так, во "Фразеологическом словаре русского языка" под редакцией А.И.Молоткова наряду с фразеологизмами, которые можно назвать фразеологическими сращениями и единствами, встречается немало и таких, которые можно отнести к фразеологическим сочетаниям /См. нашу рецензию на данный словарь в журнале "Русский язык в национальной школе", № 4, М., 1968, стр. 84-88/.

и номинативно-терминологические /дом отдыха, детский сад, социалистическое соревнование, партийный билет/, и экспрессивно-метафорические /собаку съел - "мастер, знаток своего дела", как собака на сене - "не пользуется сам чем-либо и другим не дает", заклятый враг "непримиримый, смертельный враг", долг платежом красен - "на добро или зло отвечать тем же"/. Неразложимость значения характеризуются лишь фразеологические сращения и единства /собаку съел, как собака на сене/, в свою очередь неразложимость значения обладают фразеологические сочетания и выражения /заклятый враг, долг платежом красен/. Немотивированным фразеологическим значением обладают только фразеологические сращения /собаку съел/ и на этом основании образуют самостоятельный разряд единиц, нередко именуемых идиомами. В то же время значения фразеологических единств, сочетаний и выражений являются мотивированными /как собака на сене, заклятый враг, долг платежом красен/, и, в принципе, на этом основании эти разряды единиц тоже можно было бы объединить в одну подгруппу, противопоставив ее тем самым фразеологическим сращениям, или идиомам.

Вполне очевидно в этой связи, что для определения объекта фразеслогии как самостоятельной лингвистической дисциплины наиболее приемлем самый широкий разграничительный признак, позволяющий "отсечь" от свободных сочетаний слов все разновидности устойчивых словосочетаний, т.е. воспроизводимость и целостность последних.

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЯХ СЛОВА И ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Лексика и фразеология как объекты исследования привлекли внимание многих ученых. Та и другая, тесно соприкасаясь, имеют свои особенности, чем и определяются задачи соответствующих разделов лингвистики. В теориях слова и словосочетания главное внимание по-прежнему уделяется семантике. К синхронному /описательному/ аспекту анализа явлений прибавились диахронический и сравнительно-сопоставительный. Пересматриваются и уточняются известные понятия, вводятся и объясняются многие новые, например, семантическая структура /слова или словосочетания/, семантический цикл,¹ порог идиоматичности,² фразеологическое выражение,³ устойчивая фраза,⁴ окружение фразеологизма⁵ и т.д.

В известных работах Н.М.Шанского, В.Л.Архангельского, В.П.Жукова,⁶ М.Т.Тагиева, А.А.Уфимцевой,⁷ К.А.Левковской⁸ и других

1. М.М.Маковский. Идентификация элементов лексико-семантических структур. ВЯ, 1966, № 6.
2. И.А.Мельчук. О терминах "устойчивость" и "идиоматичность". В Я, 1960, № 4; М.М.Копыленко. О межъязыковой идиоматичности и связанных с ней явлениях. ИДНП, ФН, 1964, № 1.
3. Н.М.Шанский. Фразеология современного русского языка. "Высшая школа", М., 1969.
4. В.Л.Архангельский. Устойчивые фразы в современном русском языке. Изд. Рост. ун-та, 1964.
5. М.Т.Тагиев. Глагольная фразеология современного русского языка /Опыт исследования фразеологических единиц по окружению/. Баку, 1966.
6. В.П.Жуков. Фразеологизм и слово. АДД, Л., 1967.
7. А.А.Уфимцева. Опыт изучения лексики как системы. Изд. АН СССР, М., 1962.
8. К.А.Левковская. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. Изд. "Высшая школа", М., 1962.

исследователей заметно стремление представить лексику в системе и решить вопросы фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. Поставлена проблема слова в гносеологическом и прагматическом аспектах;⁹ положено начало структуральной типологии слова;¹⁰ появились исследования, в которых анализируется семантическое содержание слова как единицы речевой деятельности и дается описание компонентов этого содержания.

Такой широкий фронт работ делает не вполне понятным и неоправданным крайне ограниченное число публикаций, посвященных некоторым весьма существенным сторонам жизни слов и словосочетаний. Имеется в виду своеобразная **о м о с е м и я / не - "лексический супплетивизм типа брат - сестра**. Ахманова, *Словарь лингвистических терминов*, 96/, обозначаемая не очень точным термином **г е т е р о н и м и я /от греч. ἑτερος "другой, один из обоих", "различный", "иной, отличный", "противоположный". Дворецк., I, 678/4- О ней, о ее отношении к фразеологии и пойдет речь.**

Термином **г е т е р о н и м и я** обозначаются в известном смысле противоположные явления: в первом значении из двух, учитываемых словарями,¹³ речь идет о языковых единицах "с различным фонетическим составом" /В.П.Конецкая/; во втором, наоборот, с одним и тем же составом, лишь незначительно различающимся в разных языках и диалектах.

9. Георг Клаус. Сила слова. Изд. "Прогресс", М., 1967.
10. В.В.Родественский. Типология слова. Изд. "Высшая школа", М., 1969.
11. Н.Г.Комлев. Компоненты содержательной структуры слова. Изд. Московского ун-та, 1969.
12. В.П.Конецкая. О понятия супплетивизма и его отношение с гетеронимией, ВЯ, 1968, № 2..
13. О.С.Ахманова. Словарь лингвистических терминов. Изд. Сов. Энциклопедия. М., 1966.

По степени охвата той или иной этнической среды гетеронимы бывают нескольких типов: диалект-язык /или языки/, язык-диалект /или диалекты/, диалект-диалект, язык-язык /или языки/. Ср.: Летось-ся /ю-р/- "в прошлом году", летошний - "прошлогодний"; чешск. letos - "в нынешнем году", letošní - "относящийся к нынешнему году"; бросить /лит. русск./ - "с силой выпустить из рук" и бросить /с-р/- "подобрать" /Черн. Оч., 187/; курень - "хороший дом" /на Дону/, "хлев", "шалаш", "группа деревьев", "куст трав" и др. /в Нижнем Поволжье/.¹⁴ На карте данной лексической изоглоссы в зоне северных говоров не указано ни одного пункта, где бы курень обозначало "хороший дом".

Примеры межъязыковой гетеронимии хорошо известны.

Иногда факты такого рода истолковываются как чисто внешнее совпадение лексических оболочек слов. Ср.: булка - "изделие из белой муки" /русс./ и "девушка, невеста" /болг./.¹⁵

На "оси последовательности" гетеронимы выявляются как элементы семантического цикла. Имеется возможность констатировать двухэлементную, трехэлементную и т.д. гетеронимию. На "оси одновременности" гетеронимы своей совокупностью образуют в рамках одной лексической оболочки своеобразный семантический спектр. В том и другом случае они служат базой для образования фразеологических единиц. Расхождения значений особенно заметны при сопоставлении таких единиц, как русский фразеологизм преступный мир и чешский термин *prestupny rok* - "високосный год". В основе общего компонента лежит идея перехода через какой-то рубеж: в русском эквиваленте - через предел, хребет, а затем /переносно/ через клятву, договор, закон; в чешском - через обычный счет дней в году.

14. Л.М.Орлов, И.Г.Долгачев, В.Я.Дорониин. Краеведческая работа по русскому языку. Волгоград, 1967.

15. Белецкий И. Задача дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков. ВЯ, 1955, № 2.

При ретроспективном развертывании семантического цикла можно в словосочетании опытные образцы обнаружить факт тавтологии, так как слово опыт в русском языке ХУП века имело одно из значений "образец", если речь шла, например, о семенах злаков. Ср.: "послал гсдрь к мисти твоеи грамотку \bar{I} в трех мешочках опытов ржи \bar{I} овса" /Гр-ки, № 382, стр.223/. Возможно было сочетание хлебные опыты /Гв., № 402, стр.240/. В том же документе сообщается о ярлычках бумажных, которые были привязаны к опытам.

О степени семантической аномалии слова опыт свидетельствует тот факт, что, например, в ССРЛЯ /8, стр.985-987/ первым указано значение философского термина "отражение в человеческом сознании объективного мира, получаемое восприятием".

Аналогичный путь семантических изменений прошло слово маши: от названия письменного документа в ХУП веке до значения технического, лингвистического и философского термина. На основе нового значения оформился фразеологизм взрыви - форма и - "бурный рост количества публикаций, наблюдающийся в последние годы, а также быстрый прогресс вычислительной техники". В языке-источнике /лат./ это слово имело значение "представление, понятие о чем-либо" /Мал., Л-РС, 342/.

Чудеса межязыковой гетеронимии не ограничиваются показанными семантическими аномалиями и ответвлениями. Собственное имя Астрахань в ряде языков Западной Европы приобрело значение названия каракуля по ассоциации с местом сбыта данного товара в прошлом.

Гетеронимы в заимствованиях представляют особый интерес. Различие значений в них - факт довольно обычный. Однако некоторые отклонения в семантике слов общего для ряда языков источника не вполне обычны. Для таких гетеронимов не являются препятствиями ни специализация значений в заимствующем языке, ни полисемия, ни такие семантико-грамматические категории, как категория одушевленности. Так, слово brigada /фр. brigade / в чешском языке известно в значении "добровольная коллективная работа" при úderná brigada - "ударная бригада"; deputat в том же языке обозначает "зарплата батраку натурой", "паек", а батрак - deputat-lik.

В родственных языках материальное тождество редко является

внешним, чаще оно связано с общностью происхождения слов. Можно уловить мотивированную связь значений. Чешское слово *obř* - "великан, гигант" живо напоминает летописное предание об обрах, которые были, по свидетельству "Повести временных лет", "тьломъ велици и умомъ горди" /14/.

Довольно часто перекрещиваются внутриязыковые и межъязыковые изменения. Показательно в этом смысле слово *вздор*, имеющее в чешском языке значения "упрямство, строптивость" и "вопреки, несмотря" / *vzdor tomu* /. То значение, которое имеет слово в русском языке, выражается словами *hémuzl*, *hloupst*.

Установить связь данной единицы в обоих языках трудно, так как неясно ее первоначальное значение, реализуемое обычно в составе идиом. При этом не всегда точно указывается относительная хронология семантических изменений глагольного компонента. Р.А.Будагов¹⁷ считает, что *говорить вздор* - это еще не идиома, а *молоть вздор* - идиома, экспрессивность которой усиливается переносным употреблением глагола *молоть*. А.С.Львов¹⁸ производит существительное *вздор* от глагола *вздорить*, как *спор* от *спорить*, *взлет* от *взлететь* и т.д.

Не лишено в этой связи интереса указание ССРЛЯ на одно из забытых значений этого слова: "Неужные, ничтожные вещи, хлам, отбросы" /П, 299/. Тут же дан вариант *сдор*, который возможно, близок к прототипу этого слова /сдьдорь/; оно могло иметь также значение "отходня". Их действительно молотли, например, в Новгороде Великом, когда низовские князья при каком-нибудь *рээратье* не хотели "хлбъ поустити". В этом случае *вздор молоть* представляется поначалу как свободное словосочетание, которое в дальнейшем было переосмыслено.

Перекрещивающаяся гетеронимия возможна и в одном языке. В документах XIII века, например, *вастать* /Кр. в., II, № 170,

17. Р.А.Будагов. Введение в науку о языке; Учпедгиз, 1958:

18. А.Львов. Заметки о словах. РЯШ, 1959, № 2.

стр.202/ обозначало "защитить", а значение "застать" выража-
лось словом постичь /Котк. Панкр. Источн., стр.190/.

Явления линейной диахронической гетеронимии в русском языке
могут быть показаны на следующих примерах: запечатать
/Кр. в., I, № 84, стр.117 / - "заверить", спрешить печатью";
пощечина /Тр-ки, № 342, стр.183/ - "боковая плоскость в
судне"; одержимый /Котк. Панкр. Источн./ - "находливый-
ся на содержании, живущий одним домом"; намерен - "пред-
назначен": "а с ним послал 2 аргамака, которые намерени были
мною вашему царскому величеству челом ударить" /Кр. в., III, № 268,
стр.333/.

Фразеологизм работать головой имел дале-
кое от современного значение - "служить самозабвенно, с крайним
усердием": "я тебь гсдю своему головою своею работат рад" /Котк.
Панкр. Источн., стр.195./.

Сделанные наблюдения над некоторыми явлениями межъязыковой ге-
теронимии дают известные основания признать целесообразным и на-
учно более правомерным исключение соотносительных форм из круга
гетеронимов, а разграничение собственно гетеронимов провести бо-
лее резко, чем это сделано В.П.Конецкой, и по другим основаниям,
подчеркивая при этом в супплетивизме его функцию грамматического
способа, а в рассмотренных семантических аномалиях связь с планом
содержания и через него - с экстралингвистическими факторами.

А.И.АЛЕХИНА /Челябинск/

К ВОПРОСУ ОБ "ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ" ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЕДИНИЦЫ СЛОВУ

Теория эквивалентности фразеологической единицы слову являет-
ся спорной и отнюдь не решенной проблемой, тесно связанной с воп-
росом разграничения значения слова и значения фразеологической
единицы, а также вопросом определения границ и объема фразеологии
как лингвистической дисциплины.

Существуют различные точки зрения относительно теории эквива-

*Конецкой
слова надо
уже раз понять
точно фразеолог
в лингвистич.*

лентности. Одни ученые /Смирницкий, Торощев и др./ считают фразеологические единицы эквивалентами слов, другие - /Амосова, Телия/ указывают на относительность фразеологизма и слова при сопоставлении на необходимость замены теории эквивалентности фразеологической единицы слову на теории соотносительности фразеологической единицы-словосочетания со словом. /Куниц, Чернышева, Бабкин и др./

Согласно теории эквивалентности, фразеологическим единицам приписывается лексическое значение /Молотков, Иванникова/, так как кроме раздельнооформленности они в лексико-семантическом отношении ничем существенно не отличаются от слова.

Сторонники фразеологического значения считают, что признание лексического значения у фразеологизмов ведет к полному игнорированию структуры фразеологических единиц и слов, стиранию плана содержания от плана выражения /Куниц/. Кроме того, значение фразеологической единицы есть особая лингвистическая категория. Собственно фразеологическое значение, или фразеологический десигнат, качественно отлочно от значения лексического; оно лишь соизмеримо с последним, но не тождественно ему /Архангельский/.

Что такое лингвистическое значение?

Значение всякого языкового знака, пишет М.Д. Степанова, понимается как его экстралингвистическая направленность, как его соотносительность с фактом внеязыковой действительности. При этом оно может рассматриваться в узком смысле как значение синтагматическое, проявляемое в конкретном контексте, и в широком смысле как значение парадигматическое, охватывающее все связанные между собой общим инвариантом синтагматические значения, которые могут быть реализованы данным знаком.

Такое понимание значения языкового знака дает нам возможность представить структуру слова и фразеологической единицы в виде определенной иерархии отношений.

Слово - основная единица языка. Составляющие его морфемы и фонемы - также значащие единицы. Они организуют структуру слова и служат для выражения его значения. Лексическое и грамматическое фокусируется в слове. Слово дает жизнь словосочетанию - фразеологической единице, представляя в его распоряжение всю гамму значе-

1. М.Д. Степанова. О лингвистическом значении. Лингвистика и методика в высшей школе. I-ый МГПИИЯ им. М. Тараса, вып. IV, М. 1967, стр. 6.

ний и синтаксические средства связи. Также как и морфемы в слове, они определяют его структуру, являясь выражением того или иного значения. И слова и фразеологизмы устойчивы по своей структуре. Как и многие слова, фразеологические единицы могут иметь постоянный состав и не допускать перестановки компонентов /ср., например, в русском языке "к добру", "на пес золота". Отношения морфем в слове и слов в словосочетании будут примером синтагматических отношений и в "узком смысле" составлять синтагматическое значение этих языковых единиц. Но эти отношения имеют совершенно различный характер: отношения цельнооформленности морфем в слове и отношения раздельнооформленности слов в словосочетании. По-видимому, это не простое отличие слова и фразеологизма, если попытаться проанализировать эти единицы не только в "широком смысле" как значения парадигматические, но и в "узком смысле" как значения синтагматические.

Характер интралингвистических связей морфем в слове и слов во фразеологической единице не эквивалентен: замкнутость первых, обусловленная их цельнооформленностью, и незамкнутость последних, вытекающая из их раздельнооформленности. Незамкнутость интралингвистических связей фразеологических единиц очень часто приводит к определенным отклонениям от принятой языковой нормы. Такие отклонения можно уже классифицировать как лексические, морфологические, синтаксические, семантические, так как они наблюдаются во фразеологии многих языков.

Незамкнутость интралингвистических связей определяет механизм переосмысления слов как составляющих фразеологическую единицу компонентов. Средства переосмысления, метафора, метонимия и др. могут быть теми же, что и у слов, но у слов переосмысление уже, у фразеологических единиц — шире, потому что шире их внутренний контекст. Переосмысление может быть полным, как и у слова, и частичным, т.е. у одного какого-то компонента или двух. Иначе и быть не может, потому что слова, входящие в состав фразеологической единицы являются прежде всего словами, а не какими-то опустошенными "словесными элементами". Кроме того, в переосмыслении фразеологической единицы большую роль играют экстралингвистические факторы, которые можно было бы определять как причинные, а переосмысление компонентов

не все слово синонимично
но все фразеологично
однозначно

Фразеологизма - следствием, в результате которого создается образность фразеологической единицы. Вместе с тем замкнутость интралингвистических связей слова не сужает его семантико-функциональных возможностей, составляющих его парадигматическое значение. Более того, семантико-функциональные характеристики накладываются на фразеологические единицы, но как бы в усеченной форме и отнюдь не эквивалентно. Слово многозначно. Фразеологические единицы, в основном, - однозначны. Широкая распространенность синонимии слов и ограниченная у фразеологических единиц. Синонимические гнезда слов имеют свою доминанту. Фразеологические синонимические ряды немногочисленны. Если же такие ряды включают больше чем две или три единицы, то выделение доминанты вряд ли возможно /ср., например, в русском языке: без царя в голове, из-за угла мешком прибитый, звезд с неба не хватает, пороку не выдумает, с придурью, медный лоб, набитый /круглый/ дурак, дубина стоеросовая, олух царя небесного, дурья голова /башка/, глуп как пробка, недалекого ума, пустая голова, голова соломой /мякиной/ набита.

Фразеологические единицы, как и слова, могут иметь антонимы. Одной из характерных особенностей антонимии слов и антонимии фразеологизмов является образование антонимических моделей слов и отсутствие таких моделей у фразеологизмов.

Можно заключить, что характер синтагматических отношений во фразеологической единице - это более сложная иерархическая ступень синтагматических отношений слова. На этой ступени слова не стремятся создать себе эквиваленты в виде фразеологических единиц, несмотря на их определенное семантико-функциональное наложение. Поскольку эти отношения организуются по различным каналам, постольку можно объяснить различия на парадигматической оси отношений слов и фразеологических единиц.

Языковая взаимосвязь слов и фразеологических единиц говорит об их соотносительности как единиц различных уровней: фразеологические единицы и слова являются качественно различными образованиями как в структурном, так и в семантическом отношении. Поэтому целесообразно заменить теорию эквивалентности фразеологической

единицы слову теории соотносительности фразеологической единицы-слово-сочетания со словом, в основе которой лежат совсем иные принципы

А. Д. ХАУТИН /Самарканд/

ТЕРМИНЫ-СЛОВА СОСТАВНЫЕ ТЕРМИНЫ - ЕДИНИЦЫ ФРАЗЕОЛОГИИ?

Становление понятия "термин", очевидно, связано с зарождением и утверждением, прежде всего в многочисленных новых языках европейского ареала, названия для обозначения этого понятия. Таким названием явилось в соответствующих языках данное интернациональное слово - "термин". Простой анализ этимологии этого слова в таких, например, языках, как французский, английский, русский, немецкий, итальянский, шведский и некоторых других по этимологическим и другим словарям названных языков позволяет сделать вывод о том, что этимологом слова "термин" была лексическая единица средневековой латыни "terminus" - "определение, обозначение", из которой, например, в старофранцузском языке возникло название "terme" со значением "слово", причем уже в XIII в., как показывают данные словарей того времени, во французском и английском языках значением этого названия было - "слово с /более или менее/ четко определенным значением".¹ Таким образом, само происхождение названия "термин", при всей расплывчатости этимологических критериев, подтверждает, что "термины" суть прежде всего слова. В целом, подавляющее большинство языковедов в настоящее время придерживается сформулированной выше точки зрения, т.е. квалифицирует цельнооформленные единицы терминологии /или отдельных отраслей терминологии/ как слова. Если добавить, что термины рассматриваются как особые слова, содержание которых, как правило, определяется дефинициями и которые вступают между собой

1. Более подробно об этом см.: А. Д. Хаути н, "Термин", "терминология", "номенклатура" /этимологические заметки/. - Вопросы романо-германского и общего языкознания, Самарканд, 1968, стр. 60-61.

и с другими единицами терминологии в системные отношения, образуя вместе с ними в каждом отдельном случае особую терминологическую систему, и если подчеркнуть, что системность единиц одной терминологической системы проявляется прежде всего в плане содержания, передаваемого такими единицами, и только в меньшей степени - в их форме, или в плане выражения, то мы тем самым сформулируем в самых общих чертах современное понимание лингвистической сущности терминов.

Если применительно к цельнооформленным единицам терминологии исследователи в принципе не расходятся между собой в определении их категориальной отнесенности к словам, то для раздельнооформленных терминов вопрос об их категориальной принадлежности вплоть до настоящего времени остается открытым и нерешенным.²

Широко распространена точка зрения о сопоставимости таких раздельнооформленных терминов в той или иной мере с фразеологическими единицами языка. При этом рассмотрение соотношений между терминологией и фразеологией /раздельнооформленными единицами терминологии/ и фразеологией /единицами фразеологии/ может вестись в двух направлениях: 1/с позиций фразеологии, т.е. отталкиваясь от фразеологической единицы и сопоставляя единицы фразеологии с терминами; 2/отталкиваясь от термина, или с позиций терминологии сопоставляя термины и фразеологические единицы.

Первый путь представлен работами О.С.Ахмановой, С.Д.Берсенева, А.А.Брудного, А.В.Кунина, Б.А.Ларина³ и ряда других исследователей, которые ставят себе, в сущности, главной задачей рассмотрение того, как фразеология проникает в терминологию. Именно поэтому Б.А.Ларин писал еще в 1956 г., что "новым сложным научным

2. Ср.: В.Н.Сергеев, К вопросу о переходе устойчивых свободных словосочетаний во фразеологические. - Проблемы фразеологии, М.-Л., 1964, стр.173.

3. Ср.: О.С.Ахманова, Очерки по общей и русской лексикографии, М., 1957, стр.169 и др.; С.Д.Берсенева, О терминологической фразеологии. - Труды каф. ин.яз. Свердловского медицинского института, вып. 29, Свердловск, 1960, стр. 133-134; А.А.Брунштейн, О некоторых особенностях фразеологизмов... - Вопросы фразеологии, Ташкент, 1966, стр. 23-28; А.В.Кунин, Англо-русский фразеологический словарь, М., 1956, стр.1434 и след.; Б.А.Ларин, Очерки по лексикографии, фразеологии и стилистике. Уч.зап. ЛГУ, сер. филолог.наук, вып.24, Л., 1956, стр.210 и др.

термины вовсе не относятся к фразеологическим сочетаниям".⁴ Крайним выражением этого пути исследования является работа С.Д.Берсенева, который, поставив себе задачей показать, как фразеологизмы превращаются в медико-биологические термины, приходит к выделению так называемой "терминологической фразеологии" и относит сюда такие единицы медико-биологической терминологии, как "заячья губа", "птичий глаз", "тупым путем", "львиное лицо", "зеленая веточка" и т.п. составные термины.⁵ При таком рассмотрении к фразеологии относится только часть раздельнооформленных единиц терминологии, составляющих "терминологическую фразеологию", противопоставленную "общей фразеологии". Однако при таком подходе все раздельнооформленные термины, не попадающие в состав "терминологической фразеологии", вообще исключаются из рассмотрения, и в этом — недостаток описанного пути исследования.

Другой, противоположный путь рассмотрения соотношений между составными терминами и единицами фразеологии /от терминологии к фразеологии/, представленный работами Р.Н.Инфантьевой, И.К.Левинского, А.А.Санкина⁶ и других лингвистов, предполагает, в первую очередь, выделение тех характерных черт, которые общи раздельнооформленным единицам терминологии и единицам фразеологии. Чаще всего к таким чертам относят цельность номинации и возможность переосмысления отдельных компонентов в составе термина названной группы, что действительно сближает эти термины с фразеологическими единицами.

Сближают составные термины с фразеологическими единицами языка и такие важнейшие признаки, как воспроизводимость и устойчивость употребления и тех и других в готовом виде. Здесь, однако,

4 - 5 Б.А.Ларин, С.Д.Берсенов, ук. соч., там же.

6. Р.Н.И н ф а н т ь е в а, Анализ политико-экономической терминологии на материале английского перевода первого тома "Капитала", автореф. канд. дисс., М.ВИИЯ, 1953, стр.8; И.К.Л е в и н с к и й, Двучленные термины-словосочетания с препозитивным определением, автореф. канд. дисс., М., ВИИЯ, 1954, стр.8 и след.; А.А.С а н к и н, О характерных чертах составных терминов... - Уч.зап. I, МПЛИЯ, т. IX, 1956, стр.163 и след.

требуются некоторые уточнения, поскольку составные термины не обладают полной устойчивостью целостного употребления. Действительно, они могут строиться с пропуском отдельных терминологических элементов⁷ и даже сокращаться до единственного, важнейшего терминологического элемента.⁸ Правила употребления терминов с пропуском одного или нескольких терминологических элементов довольно подробно разработаны в теоретических трудах по русской научно-технической терминологии.⁹ При этом идентификация и правильное понимание таких терминов с пропуском одного или нескольких терминологических элементов без труда достигается путем привлечения достаточно широкого контекста. С другой стороны, составные термины не могут строиться с пропуском одного или нескольких компонентов, не являющихся терминологическими элементами.¹⁰

Фразеологические единицы также могут употребляться с пропуском отдельных компонентов /правда, значительно реже, чем составные термины,¹¹ однако пропуск чисто структурных частей фразеологизмов, таких, как предлоги или грамматические частицы, либо вообще невозможен, либо приводит к образованию вариантов в одной и той же фразеологической единице.¹² Составные термины, следовательно, сближаются с фразеологическими единицами по правилу невозможности пропуска в тех и в других компонентах, являющихся их чисто структурными частями, при возможности /более часто реализующейся у составных терминов/ пропуска значащих частей в тех и других.

Представляется, что именно раздельнооформленность многих единиц терминологии, равно как и возможность пропуска в них отдельных терминологических элементов, обусловила само их наиболее распространенное название - "составные термины", которое никак нельзя считать удачным, поскольку оно вступает в противоречие со свойственными "составным терминам" признаками целостности номинации и относитель-

7. Или значащих компонентов терминов /ср.: Д.С.Дотте, Основы построения научно-технической терминологии, М., 1961, стр.15/.

8. Ср.: гравюра на дереве — гравюра, двухтактный двигатель внутреннего сгорания — двигатель внутреннего сгорания — двигатель и т.д.

9. Ср.: Д.С.Дотте, ух.соч., стр.74-75, 128-154 и др.

10. Невозможно: гравюра... дереве /им.: гравюра на дереве/, двигатель... принудительным зажиганием /им.: двигатель с принудительным зажиганием/ и т.д.

11. Ср.: Ен пула... /им.: ни пула, ни пера/,... к черту /им.: или к черту/ и др.

12. Ср. франц.: jouer de la fille de l'air, jouer la fille de l'air вчерезусть, jouer à quitte ou double, jouer quitte ou double-рисковать всем и т.д.

тельной устойчивости целостного употребления.

Как же квалифицировать так называемые "составные термины" и как могут они соотноситься с фразеологическими единицами языка? Ответ на этот вопрос видится в работах Л.И.Ройзензона и прежде всего в его теории фразеологизации как лингвистического явления.

Так, рассматривая фразеологизацию как "процесс стабилизации и закрепления в речевой практике данного языкового коллектива в качестве готовых /т.е. таких, которые каждый раз не создаются заново, а лишь воссоздаются, извлекаются из памяти говорящих/, относительно устойчивых языковых комплексов",¹³ Л.И.Ройзензон тем самым предложил, как представляется, наиболее общий термин, определяющий категорию единиц языка, включающую так называемые "составные термины".

Действительно, рассмотрение так называемых "составных терминов" как "словесные комплексы" позволяет отнести их полностью к этой категории. В результате проблема установления соотношений между составными терминами и фразеологическими единицами языка может быть рассмотрена как часть более широкой проблемы — соотношения ФЕ и словесных комплексов, а отношения между терминословоэлементами и другими компонентами внутри так называемых "составных терминов" должны рассматриваться как отношения компонентов в словесном комплексе.

Е.А.МОЛДАТАЕВ /Алма-Ата/

СЛОВО И ТЕРМИН ; ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЕ И ТЕРМИНОСОЧЕТАНИЕ

1.1. В качестве термина может выступать только слово, соотно-

13. Ср.: Л.И.Ройзензон, Фразеологизация как лингвистическое явление, Труды СамГУ, новая серия, вып. 113, Самарканд, 1961, стр. 113; В более поздних работах, в частности, в докладе, подготовленном совместно с Ю.Ю.Авалиани, а также с А.И.Дятловой, под названием "Могут ли быть частями речи словесные комплексы?" /Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов, Л., 1965/ Л.И.Ройзензон использует более точный термин — "словесные комплексы", который мы у него заимствуем.

симое с понятием. Слова, для которых не выработаны понятия - междометия, имена собственные, обозначения эмоций /восторг, угрызения совести/, эмоциональные апеллитивы /голубка, светик и др./ - имеют значения, но не являются терминами. Это первый отличительный признак слова-термина от слова-нетермина.

1.2. Примем далее во внимание, что понятие следует рассматривать дифференцированно: "Не вдаваясь в рассмотрение иерархии типов понятий /что, видимо, представляет весьма сложную проблему/, можно в качестве примера привести бесспорную неоднородность, с одной стороны, "обыденных", или "бытовых", понятий и, с другой стороны, научных" /1, стр.56-57/. Руководствуясь указанной дифференциацией понятий, мы приходим к выводу, что термин - это слово, выражающее специальное понятие, входящее в систему понятий одной специфической области. Ввиду этого мы соотносим термин не с понятием вообще, а со специальным понятием и в этом видим второе отличие слова-термина от слова-нетермина

1.3: Соотнесенность термина со специальным понятием, содержание которого выражается четко сформулированной дефиницией, порождает его однозначность. Однако мы не превращаем однозначность термина в абсолют и не отрицаем, что в той или иной терминологической системе в определенные периоды могут наблюдаться явления полисемии; ведь терминология на пути к совершенствованию, к максимальной эффективности постоянно подвергается регулированию, упорядочению.

2.1. Терминосочетания как воспроизводимые единицы языка по структуре и лексическому составу ничем не отличаются от прочих фразеосочетаний. Характерной особенностью их является ограниченный по сравнению с нетерминологическими фразеосочетаниями состав семем и вызванная этим обстоятельством ограниченная вариативность. В состав фразеосочетаний могут входить семемы пяти разновидностей: "А. Денотативная семема - отражающая экстралингвистическую сущность. Это отражение либо прямое /Д1 - нос человека, рукав рубахи/, либо опосредованное другой семемой /Д2 - нос корабля, рукав реки/. А. Коннотативная семема - не отражающая экстралингвистической сущности. Здесь различаются: мотивированная коннотативная семема, сохраняющая логическую связь с денотативной семемой той же лексе-

мы /К1 - река печали, мрак невежества/, немотивированная коннотативная семема, не имеющая логической связи с денотативной семемой той же лексемы /К2 - заморить червячка, по пьяной лапочке/, немотивированная коннотативная семема, не соотносимая с какой-либо денотативной семемой, т.е. лексема, содержащая данную коннотативную семему, но не отражающая денотативных семем /сбить с панталыку, не видно ни зги/.

Во фразеосочетаниях названные разновидности семем вступают в различные комбинации. Теоретически возможны и реально встречаются в современном русском языке 15 типов фразеосочетаний, состоящих из двух лексем /порядок следования лексем нерелевантен/
/2, стр.106/.

2.2. В терминосочетаниях, относящихся к области спортивной терминологии, нами выявлены из упомянутых 15-ти только четыре типа Д1Д1, Д1Д2, Д2Д2, Д1К1:

а/ Д1Д1. Сочетания /средняя дистанция, фехтовальный зал, гимнастическое многоборье, линия подачи, стойка борца/, семемам которых соответствует непосредственно экстралингвистическая сущность, их абсолютное большинство, Компоненты данных сочетаний употребляются в своем прямом значении, и значение всего сочетания выводится из суммы значений лексем, входящих в него.

б/ Д1Д2. К этому типу относятся сочетания, в которых одна из семем прямо связана с экстралингвистической сущностью, другая же семема - опосредованно /высокие брусья, боксерская груша, футбольные ворота, боковой крест, яблоко мишени, десятизубые кошки/.

в/ Д2Д2. В сочетаниях этого типа ни одна из семем не является прямым соответствием экстралингвистической сущности /открытые ворота, закрытые ворота, полуоткрытые ворота - в слаломе/.

г/ Д1К1. В сочетаниях Д1К1 проявляется внезапный переход одной из денотативных семем в мотивированную коннотативную семему, которая сохраняет логическую связь с денотативной семемой той же лексемы /спортивный мяч, штрафной удар, держать игрока, взять в клинка/.

2.3. Таким образом, в составе терминосочетаний не бывает семем

K2 и K3, что объясняется свойствами, которые роднят их с терминами-словами: однозначностью, отсутствием образности. Терминосочетания не бывают эквивалентами слов; они, как правило, возникают не стихийно, а в результате планомерных усилий. Эти черты также отличают их от нетерминологических фразеосочетаний.

3.1. Выявленные нами типы терминосочетаний в сфере спортивной терминологии являются сочетаниями устойчивыми. Их устойчивость состоит в том, что входящие в их состав компоненты сочетаются с ограниченным числом других компонентов.

Устойчивость терминосочетаний – явление более мобильное, чем устойчивость общеупотребительных фразеосочетаний. В той или иной терминологической системе в определенные периоды ее развития легко создаются новые терминологические сочетания и видоизменяются старые путем смены компонентов.

Степень устойчивости терминосочетаний установить легче, чем степень устойчивости нетерминологических фразеосочетаний, ввиду того, что среди них не наблюдается окказиональных употреблений. Они в синхронии не допускают замены компонентов и иного рода вариативности.

3.2. Признавая, что абсолютное большинство терминосочетаний /значение которых складывается, как правило, из суммы значений компонентов/ семантически членимо, стало быть неидиоматично, мы отмечаем однако, что в терминологических системах встречаются также сочетания достаточно идиоматичные /ДИК/.

4.1. Из сказанного явствует, что большую часть терминосочетаний нельзя считать фразеологизмами в собственном значении этого слова. Однако, не подлежит сомнению, что они, как и все другие разновидности фразеосочетаний, являются объектами фразеологии, изучающей проблемы сочетаемости лексем во всем их многообразии.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. В.А.З в е г и н ц е в. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., изд. "Просвещение", 1968.
2. М.М.К о п ы л е н к о, З.Д.П о п о в а. Опыт градуирования идиоматичности фразеосочетаний. Сб. Актуальные проблемы лексикологии, Минск, 1970.

СЛОВА И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ТЕРМИНЫ В НЕМЕЦКОМ
И НЕКОТОРЫХ ТУРКСКИХ ЯЗЫКАХ
/на материале парных сочетаний/

Терминология, выраженная различными словосочетаниями привлекла за последнее время внимание многих лингвистов.¹

Однако авторы в своих исследованиях совсем не упоминают или лишь поверхностно касаются таких единиц, как парные сочетания в терминологической функции.²

Как показали наблюдения, парные сочетания могут, также как и отдельные слова, выступать в назывной и терминологической функции и охватывать при этом различные сферы окружающей действительности. Таковы, например, термины родства: в узб. яз. ота - она "родители" /був. отец-мать/, авлод - аждод "поколения" /потомство-предки/; в немецк. яз. Weib und Kind. В качестве биологических и зоологических терминов могут выступать, напр., в русск. яз. название растения мать-и-мачеха; в узб. курт - кумурсқа "насекомые" /червяк-муравей/; некоторые другие термины, относящиеся и к более отвлеченным сферам: в нем. яз. Tag und Nacht ; в тат. угеи - нәсиәт "дидактика" /совет-наставление/ и многие другие.

1. О.С.А х м а н о в а . Очерки по общей и русской лексикологии; М., 1957. А.М.Б а б к и н . Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970. Е.А.И в а н и к о в а . Устойчивые именные словосочетания как предмет фразеологии и лексикографии. Сб. Современная русская лексикология. М., 1966. А.Н.К о ж и н . Термины-слова, термины-фразеологизмы. Труды Самаркандского госуниверситета им. А.Навои, Новая серия, выпуск № 178. Вопросы фразеологии Ш, Самарканд, 1970. Е.Н.Т о л к и н а . Некоторые лингвистические проблемы изучения термина. Сб. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
2. Следует отметить, что даже в вопросе определения природы парных единиц нет еще установившегося мнения среди лингвистов: одни авторы называют их парными словами, другие - парными сочетаниями, у третьих, напр., у И.Ботори - это композиты. В.И.Абаева интересовала стилистическая функция этих единиц и в этом смысле он исходил из того, что это параллелизм, выполняющие повелительную функцию.

Целью данного сообщения является рассмотрение парных сочетаний назывного характера в их соотносительности с отдельными словесными единицами в немецком и некоторых турецких языках и попытка установить основные отличительные особенности этих единиц по сравнению со словами в той же функции. Такое сопоставление единиц разносистемных языков позволяет не только "установить моменты схождения и расхождения",³ но и точно определить их функциональную характеристику в исследуемых языках.⁴

Результаты наблюдений показали, что парные сочетания в назывной и терминологической функции в синхронном плане в исследуемых языках весьма неоднородны: с функциональной точки зрения могут быть выделены следующие группы указанных единиц.

I. Парные сочетания в терминологической или назывной функции. Внутри данной группы выделяются две подгруппы.

I/ Парные сочетания - собственно термины, т.е. лексические единицы, "служащие для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов",⁵ Однако, исходя из того, что в более широком понимании терминология не ограничивается сферой специальных понятий, вслед за А.И.Моисеевым мы привлекли к анали-

3. Об этом см.: Л.И.Р о й з е н з о н, Ю.Ю.А в а л и а н и. Современные аспекты изучения фразеологии. Сб. Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967, стр.70.
4. Мы ограничиваемся вышеизложенной задачей, не касаясь структурно-семантических признаков взаимодействия компонентов. Эти вопросы были частично затронуты нами в предыдущих выступлениях и публикациях. См.: С.Н.С и р а е в а. К структурно-семантической характеристике одной группы парных слов в немецком и некоторых турецких языках. Сб. "материалы межвузовской конференции по романско-германскому языкознанию. Уфа, 1967; е ё ж е: К структурно-семантическому анализу парных сочетаний немецкого и турецких языков в сфере разговорной речи. Сб. Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1968.
5. О.С.А х м а н о в а. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 474.

зу элементы так называемой "битовой терминологии".⁶

Сущность этой подгруппы парных сочетаний в целом заключается в том, что они, как и отдельные слова-термины, функционируя в качестве единственных выразителей номинации определенных реалий, стилистически вполне нейтральны, т.е. они не имеют сколько-нибудь существенных отличий от отдельных слов, кроме того, что их общие значения являются определенным синтезом составляющих данные сочетания компонентов, напр., в нем. яз. Steine und Erden, Tag und Nacht, Feder und Hut; в башк. *чнкэбавир* "ливер" /легкие-печень/, *эр-йыу* "угодь" /земля-вода/, в тат. *аш-сы* "кулинария"; в узб. яз. *курпа* - ёстиқ "постель" /одеяло-подушка/, *ем* - хашак "трах" /зерновой корм-сено/, *теша* - табар "плотничья инструменты" /инструмент типа топорика-секиры/ и т.д.

О том, что в отдельных случаях эти сочетания могут функционировать как подлинные словесные единицы, свидетельствует тот факт, что, напр., в немецком языке наблюдается тенденция у некоторых из них формировать особого рода структурные дериваты, т.е. служить своего рода продуктивными производящими основами, причем имеются даже случаи слитного написания парного сочетания в составе сложного слова: Tagundnachtsausgleiche, Tagundnachtgleichheitspunkt, Hin- und Hergang Hinundher-Biegeprobe. Нужно думать, что, претерпев достаточно полную лексикализацию,⁷ они приобрели цельноформленность и на графическом уровне.

2/ Вторая подгруппа - это парные сочетания, функционирующие наряду с отдельными словами в общем в том же терминологическом значении и функции. Они отличаются только расчлененным обозначением единого понятия, т.е. конкретизируют объем его значения. Глобальное терминологическое целое такого сочетания часто вытекает из конкретного значения составляющих его слов. Например, в нем. яз; Grund und Boden существует наряду со словом Grundbesitz, Weib und Kind со словом Familie; в узб. яз. уй - кой "местожитель-

6. А.И.Моисеев. О языковой природе термина. Сб. Лнгвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.

7. Аналогичное явление наблюдается в курдском языке. Об этом см.: П.Д.Авадиани. Особые парные глагольные сочетания в курдском языке. Самарканд, 1959.

ство" /дом - место/ со словом турархой; в башк. яз. тогеу - си-геу "рукоделие" /шитье-позывание/ наряду с кул Эчэ и др.

Такие сочетания могут включать /для обозначения какого-то рода предметов в их совокупности, множественности/ отдельные разновидности таких предметов, что создает особую детализацию: так, в нем. яз. Erbe und Flut; в узб. яз. арпа - бутдой "зерновые" /ячмень-пшеница/; в тат. яз. аяк - кул "конечности" /нога - рука/; в башк. яз. исэх - карын "внутренности" /кишка - живот/ и др.

С точки зрения их генезиса и становления это, по-видимому, первичные средства обозначения отдельных реалий. Они имеют широкую сферу применения, в частности, в разговорной речи благодаря не только семантическим, но и определенным фонетическим признакам /рифмование, аллитерация и др./.

II. Вторая группа - это своего рода народно-этимологизированные интерпретации основных терминов, которые наряду с называнием заключают элемент добавочной экспрессии. т.е. для них кроме назывной характерна дополнительная оценочная функция. В основе таких сочетаний мы обычно находим какую-то образную основу. Такие сочетания являются большей частью достоянием разговорно-просторечной сферы. Так, в немецком яз. наряду с медицинским термином Fallsucht "эпилепсия" существует das böse Weh und Wesen /букв. страстная болезнь - поведение/, который не только называет, но и дает ярко экспрессивную характеристику этой болезни. В узб. яз. нейтральному термину "велосипед" в разговорно-просторечной сфере соответствует шайтон-арава /букв. черт - повозка/, народно-этимологическая природа которого не вызывает сомнений: сочетание таких слов как шайтон и арава особо подчеркивает признак "быстроты".

Вышеизложенное позволяет подчеркнуть, что к парным сочетаниям назывного характера следует подходить дифференцированно. В результате такого подхода выявилось следующее; одна часть парных сочетаний в указанных языках имеет чисто назывную или терминологическую функцию и проявляет тенденцию превратиться в подлинные слова.

Вторая группа, заключая в себе, наряду с называнием, добавочный

эмоционально-экспрессивный колорит, почти всегда остается на уровне парных сочетаний фразеологизированного характера, благодаря своей образной основе и народно-этимологической интерпретации и существованию наряду с другими терминами, выраженными одним словом или словосочетанием.

Функциональная характеристика парных сочетаний немецкого и турецкого языков в сопоставительном плане выявляет и их особенности, заключающиеся в том, что большая часть названных единиц в немецком языке на основе вышеуказанных признаков примыкает к фразеологии, в то время как в турецких языках значительная часть их является достоянием лексики и выступает в номинативной или терминологической функции.

Э.Х.РОТТ /Челябинск/

СЛОВО И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К КОМПОНЕНТУ ЯДЕРНОЙ ФРАЗЕОЛОГЕМЫ /О ядре фразеологии/

В настоящей работе делается попытка выделить однородный объект фразеологии - такой объект, который бы составлял ядро фразеологии.

При существующем у некоторых фразеологов широком понимании объекта фразеологии, когда в ее объем включаются разнотипные единицы, а именно "все воспроизводимые единицы без исключения", в том числе и так называемые "фразеологические выражения", состоящие "целиком из слов со свободными значениями", вполне закономерно постановка вопроса о выделении в особый разряд тех оборотов, которые по своему сущностному признаку представляют класс однотипных /однородных/ синтетических единиц и образуют ядро фразеологии, для изучения которого собственно и возникла необходимость в создании специальной лингвистической дисциплины - фразео-

1. Н.М.Шапский. Фразеология современного русского языка. Изд. 2-е, "Высшая школа", М., 1969, стр.3.

2. Там же, стр.84.

логии.

Для выделения из речевого потока указанных однотипных единиц /ядерных фразеологем/ автор данной работы пользуется контекстологическим /точнее: контекстематическим/ методом анализа.³ С помощью контекстематического метода удается разделить все контекстемы /единицы контекста/ на два класса: класс переменных /вариабельных/ контекстем и класс устойчивых /стабильных/ контекстем. Переменные контекстемы охватывают диапазон сочетаемости данного детермината /реализуемого слова/ с детерминаторами /ключевыми словами/ от бесконечности до числа два. Число два представляет собой предел переменности /вариабельности/: если какой-нибудь детерминат сочетается хотя бы с двумя разнозначными /несинонимичными/ детерминаторами, то такая контекстема считается переменной /закадычный друг, закадычная дружба/. Семантическая структура переменных контекстем сложночленными, аналитична, их семема получается в результате логико-грамматического объединения значений детермината и детерминатора; ср.: видеть деревья, видеть людей, читать книгу, писать отчет, дверная ручка, водонапорная башня, водонапорные баки и мн. др.

Стабильные /устойчивые/ контекстемы обнаруживают уникальную сочетаемость детермината с одним единственным детерминатором /или с двумя-тремя, но обязательно равнозначными, синонимичными/. Таким образом, мы понимаем под стабильностью /устойчивостью/ отсутствие равнообразия.⁴ Семантическая структура стабильных контекстем неод-

3. После выхода из печати монография Н.Н.Амосовой "Основы английской фразеологии" /ЛГУ, 1963/ этот метод получил довольно широкое распространение во фразеологических исследованиях. Подробности о его применимости к фразеологическим исследованиям см.: Э.Х.Ротт. Проблемы сущности и структуры русской фразеологии и краткая история их разработки. канд. диссертация, Ленинград, 1969, стр.121 в сл.

4. Мы предпочитаем употреблять термины "стабильный", "стабильность", так как термин "устойчивость" многими учеными понимается как "ограничение равнообразия" /У. Росс Эшби/ /В.Л.Архангельский. Устойчивые фразы в современном русском языке. Изд. Ростовского ун-та, 1964, стр.119/, но не как отсутствие равнообразия.

породна. С этой точки зрения все стабильные контексты делятся на аналитические и синтетические. К аналитическим стабильным контекстам относятся такие, как в и с о к о с н ы й г о д , п р о л и в н о й д о ж д ь , з а к л я т ы й в р а г , с к о р о п о с т и ж н а я с м е р т ь /вариант: с к о р о п о с т и ж н а я к о н ч и н а /, с к а л и т ь з у б ы , т а р а щ и т ь г л а з а и др. Несмотря на свою уникальность, детерминат стабильной контексты с аналитической семантической структурой имеет вполне определенное значение, знакомое носителям языка даже в изолированном положении. Следовательно, можно утверждать, что уникальный детерминат входит в стабильную аналитическую контексту со своим собственным, хотя и уникальным, значением. Семема такой контексты точно получается из объединения уникального значения детермината и лексического значения детерминатора, т.е. она аналитична, сложноположена. Значение уникального слова в языке не есть результат действия лингвистических факторов - уникальность слова соответствует уникальности самого явления действительности, которое этим словом обозначается. Так, слово "проливной" уникально потому, что им обозначается признак, свойственный только одному единственному предмету объективной действительности - дождю.

Синтетические стабильные контексты в корне отличны от аналитических по своей семантической структуре. Их состав тоже уникален, как и состав аналитических стабильных контекстов, т.е. он не может быть омонимичен составу переменных контекстов /последних попросту не существует/, но уникальность синтетических стабильных контекстов имеет свою иную природу. Напр., в о р о б ь я н а я в о ч ь , з о л о т а я м о л о д е ж ь , к у р и н а я п а м я т ь , б е л ы е с т и х и , з а п е ч а т л е т ь п о д е л у й , б о л ь н о й в о п р о с , е г и п е т о с к а я т ь м а. В приведенных оборотах нет уникальных слов, все их компоненты - самые обычные слова, однозначные или многозначные, но даже самый беглый анализ убеждает нас в том, что первый компонент не реализует в них ни одного из своих лексических значений. Что же здесь происходит? Как осуществляется в нашем сознании понимание

оборотов, состоящих из несочетающихся слов? Мы должны оговориться, что несочетающимися такие слова можно рассматривать только с точки зрения контекстматики, исследующей, как известно, нормальную логическую и узуальную сочетаемость слов. При встрече контекстматически несочетающихся слов происходит следующее. В момент их линейного соприкосновения в тексте наше сознание, "споткнувшись" о явную логическую невозможность соединить значения этих слов, "страхивает" с них все их лексические значения, "подавляет" их, "гасит" их. Это первая сторона рассматриваемого нами явления.

В следующий миг наше сознание, "порынешись" в кладовых памяти, извлекает оттуда социально установленную семему всего оборота. Оно как бы заставляет семантически "угаснувший" детерминат тут же "вспыхнуть" новым, несвойственным ему ранее и невчленимым значением, сглавляя его со значением детерминатора в семантически неразложимое единство. Новая семантическая "вспышка" - это вторая половина того же самого явления. Таким образом, детерминат в момент линейного соприкосновения с детерминатором теряет свою знаковую, словесную природу и превращается в чисто структурный элемент, который, сглавляясь с детерминатором, вызывает совместно с ним новую сложночленимую семему, новый сложный лингвистический знак. Это двустороннее явление мы называем "монемностью", а детерминат синтетических контекстем - "монемой" /от греч. монос - 'один единственный', 'только один'/. Монема - это бывшее слово, иначе структурный элемент, вызывающий вместе с одним единственно возможным детерминатором /а если с несколькими, то обязательно синонимичными/ определенную сложночленимую семему. В таком случае мы говорим, что детерминат синтетической контекстемы "монемизируется", иначе - приобретает "монемное значение". Это чисто условный способ выражения, мы прибегаем к нему для того, чтобы заполнить последнее звено цепи: лексическое значение - уникальное значение - монемное значение.

Синтетические обороты описанного типа, состоящие из одной монемы и одной немонемы /в о р о б ь н а я н о ч ь , б е ж и е с т и х и/, мы называем идиомами. В идиомах немонемный компонент /детерминатор/ подавляет все лекси-

ческие значения монемы /детермината/ и сплавляет ее на семемном уровне вместе с собой в нечленимое семемное единство.

Другой тип синтетических оборотов - это обороты, имеющие сплошной монемный состав. В них компоненты служат друг для друга одновременно и детерминатами, и детерминаторами, т.е. они, с точки зрения реципиента речи, сначала подаряют друг в друге лексическое значение /если оно в них еще живо/, а затем тут же одновременно все вместе "вспыхивают" новым семантическим содержанием, обнаруживая социально установленную глобальную, сложнечленимую семему или менталему,⁵ не включающую в себя прежних семантических спектров компонентов. Синтетические обороты этого типа можно назвать идиомами. Примеры: втирать очки, мотать на ус, подложить свинью, бить баклуши, точить лясы, тришкин кафтан, буриданов осел, отставной лозы барабанщик, мелким бесом рассыпаться, небо коптить, разводять антимонии, вне себя, не в себе. Для идиом не обязателен бинарный композиционный строй, какой замечается у идиомидов, - они могут иметь как два, так и более компонентов. В составе идиом свободно "уживаются" лексические архаизмы и историзмы. Это объясняется монемным характером компонентов идиом: компоненты входят в состав идиом как чисто структурные элементы, "отряхнув" с себя свою собственную семему, а только весь состав вместе "вспыхивает" новой семемой или менталемой. Таким образом, компоненты идиом, выступая в виде монем, представляют собой элементы, утратившие свою "словность", т.е. являются бывшими словами.

Можно выделить еще и третий тип синтетических оборотов, в состав которых входит, кроме нескольких монем, и один немонемный компонент. Последний является обязательным членом оборота, без него остальные компоненты не монемизируются и оборот в целом

5. Под менталемой мы понимаем интеллектуальное содержание предложения, сообщение, в нем заключенное.

не становится синтетичным. Примеры: спать без задних ног, денег куры не клюют, пербиваться с хлеба на квас, глуп как пробка, смеяться в бороду. Эти синтетические обороты мы называем субидиомами.

Синтетические обороты - идиоиды, идиомы и субидиомы - составляют, по нашему мнению, ядро фразеологии. Их можно назвать ядерными фразеологемами. Сущностный признак ядерной фразеологемы - монемность ее состава. Монемные компоненты ядерной фразеологемы представляют собой элементы, потерявшие свою "словность". Подобно слову, ядерная фразеологема - самодовлекшая, замкнутая в самой себе языковая единица, для выявления которой исследователь, зная ее сущностный признак, не вынужден привлекать другие элементы текста. Что же касается семантической функции данной ядерной фразеологемы, ее конкретной семантической роли в рассматриваемом тексте /семема - номинация, металема - коммуникация, однозначность, многозначность и др./, то для ее выявления должны быть привлечены другие элементы текста, как и для выявления семантической функции слова.

Ядерные фразеологемы не могут изучаться ни в грамматике, ни в контекстематике, ни в лексикологии. Грамматика и контекстематика могут изучать только аналитические сочетания слов и контекстемы /первая - в грамматическом, вторая - в семантическом плане/. Лексикология же занимается исследованием слов как индивидуальных явлений, как элементов словарного состава языка. Ядерные фразеологемы - из-за особенности их сущности /"монемность"/ - должны изучаться в специальной лингвистической дисциплине, которую можно назвать либо фразеологией, либо идиоматикой, либо как-нибудь иначе. Вокруг этого ядра фразеология группируются еще и другие стабильные /но не синтетические, а аналитические/, а также узуально ограниченные обороты, которые, без сомнения, требуют пристального изучения. Однако их сущностный признак иной, поэтому они и составляют типы оборотов, не однородных с ядерными фразеологемами.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СООТНЕСЕННОСТИ СЛОВА И ФРАЗЕОЛОГИЗМА
/ на материале современного башкирского языка /

Между словом и фразеологической единицей существуют различные семантические связи /внутризначные, синонимические, антонимические и др./. Общность данных единиц языка заключается в их способности выражать понятия, находящиеся в определенных взаимоотношениях. Вместе с тем фразеологизмы и в семантическом плане проявляют определенную самостоятельность. Метод наложения /или аппликация/ показывает, что ряд фразеологизмов в башкирском языке вообще не имеет словесных эквивалентов. Они обозначают такие сложные понятия, которым нет лексических соответствий. К ним относятся, прежде всего, общеупотребительные фразеологизмы с яркой эмоционально-экспрессивной окраской: **дә йә кой ро ро ергә тейгәс** - "в неопределенном будущем, никогда", соотв. русскому "когда рак на горе свистнет", досл. "когда хвост верблюда земли коснется"; **дуга менән бесән сабыу** - "сказать, сделать что-либо невпопад", соотв. русскому "попадать пальцем в небо", досл. "дугой косить сено"; выражения различных пожеланий, приветствий и запретов: **ауңыңдан ел алһын!** соотв. "типун тебе на язык", досл. "пусть ветер с твоих уст скует".

Специфичность значения фразеологизма обнаруживается при соотнесении его со смысловым содержанием слова-синонима.

Значение фразеологической единицы не полностью покрывается его синонимом. Фразеологизмы часто выражают наивысшую степень признака, крайнюю интенсивность действия: **бармак менән һанарлык** - "очень мало", соотв. "раз-два и обчелся", досл. "пальцами можно пересчитать"; **куз асып йомғайсы** - "очень быстро, мгновенно", соотв. "в один миг"; **ауңра алһынһэ** - "очень невкусный /о пище/".

Фразеологическая единица может иметь более узкое значение по сравнению со словом-идентификатором. Например, **хонятле** "много"

выражается словом *к у и*, которое употребляется по отношению ко всяким предметам и явлениям, а фразеологические единицы с тем же значением имеют узкую направленность, то есть закреплены за более конкретными понятиями; *н а н а п б е т к е н e з* - досл. "не пересчитать /о множестве предметов/"; *к а р а с а у к а к е у е к* - досл. "как черные галки /о множестве, скоплении людей/"; *к ы р ы м с и р е у е к е у е к* - досл. "как войско крымское /о движущейся массе людей/"; *к ы р м ы с к а и л а у е к е у е к* - "о беспорядочно кричащей толпе"; *и т а к т у л ы* - досл. "полный подол /о множестве детей в семье/"; *т а у н к с у п л а н а л а б e т e р л e к т у г e л* - досл. "хоть куры будут клевать, не кончится /о занятости, о множестве дел/"; *к ы з ы л с а к м а н й а й г а н к у с к* - досл. "словно красный чекмень застелен /об обилии ягод на поляне/".

Подавляющее большинство фразеологических единиц продолжает сохранять внутреннюю форму, и в силу этого они выражают то или иное понятие через образное представление о действительности, тогда как их словесные эквиваленты этого важного признака уже не имеют. Поэтому в языке наряду с развитой лексической синонимией продолжают функционировать совпадающие с ними по значению фразеологизмы. Например, *к а с ы у*, *т а й н у*, *н ы з н у*, *ш ы л ы у*, *н с к ы н ы у*, *н ы л ы р т ы у*, "убежать, удрать, улизнуть", *к о й р о к т о н ы р т к а н а л ы у* - досл. "положить хвост на спину", *к о р о к т о т е р е у* - "свернуть хвост", *т а б а н д ы я л т ы р а т ы у* - "засверкать подошвами", *у к с а н е к у т а р е у* - "поднять пятки" и др.

Во многих фразеологизмах номинативное значение сопровождается ярко выраженной эмоциональностью. Обычно употребление фразеологической единицы в речи вызывается необходимостью выразить эмоциональное отношение говорящего к изображаемому. Например, *я л к а у* "ленный" - *е л к а н е с о к о р* соотв. "кишка тонка", *е л к а н е д о к а* досл. "у него затылок тонкий"; *у с е к с а н* "обидчивый" - *т а р т а н е е р е к* досл. "у него оглобли ольховые". Приведенные фразеологизмы содержат в своем значении

ироническое отношение к выражаемому.

Таким образом, в семантическом содержании фразеологизмов и синонимичных слов имеются существенные различия, которые дают основание считать их не идентичными, а лишь соотносимыми единицами разного порядка.¹

Специфичность фразеологического значения выявляется также при анализе соотношения содержания фразеологизма с системой значений его компонентов, как слов свободного употребления.

Известно, что фразеология является вторичной по отношению к лексике и возникает на базе имеющихся в языке слов. Но значение фразеологической единицы не является простой суммой семантического содержания компонентов, составляющих данную единицу. Отдельные группы слов современного башкирского языка более активно выступают в составе фразеологизмов /например, названия частей тела, глаголы, обозначающие передвижение и физическое воздействие, числительные/, а другие не участвуют в образовании фразеологических единиц.

С точки зрения соотношения значений фразеологизмов со значениями их компонентов можно выделить следующие типы их связей /соответственно и типы фразеологизмов/:

а/ фразеологические единицы, смысловое содержание которых не связано со значениями ее компонентов. В свободном употреблении эти слова-компоненты не сочетаемы. Этот тип в свою очередь может быть разделен на две подгруппы:

а/ фразеологизмы с немотивированным значением. Внутренняя форма их с точки зрения современного состояния языка утеряна, в составе таких единиц имеются архаизмы. Например, в а з к и с е у "отрекатся", л а ф о р о у "трезвонить, пустословить", с а ф с а т а һ а т ы у "пороть чушь" и т.д.

б/ фразеологизмы с мотивированным значением. Семантическое содержание таких единиц также не связано с лексическими значениями

1. А.В.К у н и н. О соотношенности фразеологической единицы со словом. "Вопросы фразеологии". Труды Самаркандского гос. ун-та, вып. 178. Доклады, предназначенные для обсуждения на симпозиуме "Фразеологизм и слово". Самарканд, 1970, стр.94-112.

его компонентов, а возникло в результате переноса значения словосочетания в целом. Как свободные сочетания эти слова не употребляются. Например, а у з н и а с п а у п ж а б е к у р е н а соотв. "гол как сокол", й е р а г е н а й е н у с к а н соотв. "сердце обросло мохом", у т й о т о у - "сильно горевать", досл. "глотать огонь", а й н у м а й и н е р т е у - "стачить, стянуть", досл. "намазать медрежьим саком" и т.д.

2. Самым значительным по численности типом являются фразеологизмы, компоненты которых сочетаются во внефразеологическом употреблении, то есть эти словосочетания обозначают что-то и в "свободном" употреблении. Однако значение фразеологизма со значениями его составных частей непосредственно не связано. Семантика фразеологизма основывается на конкретном образе и мотивирована наличием свободного словосочетания такой же структуры, например, с ы б ы к о с о - "дальний родственник", соотв. "седьмая /десятая/ вода на киселе", д у г а б е г е у - "мерзнуть", досл. "гнуть дугу", т а б а н я л т ы р а т ы у - соотв. "дать стрекача", досл. "засверкать подошвой", а й к у р з е к о я ш а л д ы - "быстро исчез".

3. Третий тип составляют фразеологизмы, значение которых соотносимо со значениями её компонентов. Связь смыслового содержания единицы и его составных частей может быть весьма разнообразной.

а/ Соотносимость с переносными значениями компонентов. В компонентных единицах оба компонента во внефразеологическом употреблении выступают в аналогичных с фразеологизмом значениях. Например; е б е г а н а у з - "мягкий, безвольный", досл. "размякший рот". В подобных словосочетаниях основную смысловую нагрузку обычно несут компоненты, выраженные прилагательными. От их семантики зависит значение словосочетания в целом: к у я н й е р а к л е - "трусливый", досл. "с заячьим сердцем", к у ш й е р а к л е - "смелый, бесстрашный", досл. "парное сердце". Компонент й е р а к л е, хотя и имеет значение "смелый, бесстрашный", но не он, а атрибутивный компонент является смысловым центром.

б/ Соотнесенность с прямым значением одного из компонентов, который является смыслообразующим членом фразеологической единицы.

Другие компоненты употребляются в переносном значении. Существительное *акыл* "ум" выступает в своем основном значении, образуя целую серию фразеологизмов: *акылга бер терле бер кой, теул тугел* / соотв. "винтиков не хватает, не все дома"; *акылд кыска /дай/* - "ум короткий"; *акылдан язну /шашну/* - "сойти с ума" и т.п.

в/ Соотнесенность с прямыми значениями всех компонентов. Данная группа словосочетаний занимает промежуточное положение между фразеологизмами и "свободными" словосочетаниями. Если значение какого-либо компонента является фразеологически связанным и реализуется лишь в составе данной группы словосочетаний, то такие единицы будут относиться к фразеологии. Например: *иска тешереу, хэтерга тешереу* "вспоминать, припоминать". Глагольный компонент в данном значении вне фразеологической единицы не употребляется, а именной компонент здесь выступает в прямом значении.

Если какой-либо из компонентов не имеет фразеологически связанного значения, то такие словосочетания, хотя и представляют устойчивую связь, не будут рассматриваться как фразеологические единицы. Все компоненты в них выступают в прямом, номинативном значении. Например: *каршы алыу* "встречать", *риза булыу* "согласиться", *уситеу* "мстить" и т.д. Обычно такие словосочетания имеют структуру "наречие+вспомогательный глагол", или "существительное+вспомогательный глагол".

Выделенные типы соотнесенности значений фразеологических единиц со значениями их компонентов охватывают фразеологию языка в семантическом разрезе. Безусловно, в отношении той или иной единицы к определенному типу могут возникнуть спорные моменты. Потому что языковые единицы строго не дифференцируются и не всегда удается расставить их по порядку в классификационных схемах, какими удачными не были бы они.

Представленная схема семантической соотнесенности фразеологических единиц с их компонентами основана на реальных связях, существующих между этими единицами в современном башкирском языке. Она отражает иерархию соотношения смыслового содержания фразеологических единиц.

ГЛАЗОВ СО ЗНАЧЕНИЯМИ ЕГО КОМПОНЕНТОВ.

С. Г. ШУЛЕЖКОВА /Магнитогорск/

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ СЛОВА И ФРАЗЕОЛОГИЗМА

I

История формирования фразеологических единиц /ФЕ/ - это не только сложный процесс изменения семантики свободного соединения слов, но также и сокращение числа его вариантов, закрепление порядка следования компонентов и /для многих ФЕ/ тенденция к непротивоположности. Кроме того, значительные изменения претерпевает грамматическая структура словосочетания в целом - его компонентов в частности. Иными словами, некогда свободное сочетание слов, становясь устойчивым, начинает испытывать "ограничения в выборе переменных"¹ не только на семантическом, но и на других уровнях. Понятие устойчивости как ограничения в выборе переменных, предложенное В. Л. Архангельским, вооружает исследователя объективными критериями отделения ФЕ от прочих языковых единиц, помогает установить свойства, сближающие ФЕ со словом, заставляет более внимательно относиться к форме фразеологизма.

Как и любое явление действительности, ФЕ представляет собой "единство противоположностей",² единство формы и содержания. Содержание ФЕ - это ее "материальная /физическая/ оболочка - звуковая или графическая".³ Со стороны содержания ФЕ характеризуется единством значения, семантической целостностью. Со стороны формы ФЕ - соединение двух или более слов, организованное по существующим когда-то законам языка. ФЕ - раздельно оформленная

1. В. Л. Архангельский. Устойчивые фразы в современном русском языке, изд-во Ростовского-на-Дону ун-та, 1964, стр. 121.

2. В. И. Ленин. К вопросу о диалектике. Собр. соч., изд. 4-е, стр. 353.

3. В. Л. Архангельский. Устойчивые фразы..., стр. 216.

языковая единица.

Единство значения обеспечивается важнейшим отличительным признаком ФЕ - воспроизводимостью в качестве готовой единицы языкового общения. Из воспроизводимости вытекает еще одно существенное свойство ФЕ - устойчивость, проявляющаяся в постоянстве лексического состава, в устойчивости грамматической /морфологической и синтаксической/ структуры, в неизменном порядке следования компонентов, в непроницаемости. Раздельнооформленность ФЕ обуславливает ее лексическую, грамматическую /морфологическую и синтаксическую/ вариантность, допустимость изменения порядка следования компонентов, возможность их дистантного расположения /проницаемость/.

Внутри ФЕ происходит непрерывная борьба между целостностью, единством ее значения /со стороны содержания/ и "раздельным" ее оформлением. Первая сторона сближает ФЕ со словом, вторая - со свободным соединением слов. Первая сторона в ФЕ является несомненно ведущей. Свойства, вытекающие из структурной раздельнооформленности ФЕ, необязательны, второстепенны. Обнаруживаясь они далеко не у всех ФЕ. Воспроизводимость же и устойчивость - релевантные признаки ФЕ.

Чем выше устойчивость ФЕ, чем больше ограничений испытывает на различных уровнях, тем ближе она к слову. ФЕ зачастую становится промежуточным звеном на пути перехода свободного словосочетания в лексику.

По деловым документам южноуральских крепостей XVIII века можно проследить процесс превращения ряда свободных соединений слов во фразеологические, сопровождаемый утратой различного рода вариантов, грамматических форм и значений ФЕ и ее компонентов.

Такова, например, судьба словосочетания "рассудить за благо". Вначале у него были возможны лексические варианты /рассудить за благо - усмотреть за благо/, морфологические /рассмотреть за благо - усмотреть за благо, рассудить за благо - посудить за благо/, наблюдались видовые соответствия /рассудить за благо - рассуждать за благо, усмотреть за благо - усматривать за благо/, изменялся порядок следования компонентов /за благо рассудить - рассудить за благо/, словосочетание было "проницаемо"

/"рассудили мы съ порутчиком Тарбеевымъ за благо"/. Затем утратились все варианты, закрепился порядок следования компонентов. ФЕ стала непроницаемой. У А.С.Пушкина мы встречаем ФЕ "рассудить за благо" в значении "счесть нужным, решить": "Ямщик поблагодарил его усердным поклоном и, не рассудив за благо въехать в город, отправился в известное ему увеселительное заведение" /т.13, стр. 202/. Сейчас мы видим уже результат лексикализации этой ФЕ - "заблагорассудит/ся": "С своими соседями по имению он не заблагорассудил познакомиться" /Достоевский, "Униженные и оскорбленные"/. Аналогичные процессы происходят в ХУШ в. с ФЕ "сей час", "тот час" и многими другими. Стремление ФЕ слиться в одном слове, так же как и факты "свертывания" деривации ФЕ - важнейшие доказательства близости ФЕ к слову.⁴

Значение, полученное словосочетанием в результате фразеологизации, далеко не безразлично к форме ФЕ. Хотелось бы возразить В.Н.Телия, которая как безусловно верное приводит в своем докладе "О вариантности слов и вариантности идиом" высказывание Н.Д.Арутюновой о том, что "форма и содержание лингвистических знаков варьируются независимо друг от друга", и дальше: "единицы языка" - такие образования", "между сторонами которых наблюдается отношение произвольности".⁵ Конечно, произвольно по обыкновению закрепляется за звуковым комплексом определенное значение. Но, став языковой единицей, звуковой комплекс не может произвольно, независимо от выражаемого им значения, варьировать свою форму /ср. мощь" - только в ед. числе и "мощи" - только во мн. числе; грязь - грязи, мозг - мозги и пр./.

Так же, как и у слова, у ФЕ существует предел варьирования, регулируемый не в последнюю очередь значением. Пределом варьирования формы ФЕ является синонимия. То, что В.Н.Телия приводит

4. См. об этом у А.М.Б а б к и н а: "Функционально-грамматическая близость фразеологической единицы и слова приводит к своеобразной способности некоторых из них свертываться, т.е. формировать дериваты - слова и продуктивные производящие основы" в кн. "Русская фразеология, ее развитие и источники", изд-во "Наука", Л., 1970, стр. 11.
5. В.Н.Т е л и я. О вариантности слов и вариантности идиом в сб. "Вопросы фразеологии", вып. III, Труды Самаркандского гос. ун-та им. А.Навои, Новая серия, вып. 178, Самарканд, 1970, стр.172, 173.

как пример специфического варьирования идиом /см. пары "витать в эмпиреях/ парить в облаках", "протереть глаза /продрать зенки" и др./ - синонимы, хотя они и возникли специфическим для идиом путем - через лексическую вариантность. Признавая эти идиомы вариантами одной той же единицы, мы тем самым отрицаем дуализм этой единицы, игнорируем ее формальную сторону. Одинаковые значения при разных звуковых оболочках - это уже разные языковые единицы, точно так же как разными языковыми единицами следует считать одинаковые звуковые комплексы, имеющие разные значения /омонимы/.

Стремясь слиться в единое целое не только в значении, но и со стороны формы, ФЕ ограничивает свободу слов-компонентов.

В своем выступлении на Самаркандском симпозиуме Ф.А.Литвин утверждал, что компонент ФЕ, обладая лексическим значением, не утрачивает категориального грамматического значения. Многочисленные примеры доказывают обратное. Слово в составе ФЕ способно утрачивать свои прежние семантические связи. Сб этом свидетельствует возможность при лексическом варьировании замены компонента не только синонимом /боже сохрани - боже упаси; во всю глотку - во все горло/ и близким по значению словом /нателный крест - наперсной крест; все равно - все одно/, но даже и словами разных семантических пластов /черное крыльцо - красное крыльцо, в первую очередь - в первую голову, взять силу - взять верх, бить поклон - махнуть поклон, черт /его/ знает - шут /его/ знает; толкнул черт - черт попутал и т.д./.

Не менее характерна для слова-компонента ФЕ частичная или полная утрата формо- и словообразовательных возможностей. Так, имена существительные, входящие в состав ФЕ в качестве грамматического центра, могут ограничиваться в функционировании категорий

6. О возникновении омонимов на основе варьирования значения ФЕ через полисемию см. в докладе Л.И.Ройзенсона и А.М.Эмировой "Фразеологическая и лексическая омонимия", сб. "Вопросы фразеологии", вып.3, Самарканд, 1970.

числа, рода и падежа "основных форм имени существительного".¹

Сравнительно с проявлением категории числа у интегранта грамматические центры субстантивных ФЕ могут терять одну из форм числа: ходячая монета /ср. *монета - монеты/; градская часть - 'налог в пользу государства' /ср. часть - части/; прежние хлеба - 'родина' /ср. хлеб - хлеба/; зимовье квартиры - только ед. число; морозная язва - 'чума' - только ед. число /хотя язва - язвы/; ротные дела в значении 'ротная канцелярия' - только мн. число. Иногда, став компонентом ЛД, существительное приобретает 2-ю числовую форму, которая в свободном употреблении для него невозможна. Таковы существительные отвлеченные, получившие в ФЕ конкретное терминологическое значение /вечная память - 'брачное свидетельство, грамота о совершении брака', кучинья крепость - 'документ о купле и продаже недвижимого имущества в дореволюционной России'/; или существительные, входящие в названия титулов /ваше благородие - ваши благородия, ваше величество - их величества/. Существительное в составе ФЕ способно даже, утратив старую форму числа, приобрести новую /ср. казенные работы, публичные работы/. Форма мн. числа здесь стала "конструктивным элементом" ФЕ.

Попытка изменить число повлекла бы за собой разрушение ФЕ.

Часть субстантивных ФЕ вообще теряет категорию числа. Генетическое число определить нетрудно. Но сами ФЕ не в состоянии вступать в такие лексические и грамматические связи, где бы конкретно могло проявиться числовое значение. Как правило, эти ФЕ застыли в одной из падежных форм. По своим морфолого-синтаксическим данным они соотносительны с наречиями и модальными словами /одним словом, по крайней мере, по вся годы, паче чаяния и др./.

Существительные в составе ФЕ испытывают ограничения и в проявлении категорий падежа и рода.

Таким образом, сливаясь в единое целое в семантическом плане, ФЕ подчиняет этому процессу и свою форму, изменяя грамматические возможности компонентов. Фразеологическая грамматика, о необходимости создания которой говорил на Самаркандском симпозиуме профессор В.Д.Архангельский, занимаясь различными отклонениями в функционировании грамматических категорий у ФЕ и их компонентов, помогла

1. В.Виноградов. "Русский язык". Грамматическое учение о слове, "Учпедгиз", М., 1947, стр.57.

исследователям более объективно увидеть отличие ФЕ от слова и компонента ФЕ от слова.

В.В. АКУЛЕНКО /Харьков/

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМА И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОСТЬ СЛОВА

1. К лингвистическим интернационализмам относятся лексические знаки, сосуществующие в ряде синхронно сопоставляемых языков и сходные до степени отождествления в плане содержания и в плане выражения. Многие исследователи вполне обоснованно включают сюда наряду с лексикой и явления фразеологии. При этом, однако, речь обычно идет только о европейской интернациональной лексике и о фразеологизмах европейских языков, имеющих одинаковые значения и мотивировки /т.е. значения составляющих слов, их морфологические формы и синтаксические отношения/.

2. Фактически интернациональность /согласно исходному определению/ равноязычных фразеологических единиц может быть истолкована шире, как явление, свойственное любым, не только европейским языкам и основанное на сходстве не только мотивировок, но также звучания и/или написания фразеологизмов. Таким образом, различаются три основных типа интернациональных фразеологизмов.

2.1. Наиболее распространены международные фразеологические аналогии со сходной мотивировкой наподобие русск. в о и м я, англ. in the name /of /, нем. in Namen, франц. au nom /de /, исп. en nombre /de /, итал. a nome /di /, русск. б ы т ь в с в о е й с т и х и и, англ. to be in one's element, нем. in seinem Element sein франц. être dans son élément, исп. estar en su elemento, итал. trovarsi nel proprio elemento и т.д.

Этот тип широко представлен во всех основных ареалах интернационализмов: европейско-американском, языках народов СССР, ближне- и средневосточном, индийском, дальневосточном. Наряду с ареальными взглюссами в последнее время появляется значительное количество

межареальных изоглосс, сближающих прежде всего языки Европы и языки народов СССР с возможным подключением и некоторых языков других ареалов /ср. фразеологизмы, соотносительные с русск. буря в стакане воды, крокодилы и слезы и пр., в языках Европы, языках народов СССР и в современном арабском языке/. Вместе с тем, многие изоглоссы имеют узкий характер, отражая частные группировки языков внутри ареала /типа узкой северно-центрально-восточноевропейской изоглоссы: нем. was für , дат. hvad for , норв. hva...for , лит. kas peĩ , латыш. kas par , польск. co za , чеш. co..za , русск. что за , укр. що за , белор. што за/.
Р.З.Б.И.С.Т.В.А.Ы.К.О.В.А.

Сходство мотивировок не означает буквального их совпадения: здесь возможны частичные различия в составе слов или в их значениях, пока такие различия не затрудняют отождествления сопоставляемых фразеологизмов. Так, например, русскому скрестить мечи, англ. to cross swords, франц. croiser les epees соответствует нем. die Klirgen kreuzen /букв. "скрестить клинки"/, русскому водить кого-либо за нос, англ. to lead one by the nose, нем. jemanden an der Nase herumföhren, соответствует франц. mener quelqu'un par le bout du nez /букв. "за кончик носа"/, а русскому буря в стакане воды, нем. ein Sturm im Wasserglas, франц. la tempete dans un verre d'eau - англ. a storm in a tea-cup /букв. "буря в чайной чашке"/.

Сравнительно редкий частный случай в пределах этого типа представляют одинаково мотивированные фразеологизмы со сходным звучанием и/или написанием компонентов наподобие русск. колосс родосский, англ. colossus of Rhodes, нем. Koloss von Rhodos, франц. colosse de Rhodes, польск. kolos rodyjski и пр. Здесь все полнозначные слова в составе фразеологизмов в своей очереди имеют международный характер.

2.2. Иной тип международных фразеологических аналогов, установленный и изученный А.М.Бабкиным, представляют выражения, сохраняющие в различных языках сходное произношение, ориентированное на произношение языка-источника, а иногда и общее написание. Но и отсутствие общности написания в случае различий в письме не являет-

на основании для отрицания интернациональности оборотов типа франц. *comme il faut* /к м и л 'ф о/, англ. *comme il faut* /к м и л 'ф о /, нем. *comme il faut* /к м и л 'ф о /, болг. *comme il faut* , сербхорв. *к о м и л 'ф о* и т.д. Такие выражения имеют свою различную историю в разных языках и приобретают особенности произношения, способность грамматического сочетания с контекстом, а иногда и семантико-стилистическую специфику в каждом языке. За пределами языка-источника и они не мотивированы. В ходе освоения некоторых фразеологизмов этого рода их форма существенно расходится, возникают калькированные аналоги, что ведет к переходу международных фразеологизмов в первый тип: сравн. франц. *une idee fixe* , англ. *a fixed idea* , нем. *eine fixe Idee* , *ein Zwangsgedanke* , русск. *н а в я з ч и в а я и д е я*, *и д е я ф и к с*.

Данный тип интернациональных фразеологических аналогов также не ограничен рамками европейских языков: аналогичные явления возникали и в других ареалах /таковы арабские по происхождению выражения в языках Ближнего и Среднего Востока, объединяемые не только значением и звучанием, но и - в арабском, персидском языках, пушту и урду - написанием/.

2.3. В дальневосточных языках с иероглифическим письмом представлен особый тип международных фразеологических аналогов, несколько напоминающий предыдущий, но отличающийся тем, что внешнее сходство фразеологизмов проявляется лишь в письменной форме. Например, словосочетания со значением "фиктивный, номинальный". кит. /в мин у ши/, япон. /ю мен му зицу/, кор. /хмаснь мусирхан/, буквально означающие "имеющий известность, но отсутствующий", объединены общим иероглифическим написанием во всех трех языках /в корейском - только в Южной Корее, ввиду использования национального алфавита в КНДР/.

3. Интернациональность в словах также может основываться на сходстве не только их звучания и написания, но и, что не является общепризнанным в научной литературе, - их мотивировок. Интернационализмы-слова также возникли независимо друг от друга в различных ареалах; они распадаются на типы, аналогичные предыдущим.

3.1. Наименьшей, но достаточной для отождествления слов степени сходства обладают семантически соотносительные слова различных языков, имеющие только одинаковую словообразовательную или семантическую мотивировку¹ наподобие русск. громкоговоритель, укр. гучномовець, англ. loud - speaker, нем. Lautsprecher, франц. haut - parleur или русск. тронуть, англ. touch, нем. rühren, франц. toucher, итал. toccare и пр. Этот тип интернационализмов-слов распространен во всех ареалах.

Зато интернациональность таких слов достигает высшей степени, если в состав международных словообразовательных аналогов входят интернациональные же основы и морфемы или если семантические аналогии совмещаются с международной фономорфологической оболочкой слов. При этом интернационализмы одновременно принадлежат и второму типу.

3.2. Традиционно относят к интернационализмам /в узком понимании термина/ семантически соотносительные слова разных языков, обладающие сходством звучания и/или написания. Таковы, например, русск. демократия, англ. democracy, нем. Demokratie, франц. démocratie, итал. democrazia и т.д. Однако подобная "интернациональная лексика" свойственна далеко не только языкам европейско-американского ареала, но также и любых других ареалов /сравн., напр., русск. книга и слова ряда языков народов СССР, араб. /китаб/ "книга" и слова многих языков от Африки до Индонезии, хинди /пустак/ "книга" и слова ряда языков Индостана или на Дальнем Востоке ряда типа кит. /дан/, кор. /тань/, вьетнам. dang "партия"/. В настоящее время интернационализмы этого типа - европеизмы - иногда далеко выходят за рамки первоначальных ареалов, объединяя языки Земли.

3.3. Наконец, в дальневосточных языках с иероглифической письменностью имеются многочисленные интернационализмы - слова, полностью или в значительной степени совпадающие только в письменной

1. В отличие от традиционной интернациональной лексики мы предлагаем называть их международными аналогами /см. сб. "Вопросы социальной лингвистики". Изд-во "Наука", Л., 1969, стр. 71-74.

форме, что чаще всего /но не всегда/ означает и совпадение мотивировки. Примером могут служить полностью совпадающие китайские, корейские и японские слова со значениями "физика", и частично совпадающие, но отождествляемые слова со значениями "самолет", "вертолет" и т.п.

4. В реальном синхроническом соотношении языков некоторые интернационализмы и интернационализмы-слова в силу типологических причин могут перекреститься в одной и той же изоглоссе, что не мешает их отождествлению при соприкосновении языков /ср., напр., русск. дамоклов меч, англ. sword Damocles, франц. épée de Damoclès и нем. Damoklesschwert /.

5. Наиболее тесно связаны международные фразеологизмы с теми международными словами, фразеологически связанные значения которых реализуются в их составе. При определенных условиях, описанных Л.С.Ковтун, возникает взаимозаменяемость таких фразеологизмов и слов /как ряда словосочетаний - "коLOSS родосский" и ряда слов - "ко-лосс"/.

6. Параллелизм основных типов интернационализмов-фразеологизмов и интернационализмов-слов несомненен. Он должен быть уточнен путем более строгого разграничения критериев сходства мотивировки, звучания и написания, взятых в отдельности. Нуждается в дальнейшем рассмотрении возможность существования международных фразеологизмов со сходным звучанием и мотивировкой при различном написании, сходным звучанием при различном написании и мотивировке, сходным написанием при различном звучании и мотивировке /существование международных слов этих типов уже доказано/.

Г.В.КОПТЕЛОВА /Харьков/

О МЕЖЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМА И СЛОВА

I. Сопоставительный анализ фразеологизма и слова осуществляется путем координации данных перевода английских глаголов речи в фразем с глаголами речи на русский язык. Исследовались соответствия как на

уровне нормы языка, так и на уровне индивидуальной речи. Материал извлекался из фразеологических, двуязычных и толковых словарей английского и русского языков и переводов произведений современной английской и американской художественной литературы на русский язык. Особенно тщательно проработан "Англо-русский фразеологический словарь", составленный проф. А.В.Куниным, куда включены как фразеологические единицы /ФЕ/, так и устойчивые сочетания слова нефразеологического характера.

2. Проф. А.В.Кунин определяет фразеологизм как "устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением".

Данное определение являлось исходным при сборе фактического материала, в основу классификации которого положено учение о ФЕ в русском языке акад. В.В.Виноградова и дальнейшая разработка его на базе английского языка проф.А.В.Куниным, который вычленяет в составе ФЕ две промежуточные категории: между фразеологическими сочетаниями и фразеологическими единствами и между фразеологическими единствами и фразеологическими сращениями:

3. Основным компонентом рассматриваемых фразем английского языка являются глаголы речи, чаще всего глаголы-доминанты лексической микросистемы глаголов говорения *to say, to tell, to speak, to talk*

Данные глаголы входят в основной словарный фонд английского языка, обладают очень большой сочетаемостью и образуют значительное число ФЕ. По данным словарей глагол *to say* входит в состав 46 ФЕ, *to tell* - 30, *to speak* - 46 и *to talk* 28 ФЕ. /Речь идет о ФЕ, где глаголы речи выступают только в своих прямых основных значениях/.

Глаголы речи английского языка образуют ФЕ всех 5 видов:

I. Фразеологические сочетания: *to tell the truth, to talk in riddles, to speak in images* и др.

II. Промежуточные категории между фразеологическими сочетаниями и фразеологическими единствами: *to talk big, to speak somebody fair, to talk back* и др.

III. Фразеологические единства: *I can tell you so to speak, I dare say* и др.

Здесь же относятся многочисленные пословицы и поговорки с глаго-

лами речи: *easier said than done*, *no sooner said than done*, *the pot calls the kettle black* и др.

IV. Промежуточные категории между фразеологическими единствами и фразеологическими сращениями: *to talk through one's hat*, *to shout the odds*, *to cry blue murder* и др.

V. Фразеологические сращения: *to cry wolf*, *to talk nineteen to the dozen*, *to tell tales out of school*.

4. При сравнении английских фразем с их русскими переводами можно выделить следующие типы отношений: I. Эквивалентный, II. Адекватный, III. Безэквивалентный, или нулевой.

Переводным эквивалентом английской фраземы может выступать в русском языке как фразеологизм, так и слово.

Одним из факторов, обуславливающих трансформацию языковой единицы при переводе, является тенденция английского языка к анализу. Эта тенденция проявляется в том, что английской ФЕ с глаголом речи соответствует в русском языке не ФЕ, а слово-глагол речи. Особенно часто соответствия данного типа наблюдаются при переводе фразеологических сочетаний.

<i>to say farewell</i>	прощаться,
<i>to say good-bye</i>	
<i>to say thank you</i>	благодарить,
<i>to say yes</i>	соглашаться,
<i>to say no</i>	отказываться, отрицать,
<i>to say the word</i>	приказывать,
<i>to tell fortunes</i>	гадать, предсказывать,
<i>to tell tales</i>	кляузничать
<i>to say good morning</i>	, evening / здороваться

/В последнем примере в состав фразеологического сочетания входят необразные фразеологические единства, являющиеся фразовыми штампами: *good morning*, *good afternoon*, *good evening*/

Замена английской ФЕ русским глаголом речи наблюдается при переводе всех 5 видов ФЕ.

<i>to talk back</i>	возражать, дерзать,
<i>to talk big</i>	хвастать, бахвалиться,

гусарить.

/Промежуточная категория между фразеологическими сочетаниями и фразеологическими единствами/.

to talk to somebody like a Dutch uncle - утешать, журить,
I dare say возможно, наверное,
I say однако, послушай.

/Последние два примера являются необразными фразеологическими единствами, они выступают в предложении в роли вводных оборотов и переводятся на русский язык соответствующими вводными словами/.

to talk nineteen to the dozen - трещать

/Фразеологические сращения/.

5. Другим фактором, способствующим трансформации языковой единицы при переводе, является большая широта, недифференцированность значения английского глагола говорения по сравнению с русским. Английские глаголы-доминанты ЛСГ говорения to say, to tell, to talk, to speak значительно более употребительны и распространены в речи, чем соответствующие русские глаголы сказать, говорить. При этом указанные английские глаголы являются эквивалентами не только различных русских глаголов говорения с разнообразными пучками дифференциальных признаков и более сложной семантической структурой, но и ФЕ всех типов, чаще всего фразеологических сочетаний. Русская ФЕ со значением говорения конкретизирует, уточняет и детализирует глагольное действие, выраженное широким по своей семантике английским глаголом. Например, речевыми, контекстуальными эквивалентами глагола to tell, помимо значений, приводимых в словарях, являются: держать в курсе событий, по-ставить в известность, подавать весть и др.; to speak обрести дар речи, завести разговор и др.; to talk - завести речь; разговор не клеился / they did not talk /.

6. Английские глаголы говорения более нейтральны не только в идеографическом, но и в стилистическом плане. Поэтому русские эмоционально-насыщенные ФЕ со значением говорения являются переводными эквивалентами там, где в английском языке употребляется гла-

рої to say в стилістически нейтральному контексте.

1. Try to make a cabinet-maker chop wood, what'll he say to you?
2. Don't say such things!
3. Be carefull what you say!
4. What made hef say that!

Попробуйте дать краснодеревщику бревно тесать, куда он вас пошлет?

Типун тебе на язык!

Говори, да не заговаривайся!
Дернуло же ее за язык!

Таким образом, тенденция английского языка к аналитизму и большая широта значения английских глаголов говорения по сравнению с русскими являются причинами трансформации ФЕ и слова при рассмотрении их в межязыковом плане.

Л.Я. КОСТЮЧУК /Псков/

СЛОВО КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА И КАК КОМПОНЕНТ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

/на примере так называемых тавтологических
устойчивых словосочетаний литературного
языка и псковских говоров/

В проблеме фразеологизма и слова прежде всего останавливает вопрос, как происходит, что определенное сочетание слов становится цельным обозначением соответствующего понятия, насколько отдельные компоненты теряют самостоятельность своих исходных значений и действительно ли, как считают некоторые исследователи, не имеют ничего общего со словами как отдельными лексическими единицами.

Остановимся на особых устойчивых словосочетаниях, с одной стороны, типа грудь на грудь, с глазу на глаз, а с другой-типа ни свет ни заря, середка на половинке. В связи с этим прослеживаем отношения между компонентами каждого устойчивого словосочетания, взятых изолированно, т.е. как обычных лексических единиц, и, самое главное, внутри данного типа устойчивых словосочетаний.

Подобные словосочетания являются так называемыми тавтологичными. Но их тавтологичность особого свойства. С одной стороны, она основывается на повторении одинаковых форм одного и того же слова /н у и н у/, на повторении разных форм одного слова /б а ш н а б а ш, ч ё с т ь ч ё с т ь ю/, на повторении однокоренных слов /н и т ь н и т и т ь, ш у т к а ш у т и т ь/. А с другой стороны, это тавтология по смыслу, т.е. синонимия, которая характерна и для литературных устойчивых словосочетаний, и для диалектных псковских /ср.: и з о г н я д а в п о л ь м я, с е р е д к а н а п о л о в и н к е/.

Наименее распространена тавтология за счет повторения того же самого слова. Обычно это ярко экспрессивные выражения, близкие по своим функциям в речи к междометиям и частицам /т о - т о и о н о, т о - т о и е с т ь, в о т т а к т а к, н у и н у/. Потому-то и возможно устойчивое словосочетание из повторенного междометия-частицы /н у и н у/. Компоненты большинства словосочетаний - исходно знаменательные части речи, но они полностью теряют свое значение, становясь средством выражения определенного чувства. Иногда наблюдается обратное явление: исходно междометно-звукоподражательное слово при повторении, в соответствии с определенной функцией в предложении, дает устойчивое словосочетание известного значения: н и б у м - б у м - совсем, совершенно ничего /не знать, не понимать, не соображать и т.п./.¹ Иногда может наблюдаться "включение" в значение этого словосочетания значения и глагола, от которого обычно словосочетание зависит. Это бывает при предикативной функции выражения б у м - б у м /ср.: О н в э т о м д е л е н и б у м - б у м/.

При выяснении соотношения слова как самостоятельной лексической единицы и как компонента устойчивых словосочетаний особенно интересны тавтологические устойчивые словосочетания, организуемые повторением разных форм одного и того же слова. Таких словосочетаний много в литературном языке, встречаются они и в псковских говорах.

1. Фразеологический словарь русского языка. М., 1967, стр.51.

Лексические компоненты в подобных устойчивых словосочетаниях являются одним и тем же словом, соотносимым с определенным понятием: например, с понятием 'рука' /из рук в руки/, 'глаз' /с глазу на глаз/, 'слово' /от слова до слова/ и т.д. Но в пределах устойчивых словосочетаний, особенно таких, в которых проявляется антонимия благодаря предлогам /от - до: от доски до доски; от - к: от слова к слову; из - в: из уст в уста; с - на: с рук на руки и под./, компоненты, представляя разные формы одного и того же слова, по существу являются обозначениями разных, в известной мере противопоставляемых предметов в широком смысле слова. Это ярко иллюстрирует устойчивое словосочетание /от доски до доски/. Ср. псковское с солнца до солнца /Остр. Родовое/ в значении 'от восхода солнца до захода солнца', т.е. 'от восходящего до заходящего солнца'; с видного до видного /Кар. Тел. ово/ в значении 'всю ночь', т.е. 'от вечерней зари до утренней зари'.

Следовательно, компоненты, лексически выраженные одним словом /но в разных формах/, обозначают разные предметы, находящиеся в отношении 'один' - 'другой', т.е. 'не один'.

Реже синонимичные устойчивые словосочетания включают компоненты, являющиеся и в свободном употреблении синонимами /ср. в кривь и в кось, масть и в слобонику/. Чаще в устойчивых синонимичных словосочетаниях соединены близкие по значению компоненты /ср. ни шатко ни валко, ни роду ни племена в литературном языке, ни свет ни заря в псковских говорах/. В устойчивых словосочетаниях эти компоненты сближаются по значению, становятся контекстуальными синонимами, усиливая значение всего выражения. Проследить подобное интересно на примере псковского устойчивого словосочетания ни свет ни заря - 'очень рано': Сегодня мужик мой сколесился ни свет ни заря и меня разбудил. Порх. Павы; также на примере псковского выражения, известного и в ли-

тературном языке, середка на половинку /Беханицы/ в значении 'средне, ни плохо, ни хорошо'.

В устойчивом словосочетании ни роду ни племени компоненты исходно различаются по объему своих значений, но в данном словосочетании, становясь особыми контекстуальными синонимами, воспринимаются как одинаковые, однородные. Они тавтологизируют словосочетание, подчеркивая, усиливая определенное значение.

Усиление значения всего словосочетания при тавтологии особенно проявляется в таких словосочетаниях, в которых один из компонентов в рифму повторяет другой /ср. псковские дукать и лдукать - 'презирать', ни с трахтунисбархту - 'неизвестно почему, неожиданно'./.

В отличие от тавтологии случайной, т.е. встречающейся между свободно употребляющимися словами, тавтология компонентов устойчивых словосочетаний закрепляется, усиливая исходные значения компонентов, и перестает восприниматься как обычная тавтология, как избыточность в языке. Устойчивое тавтологическое словосочетание обозначает какой-то признак, какое-то понятие в усиленной степени.

Характерно, что тавтологичные устойчивые словосочетания организованы по определенным моделям, которые прослеживаются нами тоже. Эти модели имеют постоянный член - обычно предлог или союз. Модель объединяет ряд устойчивых словосочетаний самым общим значением.

Устойчивые словосочетания с компонентами, семантически тавтологичными, содержат постоянные компоненты ни-ни, и-и, и.

Отношения компонентов в так называемых тавтологических устойчивых словосочетаниях часто напоминают отношения компонентов в так называемых антонимичных устойчивых словосочетаниях /ср.: ни дна ни покрышки - ни роду ни племени, от альфы до омега - от зарю до зарю/.

Особый характер компонентов устойчивых словосочетаний, в от-

личие от отдельных слов, прослеживается и на примере устойчивых словосочетаний типа **н и т о л и с е, н и т а к н я с л я к**. В подобных выражениях компоненты исходно противопоставлялись друг другу по степени удаленности предмета, а в современном языке, с потерей активности слова **с е й**, слова **т о, с е**, особенно в составе устойчивых словосочетаний, воспринимаются до известной степени одинаковыми по значению.

Соединение синонимов, появление контекстуальной синонимии, тавтология разных видов, способствуя созданию устойчивых словосочетаний, находится, по всей вероятности, в связи с тенденцией в языке к повторам, а это вызывает появление особого значения у всего выражения, на что указывали еще Ф.И.Буслаев и А.А.Потебня.²

Как видно из наблюдений за устойчивыми словосочетаниями в литературном языке и в псковских говорах, так называемые тавтологические словосочетания, в частности организованные на основе семантической тавтологии, т.е. синонимии, позволяют в известной мере проследить "поведение" определенных звуковых комплексов в качестве отдельных лексических единиц и в качестве компонентов устойчивых словосочетаний.

И.В.ДУБИНСКИЙ /Баку/

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ КОМПОНЕНТ ФЕ СЛОВОМ?

Фразеологический словарь русского языка открывается статьей его редактора А.И.Молоткова, в которой указывается, что "компоненты фразеологизма утрачивают все признаки слова /кроме его звукового облика/", что фразеологизм "не состоит из лексических единиц - слов" /стр.9/. Это категорическое утверждение да-

² Ф.И.Б у с л а е в. О преподавании отечественного языка: Учпедгиз, Л., 1941, стр.175-177; А.А.П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, т.Ш, М., 1963, стр.433.

леко не бесспорно и признается отнюдь не всеми исследователями.

И сейчас обычно определение фразеологического сочетания начинают с того, что это сочетание слов, характеризующееся рядом специфических признаков. Носитель языка воспринимает выражение, речевой оборот как привычно повторяемое слово. "Е в толковых словарях русского языка, - объясняет А.В.Калинин фразеологию в "Книге о русском языке", - после тщательного анализа всех значений слова /звезда/... приводятся основные выражения, содержащие слово звезда: родиться под счастливой звездой, верить в /чью-либо/ звезду, звезд с неба не хватает, звезды считать, путеводная звезда и др." В одном из приведенных выражений необходимость свободного определения "звезды" - "верить в свою звезду", "в счастливую звезду" - подчеркивает самостоятельность значения этого слова: судьба, счастье, удача. Известно, что во многих фразеологизмах требуется подобное лексическое наполнение: принимать оборот /неожиданный, благоприятный, непредвиденный и т.д./; такое определение может быть в принципе необязательным: "набор слов", однако чаще всего "набор" уточняется: набор модных, пустых, громких и т.п. слов. Иногда непросто ответить, насколько нормативно употребление без определения.

В статье В.В.Виноградова "О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка", напечатанной посмертно, упоминаются четырех-, трех- и двухсловные фразеологические единицы. В том же сборнике А.Н.Кожин в статье "Составные наименования в русском языке" говорит о словах в составе фразеологизма, сговаривая, что они "теряют номинативное качество" и превращаются в семантически опустошенные элементы лексико-фразеологической единицы, в пределах которой они обретают фразовый смысл. Точнее и осторожнее о новом смысле, новом качестве слов внутри фразеологизма писали Ю.Ю.Авалиани и Л.И.Ройзензон: "Не забывая того, что фразеологические единицы опираются на слова и их потенциальные структурно-семантические возможности, следует

1. Сб. "Умозр. о современном русском языке", М., 1969, стр.10.

вместе с тем иметь в виду, что слова в составе фразеологизма порывают со своей сферой семантических и синтаксических взаимодействий и приобретают там новое качество".²

Итак, фразеологизмы состоят из слов, семантически опустошенных, потерявших свое прямое значение, получивших в составе целого новое качество. Это явление характерно не только для фразеологии, но и для метафорического употребления слов и словосочетаний. Если сравнить устойчивую метафору, достаточно стертую, и индивидуальную, авторскую, то мы найдем между ними много общего. Ср.: подлить масла в огонь, подбросить дров в костер. Если в какой-то степени в фразеологизме "масло" не масло и "огонь" не огонь, то в свободной метафоре "дрова" также не дрова и "костер" не костер. Но и там, и здесь семантика словосочетания прозрачна и как бы подчиняет индивидуальность слов, создающих общее значение. Поэтому так легко повторять, пишет А.В.Калинин в упомянутой статье, "почему набрать в рот воды" значит "помалкивать", бросать тень - "компрометировать" и т.д.

Есть различные речевые приемы употребления ФЕ, свидетельствующие о понимании компонента как самостоятельного слова. Остановимся на одном таком приеме - на уточнении компонента. В некоторых ФЕ оно обязательно, в некоторых часто, во многих возможно. Распространение компонента-слова строится на осознании отдельного слова: бросать зловещую тень. В упомянутом предисловии к ФС Молотков пишет: "В границы фразеологизма могут попадать слова, которые не являются компонентами фразеологизма, но которые синтаксически связаны с ними: они распространяют компоненты фразеологизма. Так, например, в предложении "-Он мне сегодня слово дал хорошо заниматься. Возьмите-ка и вы его на свой комсомольский прицел" /Б.Измский, Признание/. Фразеологизм взять на прицел ограничен тремя компонентами, а слова свой комсомольский, которые распространяют компонент прицел, не являются сами компонентами фразеологизма, но входят в его границы. То же самое можно сказать о словах чужом трудовом в границах фразеологизма сидеть на горбу: "Пастуху-киргизу или землепашцу-крестьянину должен быть

2. Сб. "Лексическая синонимия", "Наука", М., 1967, стр.173.

одинаково ненавистен и киргизский бабай, и русский кулак. И тот, и другой сидят на чужом трудовом горбу" /Дурманов, Мятаж/.

Противоположный взгляд высказал В.П.Луков: "Если тот или иной компонент распространяется другими знаменательными словами, то он сразу воспринимается как самостоятельное слово со свойственным ему значением. Такое "внедрение" слова разрушает фразеологизм как со стороны формы, так и со стороны содержания. Фразеологизм перестает быть самим собой".³ Однако в ФС, одним из составителей которого является автор приведенных слов, встречаются примеры употребления ФЕ, в которых компонент-сущестительное дается вопреки заголовку только в сочетании с "внедренным" определением. Так, п р и н о с и т ь ж е р т в у иллюстрируется тремя цитатами и во всех "жертва" определяется, напр.: "Вы приносите благодарную жертву дружбе..." /С.Аксаков/. По Лукову, ни по форме, ни по содержанию это не фразеологизм, постороннее слово должно было его разрушить. По Молоткову, это слово вошло в границы ФЕ.

Хотя в этих высказываниях выводы исключают друг друга, однако рациональное зерно заключено в обоих. Луков прав в том, что компонент, распространенный другими словами, воспринимается как самостоятельное слово. Он и есть самостоятельное слово, поэтому вступает в синтаксические связи. Но это не разрушает ФЕ, и Молотов, безусловно, прав, хотя непонятно, что подразумевает он под "границами фразеологизма".

Если понимать это чисто графически - от первого до последнего слова ФЕ, то внутри лексического состава легко оказываются посторонние слова, и возникает дистантное расположение членов ФЕ без какого-либо изменения синтаксических связей. "Бьет этот молодой человек баклуши". А стоит ли определение в препозиции или в постпозиции, внутри ФЕ или за ее пределами, например, присоединяясь к компоненту, на природе ФЕ не сказывается. "Ехать прямо на Москву, значит семь верст киселя есть /да еще какого? Московского!/" /Пушкин - Н.Гончаровой, II/X 1830/.

Конечно, случай такой редок, и обычно у Пушкина свободное

определение вводится внутрь ФБ. "Закидал издали Толстого журналь-
ной грязью" /И.Вяземскому, I/IX 1822/. "Меня бы в Петербург не
пустили и московским калачем" /Н.Н.Пушкиной, II.VI.34/. "Не
делай ее /трагедию/ на съедение псам журнальным" /Плетневу, ко-
неч октября 1830/. "Я решительно не хочу выносить сору из Михай-
ловской избы" и т.д. Широко бытует уточнение последнего компонен-
та несогласованным определением, т.е. графически вне ФБ, хотя
по существу это то же самое, что и согласованное определение внут-
ри: ставить палки в колеса совещания, подливать масла в огонь
споров и т.п.

Распространение компонента может опираться на его прямое, пе-
реносное и фразеологическое значение. Стилистический эффект в этих
случаях неординагов, но самый факт уточнения свидетельствует об от-
дельности и известной самостоятельности слова-компонента.

Значение это иногда более отчетливо, иногда - менее, а то и
совсем смутно, так что определить его далеко не легко. Конечно,
в ФБ капля в море, из мухи делать
слона компоненты капля, муха понимаются как что-
то малое, незначительное, а море, слон как что-то большое, значи-
тельное. Так, напр., широкое употребление фразеологической еди-
ницы "делать из мухи слона" создает потенциальную возможность
употребления слов слон и муха уже не только для обозначения соот-
ветствующих животных, но и для выражения отвлеченных понятий -
"важного", "существенного" в противопоставлении "мелкому", "не-
значительному".⁴ Но "слон из мухи" никогда не может выражать ни ва-
жного, ни существенного. Это - не большое, не важное, а преувели-
ченное, мнимое, чаще всего - пугало. "Из мухи делают политичес-
кого слона, издеваясь над здравым смыслом" /"Правда", 5/IX 1962/.
Семантические оттенки в слове-компоненте море совершенно
другие. Но в обоих ФБ значения слов ощущаются, что дает возмож-
ность вычленив их вслед за приведенным выражением, заменять воз-
можными контекстуальными синонимами и сочетать с разного рода опре-

4. О.С.Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии,
М., 1957. стр. 170.

делениями.

Последние не одинаково изменяют форму и значение фразеологизма. Так, напр., В.П.Буков, решительно отвергая возможности распространения компонента, делает исключение для местоимений. "Случаи распространения отдельных компонентов местоименными словами не опровергают этого положения, так как местоимения обладают особой обобщенно-указательной семантикой и "безразличны" к вещественному значению фразеологизма". Но если местоимение мало проясняет значение компонента, то оно, бесспорно, подчеркивает его "словность". Трудно понять, почему "ворона каркнула во все воронье горло" и "ворона каркнула во все свое горло", в первом случае ФЕ, а во втором нет.

Считается, что прилагательные со значением конкретного признака или качества не являются распространителями, в этой роли, как правило, выступают только экспрессивно-оценочные прилагательные. Однако последние, будучи включены в ФЕ, теряют свою экспрессию. Они сохраняют ее, только будучи вынесены за границы фразеологизма. Такие усложнения почти не связаны с ситуацией, но тоже подчеркивают отдельность слова-компонента. Прилагательные конкретные, тесно связывающие фразеологизм с контекстом, в силу необычной сочетаемости становятся очень выразительными и подчеркивают значение компонента-существительного.

Ф.А.ЛИТВИН /Орел/

ОТНОШЕНИЕ СЛОВА И КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЗМА
К СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Достаточно распространенным является положение о том, что фразеологизмы /при более широком понимании корпуса фразеологии - определяющая часть/ являются немоделируемыми образованиями, в отличие от переменных /"свободных"/ словосочетаний /см., напр., А.В.Кунин, Англо-русский фразеологический словарь, 3-е изд., стр.

1237-1238; В.Н.Телия, Что такое фразеология, М., 1966, стр.60; Н.А.Янко-Триницкая, Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка, Известия АН СССР, серия лит-ры и языка, 1969, вып.5, стр. 431 и др./. Это утверждение основано на двух характеристиках фразеологизмов /или соответствующей их части/: 1/невозможность замены компонентов этих сочетаний другими лексемами; 2/невозможность определенных преобразований /трансформаций/ при данном лексическом составе сочетания на фоне возможности таких преобразований в структурно аналогичных переменных сочетаниях. Так, напр., представляются необычными, отклоняющимися от нормы трансформы "голова сломана", "голова, которую он сломал", англ. the bucket was kicked; the bucket he kicked - если речь - если речь не идет о словосочетаниях, омонимичных исходным фразеологизмам.

Утверждения о немоделированности фразеологизмов не всегда подаются в категорическом виде. Так, обычно говорят о фразеологической вариантности /ср. "Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц", Тула, 1968/; Н.П.Амосова предлагает говорить не об утрате синтаксических связей компонентов фразеологизмов, а "о некотором их ослаблении" /"Основы английской фразеологии", ЛГУ, 1963, стр. 158-166/, снимая тем самым категоричность утверждения о немоделированности фразеологизмов /ср. в этой связи упрек в ее адрес в АРФС, стр.1237/; так же "не согласны с категорическим отрицанием смысловых связей между компонентами идиоматического комплекса" М.М.Копыленко и З.Д.Попова /доклад к настоящему симпозиуму, стр.90/; В.П.Жуков признает, что "фразеологизмы строятся по модели переменных сочетаний" /доклад к настоящему симпозиуму, стр. 56; правда, на стр.57 утверждается, что компоненты фразеологизмов "полностью или частично" теряют не только лексическое значение, но и грамматические категории/; не абсолютно категоричен и Л.И.Ройзензон /на которого ссылается А.В.Куний в АРФС/: говоря об индивидуальных фразеологических образованиях, которые "не служат лексико-семантическим образцом для создания аналогичных фразеологических образований", он делает оговорку: "как правило", что, естественно, означает возможность использования этих образований именно как лексико-семантического образца /модели/. Выделяют также срав-

нительно небольшую группу фразеологизмов, в связи с которыми вводится понятие "фразеобразовательной модели"/АРЧС, стр.1263; впрочем, А.В.Куния считает, что тем самым "данный оборот выводится из состава фразеологии"; ср. также Л.В.Свиридова, "Шекспиризмы в современном английском языке", Учен. зап. КнУ им.М.Тореза, т.51, 1969/.

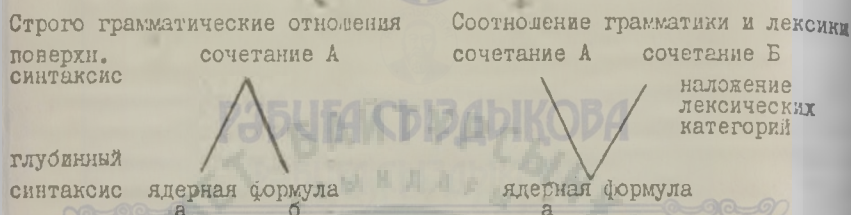
Нам представляется, что утверждение о немоделированности фразеологизмов требует дальнейшего обсуждения, не в последнюю очередь и потому, что оно противоречит лингвистическим фактам, т.е. на основе этого положения такие факты не получают объяснения, и их приходится фиксировать как "особые случаи", "аномалии", "исключения" и т.п. Речь идет о том, что обычно называют деформацией идиом, и о связанных с ней каламбурах, игре слов и т.п. подобных явлениях. Они, эти явления, нередко объявляются нетипичными, редкими, а потому не существенными для подкрепления или опровержения научного построения. Мнение это кажется нам глубоко ошибочным: всякое речевое явление /в том числе и те, которые называют "потенциальными", имея в виду их низкую частотность и невключение в норму/ есть манифестация определенных свойств единиц языковой системы, и эти единицы характеризуются всем набором имеющихся у них свойств, как бы мало частотным ни было их проявление. Исключение тех или иных характеристик языковой единицы из рассмотрения вполне оправдано как рабочий прием, но возведение его в абсолют приводит к неадекватности всего теоретического построения. Если мы с достаточной регулярностью наблюдаем явления деформации идиом и, более того, со знаем возможность гораздо большего количества "потенциальных деформаций", т.е. нами не зафиксированных, но не противоречащих нашему языковому опыту/ и, возможно, реально имевших место, но не зарегистрированных авторами или исследователями/, то исключение этих явлений из рассмотрения противоречит требованию полноты лингвистического описания. Можно ли отвергнуть как неприемлемые /бессмысленные, "неотмеченные"/ такие, например, сочетания /созданные нами, но, возможно, имевшие место в речи и ранее/ как "черта с тра", "ни за попытку марихуаны", "тараторит сломя язык", "Не имеет ли заплата, которые он так долго бил, прямого отношения к семей-

ной обстановке?" и т.д. и т.д. количество подобных? Если же мы примем их как факты речи, то следует искать в механизме языка объяснения возможности этих фактов, той потенции, которая в них актуализируется.

Восприятие компонентов фразеологизма как структурно оформленных единиц потока речи основано на их языковой форме: тезис об утере компонентами грамматических категорий не может относиться к общим категориям, определяющим класс, к которому относится компонент, независимо от нашего понимания их лексической самостоятельности /разве в той же "куздре" не представлены грамматические категории русского существительного?/, - компоненты не теряют этих основных структурных различий, не становятся все "на одно лицо" /что, в частности, дает возможность структурной классификации фразеологизмов/.

Специфика соотношения значения фразеологизма и значения структурного образца, по которому он построен, заключается в характере ограничения подклассов слов, замещающих "места" в образце. Значение модели на синтаксическом уровне есть самое общее, оно основано на общекатегориальных характеристиках элементов модели и их соотношении в данном языке. Превращение формулы в модель, а затем в конкретное словосочетание /терминология из работы М.Р.Кауль, Система свободных субстантивных словосочетаний в современном английском языке. Канд. дисс., М., 1970/ есть процесс ограничения этих общих значений наложением на них значений лексических - от общих, связанных с категориями типа одушевленность /неодушевленность до самых дробных - напр., существительные со значением наименования разновидностей живописной техники /из доклада М.М.Копыленко и З.Д.Поповой к настоящему симпозиуму/. Этот процесс есть проявление взаимодействия лексических и грамматических категорий при функционировании системы языка. В его ходе могут появляться сочетания, построенные по одной структурной формуле, но не совпадающие по своей общей семантике, поскольку совпадение поверхностных структур является показателем общности самых глубинных категорий, по мере "восхождения" от которых возможность расхождения общей семантики сочетания возрастает в результате наложения

на эти глубинные, самые общие грамматические категории других категорий иного порядка /уровня/. Иного характера результат взаимодействия чисто грамматических категорий, в результате которого совпадение поверхностных структур может скрывать за собой глубинные расхождения /иной трансформационный потенциал, т.е. иную деривацию/:

Специфика фразеологизмов заключается в этом аспекте в том, что лексические ограничения задаются здесь не общим признаком, а списком /менее существенно, единично ли задаваемое списочное ограничение или более широкое/.

Сохранение компонентами фразеологизма своих обдекатегориальных грамматических значений можно интерпретировать как сохранение ими своих словесных качеств, что и делает возможным их использование в трансформациях той модели, по которой построен фразеологизм. Тем самым деформация идиом является результатом использования тех свойств компонентов фразеологизма, которые характеризуют их как слова - отдельные единицы языка.

Признание положения о "моделированном" характере фразеологизма влечет за собой и признание лексической вычленяемости его компонентов. Эта вычленяемость имеет двойственную природу, которая соответственно и проявляется двояко при деформации идиом.

С одной стороны, эта вычленяемость является результатом распределения общего значения фразеологизма на составляющие его лексические элементы, в соответствии с их грамматическими значениями /условный внутриязыковой перевод/. Условность такого вычленения вполне очевидна /и самостоятельность компонентов здесь следует понимать, разумеется, как относительную, а не абсолютную, как место в определенной схеме денотации, в которой каждый компонент занимает

свое место, необходимое, чтобы схема целиком "работала"/, но условность этого вычленения можно понимать и как несвязанность отношением мотивации с кодовым означаемым того же означаемого, взятого отдельно, а не как элемент схемы. Деформация, основанная на этом аспекте вычленимости компонентов фразеологизма, заключается в использовании их с этим новым /"схемным"/ значением либо в трансформациях исходной модели, либо в той же модели, но расширенной за счет новых /факультативных/ элементов, значение которых не зависит от общего значения фразеологизма /которые не входят во фразовую схему денотации/. Компоненты фразеологизма выступают, таким образом, как отдельные языковые единицы, имеющие как грамматическое, так и лексическое значение, т.е. как слова. Можно говорить о специфике их значения, но нет оснований подвергать сомнению их словесный характер; ср.: "фразеологически связанное значение слова" у В.В.Виноградова, а также термин "потенциальные слова" для обозначения компонентов фразеологизма, введенный О.С.Ахмановой /уместно заметить в этой связи, что "потенциальные слова" - это слова с некоторыми специфическими свойствами, а не особые образования, противопоставленные словам/. Ср.: "Однако из этого маскировочного "мелка" торчит шило, с головой выдающее милитаристскую сущность реформы". /"Правда", 10.4.70/.

Другой тип вычленимости компонентов фразеологизма связан с возможностью их использования одновременно в разных значениях - как самостоятельно денотирующих единиц и как элементов фразовой схемы денотации, т.е. с возможностью совмещения двух значений разного типа /номинативного и фразеологически связанного/. Лексическая вычленимость и словесный характер единиц высказывания в этих случаях не вызывают сомнений. Очевидно также, что эти единицы не перестают быть компонентами фразеологизма, - их совместное появление в тексте реализует то, что мы называем общим значением фразеологизма. Ср.: "С тех пор много воды утекло и в Сене, и в Москве-реке" /"Правда", 4.II.69/.

Сказанное выше, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствует о том, что о немоделируемости фразеологизмов можно говорить только в тех редких случаях, когда из языка исчезла модель,

по которой они построены /"ничтоже сумняшеся"/, а в основном корпусе фразеологизмов их компоненты сохраняют свои словесные качества и являются элементами построенных по живым и действующим в языке моделям словосочетаний.

Р.Л.ЛЕНДО, Н.М.МАЛКОВА /Воронеж/

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КОМПОНЕНТ ФФЕ - СЛОВО

Анализ соотношения между компонентом ФФЕ и словом, проведенный на материале французского языка, выявляет сложную и противоречивую природу составных элементов ФФЕ; последним объясняется, по всей вероятности, существование самых различных взглядов на интересующую нас проблему. Нам представляется, что ни одна из существующих точек зрения не отражает в полной мере тех специфических характеристик компонентов фразеологизма, которые составляют сущность их природы, а именно: органического, неразложимого сплава свойств как слова, так и неслова. Эта основная характеристика компонентов фразеологических единиц позволяет, на наш взгляд, расценивать их как особое языковое явление.

С целью выяснения специфики природы компонентов ФФЕ мы попытаемся изучить их особенности в плане выражения и в плане содержания.

1. В плане выражения манифестации компонентов французского фразеологизма в значительной степени противоречивы: с одной стороны, наблюдается ослабление их лексических и грамматических свойств, что свидетельствует об утрате ими словных качеств. С другой стороны, можно отметить в достаточной степени регулярно проявления автономности компонентов, живости их лексических и грамматических категорий. Иллюстрацию этого положения мы начинаем с рассмотренных случаев р е д у к ц и и с л о в н ы х к а ч е с т в у составных частей ФФЕ:

1/ Категория определенности, живая для действительного в современном французском языке, оказывается мертвой в составе целого ряда глагольных ФФЕ: форма детерминатива перед именным компонен-

там всегда остается неизменной. Например: prendre la barbe /по-
взрослеть; покрыться плесенью/ и prendre une barbe /нализаться/

2/ Показателем ослабления словного характера компонентов ФЭ мож-
но считать редукцию их парадигмы:

а/ Так редуцируется категория чис-
ла у именных компонентов ряда глагольных фразеологичес-
ких единиц: avoir froid aux yeux /струсить, наугуаться/,
но не à l'œil .

б/ Неполнота глагольной парадигмы сказывается в отсут-
ствии формы страдательного за-
лога у целого ряда ФЭ, глагольный компонент которых
соотносится с переходным глаголом: vendre la mèche , tenir
les fils , laver la tête и др.

Отмеченные случаи ослабления грамматических свойств составных
элементов фразеологизма говорят об их отличии от слова - члена
применного словосочетания.

Однако в речевых употреблениях "оливают" омертвевшие в боль-
шинстве фразеологических единиц грамматические категории:

1. Формы детерминатива становятся изменяемыми
в соответствии с живыми нормами современного французского язы-
ка. Наряду с avoir du fil à retordre /попасть в переплет/ мы
встречаем "... c'est avec les royalistes que je vais avoir
le plus de fils à retordre " /anouilh/.

2. Категория числа выражена, как правило, у имен-
ных компонентов сравнительных фразеологических оборотов и в
отдельных случаях у компонентов других типов ФЭ: être comme
un coq en pâte /кататься как сыр в масле/ в речи выступает
в форме "Vous êtes comme des coqs en pâte" /Balzac/; при ис-
ходной форме casser l'encensoir sur le nez /лстить грубо,
неумело/ мы встречаем в тексте "... je te casserais tant d'en-
censoirs sur le nez ... " /Sabotiau/.

3. Категория рода у составных частей фразеологиз-
мов также может получить свое грамматическое выражение:

"Lorchen... tapait comme une sourde" "... Holland/. Homme -
trois /Boussinot/ - femme-trois /A de Baéque/ - /инвалид
без рук и без ног/.

4. Грамматические глагольные категории проявляются с закономерностью, присущей глаголу в переменных словосочетаниях¹. В ходе исследования мы встречали глагольный компонент ФЕ во всех временах изъявительного, сослагательного, условного наклонений, а также в неличных и фактивных формах.

5. Категория степени и интенсивности признака также находит свое выражение в форме компонентов ФЕ:

"*se la couler douce*" - "*se la couler si douce*" /*Doussin* /.

Возможность "оживления" омертвевших грамматических категорий в речевом употреблении, несомненно, сближает компоненты ФЕ со словом.

Общность элементов фразеологизма со словом проявляется и в выделительности морфем в составе компонентов. Образование путем аффиксации новых ФЕ на базе уже существующих - явление довольно распространенное в современном французском языке: "*découverte du pot aux roses*" от "*découvrir le pot aux roses*" /открыть секрет/; "*reprendre pied*" /вновь почувствовать себя уверенно/ от "*prendre pied*" и т.д. Приведенные примеры показывают, что аффиксы конститuentов ФЕ обладают прямой выделительностью, согласно теории проф. А.И.Смирницкого об отдельности слова.² Выделимость же корневой морфемы отрицательна, т.е. обусловлена тем, что связанная с ней единица представляет собой морфему /аффикс/. Таким образом, компоненты ФЕ, как и отдельные слова, морфологически членимы. Словный характер составных элементов ФЕ можно наблюдать также в случаях распространения компонента и его замены местоимением:

"*Depuis la démodable veste que ton grand-père a ramassée aux dernières élections...*" (Bazin).

"*Sa dernière carte au jeu! Elle l'a jouée*" (Rolland).

Итак, анализ соотношения ФЕ - слово в плане выражения показал, что конститuentы ФЕ подвергаются лексико-грамматической редукции.

1. Об исключениях см. выше, стр. 161.

2. А.И.Смирницкий. К вопросу о слове /проблема "отдельности слова"/ - В кн.: "Вопросы теории и истории языка", М., 1952, стр.193.

Однако их словный характер сохраняется виртуально. Это становится очевидным при актуализации ФЕ.

II. Перейдем к рассмотрению компонентов ФЕ в плане сопереживания. Ослабление словных качеств конститuentов выступает при изучении основной семантической характеристики фразеологизмов, т.е. примата глобального значения по отношению к значениям компонентов. Поскольку семантика составных частей ФЕ значительно ослаблена, становится возможным их элидирование и появление количественных вариантов фразеологизмов: *tirer sa poudre aux moineaux* /стрелять из пушки по воробьям/ - *tirer aux moineaux*.

Несловный характер компонентов ФЕ подтверждается также вариативностью вообще и особенно таким ее видом, где чередуются компоненты, абсолютно несоотнесенные по значению:

ramasser une veste - *remporter une veste* /потерпеть неудачу/.

Безразличие фразеологизма к семантике компонентов является правилом на уровне языка. А на уровне речи часто допускаются исключения: индивидуальные лексические значения конститuentов восстанавливаются путем придания им прямого или переносного номинативного значений коррелята слова. Напр.: "Un conseil, petit: ne

monte pas sur tes grands chevaux parce que je t'obligerai à en redescendre" (Exbrayat).

Неоднократно отмеченная в литературе стилистическая замена компонентов в ФЕ синонимом или словом того же тематического ряда также является следствием восстановления их номинативных значений. Так, в той же ФЕ *monter sur ses grands chevaux* Мориак заменяет компонент *monter* /сесть верхом на лошадь/ глаголом *jucher* /забраться на что-то высокое/: "...*juchée sur mes grands chevaux, je l'interrompais...*"

В интересующем нас плане особенно показателен такой прием "оживления" ФЕ, когда каждому компоненту приписывается самостоятельное лексическое значение, вытекающее из глобального смысла ФЕ, но не соотносимое ни с одним из значений соответствующих слов.

Так, например, фразеологическая единица *prendre ses cliques et ses claques* означает "собрать манатки, смотать удочки", а слова, соответствующие компонентам, являются ономотопеями. Однако в газете "Дманите" от 7-4-67 эта ФЕ дана в форме "*bagagiste prenait ses claques et laissait ses cliques...*" - из контекста явствует, что компоненты этого фразеологизма употреблены со значением "разные виды багажа".

Смысловая и стилистическая перестройка такого типа основана на стихийном осознании словного характера компонентов носителями языка. Словная потенция составных частей ФЕ лежит в основе всех видов стилистических модификаций фразеологизмов. Широкое использование преобразований ФЕ как стилистического приема в современном французском языке подтверждает справедливость высказывания проф. А.В.Кунца о "нормативности ненормативных изменений" в области фразеологии. Даже в случаях самого яркого и отчетливого проявления словного характера компонентов, они не приобретают полной автономности ни в плане выражения, ни в плане содержания, поскольку над ними довлеет глобальное значение фразеологизма.

В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что своеобразие фразеологизмов как категорий языковых единиц в значительной степени основывается на диалектическом синтезе словных и несловных характеристик их компонентов. Поэтому не следует пытаться во что бы то ни стало отнести компоненты ФЕ к категориям слов или не слов. Справедливей было бы признать за ними право на существование в качестве особого языкового явления.

И. Д. АВАЛИАНИ /Самарканд/

СЛОВО - ФРАЗЕОЛОГИЗМ - КОНТЕКСТ

Соотнесенность слова и фразеологизма /ФЕ/ рассматривается в современных фразеологических исследованиях по преимуществу как

определенная, более или менее устойчиво сложившаяся данность языка, как готовый слепок с наиболее типичных и показательных случаев их взаимодействий, взятых в обобщенном виде. Между тем, несмотря на привлечение многими исследователями коммуникативно-речевой сферы контекста при установлении характера соотношенности слова и ФЕ, контекстуальные связи во всем их многообразии и трансформациях контакта далеко еще недостаточны. В еще большей степени это относится к взаимодействию слова и ФЕ не только в контекстуальном аспекте, но и в аспекте различных функционально-стилистических сфер их реализации. В предлагаемом сообщении рассматриваются некоторые аспекты указанного выше взаимодействия ФЕ и слова в связи с их различными контекстуальными окружениями, а также в связи с включением в различные функционально-речевые стили.

Гигантский приток информации в связи с все расширяющимся кругом научных проблем и отраслей культуры и их дифференциацией, а также осмысление новых связей и явлений действительности приводят к значительным изменениям языковой манифестации. Они выражаются не только и не столько в появлении новых лексем - терминологических знаков, словообразовательных вариантов и устойчивых оборотов, сколько в дифференциации семантической структуры существующих уже в языке отдельных слов и: - в меньшей степени - фразеологических оборотов. Достаточно очевидно, что темпы и результаты этой семантической дифференциации различны у слова и ФЕ. Это связано прежде всего с коренным различием в основной функции слова и ФЕ, с тем, что первое является по своей природе носителем номинации, а вторая - в чем сходится большинство исследователей-фразеологов - передает квалификационно-оценочные и характеристические значения.¹ Последние, во-первых, вторичны и связаны с более ограниченными, чем слово, понятиями сферами; во-вторых, далеко не все реали, связи и взаимодействия могут вызывать квалификационно-оценочную характеристику,

1. В этом направлении высказался ряд фразеологов на симпозиуме "Фразеологизм и слово" в Самарканде, 1971 г.; см., в частности, доклады А.В. Кунина, И.И. Чернышевой, В.Л. Буксва и др.: - "Вопросы фразеологии", II, 1970.

предполагающую значительное обобщение и абстракцию.²

В этом смысле семантический объем слова, в особенности не ограниченного стилистическими сферами функционирования и частотного, значительно шире, чем соотносительного с ним фразеологизма. Становясь одним из звеньев различных в принципе неограниченно нарастающих контекстов, слово каждый раз поворачивается своими новыми семантическими гранями. С известным основанием А.А.Потебня находил в свое время в каждом новом употреблении слова новое значение и соответственно — с значительной, правда, долей гиперболизации — новое слово. В этом смысле совершенно справедливо замечает В.П.Тухов: "...контекстуально обусловленный тип значения в большей мере характерен для слова, чем для фразеологизма, т.к. многозначность свойственна большинству обычных слов, чего нельзя сказать о фразеологизмах."³ Фактически эту же сторону — контекстуальную гибкость слова, под которой, видимо, подразумевается непосредственное преломление в семантической структуре слова направленности контекста и ситуации в целом, отмечает и М.Т.Тагиев: "...слово — более свободная единица языка, чем фразеологизм".⁴

Все это справедливо, но только в рамках оптимального варианта того ближайшего контекста, который призван по идее обрамлять готовую, в известной мере заставшую в лексико-семантическом и структурно-грамматическом плане фразеологическую единицу /ФЕ в идеале/ и вместе с ней создавать точно установленный ряд сложившихся конфигураций.⁵ Как только мы переходим к реальному включению слова и ФЕ в разнообразные, сменяющиеся контексты, как нарушается обычное противопоставление слова фразеологической единице в этом плане, слова, максимально гибкой /в семантическом отношении/ и свободной единицы — фразеологизму, семантически закрепленной и контекстуально скованной единице /Тагиев подчеркивает "суженность связей и

2: См.: Ю.Ю.А в а л и а н и, АДД, Тбилиси, 1969.

3: В.П.Т у х о в. "Некоторые общие положения о соотношении фразеологизма со словом" — "Вопросы фразеологии", Ш, Самара, 1970.

4: М.Т.Т а г и е в, "Окружение слова и фразеологической единицы", там же.

5: См.: М.Т.Т а г и е в, "Окружение слова и фразеологической единицы", там же.

функций фразеологической единицы".⁶

Это противопоставление оказывается не только относительным, но и схематичным и до известной степени априорным. Реальные контексты, вовлекая в живые, в принципе бесконечно разнообразные связи и взаимодействия ФЕ, подвергают их различным не только частичным, но и более существенным изменениям. Слово, вступая в контекстуальное "обращение", раскрывает свои новые, в принципе, не имеющие ограничения семантические микроэлементы /такое семантическое дробление смыслов нередко приводит к омонимическому отталкиванию/, в структурном отношении сохраняя свой устойчивый и обычный облик. /Особыми случаями здесь следует считать некоторые отделяемые в контексте глагольные приставки немецкого языка и дистанцированные компоненты сложных глаголов - аналитических слов - в иранских языках/.

Фразеологизм, "перемалываясь" в контексте, не только приобретает новые смысловые оттенки, но и подвергается более или менее существенным структурным переделкам /значительно отходя от своего исходного структурного статуса/:

а/ из него могут вычлениваться, в свою очередь, ФЕ более ограниченного объема, составленные из "сколков" его структуры;

б/ отдельные словесные элементы /компоненты/ ФЕ, приобретая в контексте частичную автономность, могут сопровождаться, в свою очередь, словами-детерминаторами, словами - уточнителями, которые становятся окказиональными или полуюкказиональными сопроводителями компонентного состава ФЕ. Таким образом, сверхсловность ФЕ предоставляет ей возможность в каждом особом контексте развивать свои добавочные смысловые оттенки через все элементы ее основной структуры. Тем самым семантический и модально-оценочный потенциал

6. М.Т.Т а г и е в, там же.

7. См.: Ю.Ю.А в а л и а н и, АД, Тбилиси, 1969; ее же: "Очерки глагольной фразеологии курдского языка", сб. "Вопросы фразеологии и грамматического строя языков", Ташкент, 1968.

ФЕ в этом разрезе превышает семантический потенциал слова;

в/ контекст вызывает случаи полной или частичной дефразеологизации ФЕ, ее распада на сквишто в большей или меньшей степени составные элементы. Обычно тогда существуют два плана: собственно фразеологический, в котором присутствует связанное значение соответствующего оборота, данного часто. /в литературных фрагментах/ в виде экспозиции, и план свободный, в котором функционирует несвязанное значение того же оборота;

г/ компоненты фразеологической единицы могут, оторвавшись друг от друга /причем каждый из них развивает свою семантическую линию "распылиться" в контексте. Тогда воссоединение глобального целого происходит через призму всего контекста;

д/ контекст в целом или его части могут отражать порой только общую идею ФЕ, основы ее образной структуры. Обычно это происходит тогда, когда предшествующие фрагменты текста включают фразеологическую единицу в ее полном виде /причем она играет там значимую роль/; или когда хотя бы сколок распавшейся ФЕ присутствует в данном контексте и способствует ее восстановлению в целом; или, наконец, когда слова или слова свободного употребления, обычно слова-сопроводители ФЕ, тоже подсказывают целостное представление о ней.

В художественной литературе приведенные случаи "переразложения" ФЕ приобретают осложненный характер в связи с возникновением клубка добавочных ассоциаций, связанных с введением ФЕ в стилистических целях в контексты, или обусловленных, в свою очередь, действием закономерностей поэтики конкретного произведения в целом.

Показателем, в частности, такой пример, отражающий некоторые из выделенных выше приемов. Одна из частей чрезвычайно интересной по своей поэтике повести современного немецкого писателя Вернера Штейнберга *Wasser aus trockenen Brunnen* озаглавлена: *In der Nacht sind alle Katzen grau* /устойчивое пословичное выражение/. Эта часть начинается с повтора приведенного оборота, данного в качестве экспозиции, а дальше идет повествование, ориентированное на несвязанное, свободное употребление оборота: *Sie schleichen einher auf ihren lautlosen Ballen, geschmeidig, wendig...*

Данная здесь экспрессивно-оценочная характеристика развертывает в конкретизированной форме черты поведения "серых кошек" - людей /жителей Западного Берлина/, которых нивелирует ночь /символический образ/. Эта характеристика завершается тем же пословичным оборотом с измененной структурой, в котором вновь через свободный контекст "проспечивает" фразеологизированное значение: und sie sind grau in der Nacht, diese Katzen /интерпретация с репризой подлежащего/. А дальше следует новое развитие оборота - его стержневого именно компонента: ... diese Katzen - die Löwen und Tiger. После чего снова в качестве вторичного утверждения этот оборот возвращается в контекст с повтором определения: ... in der Nacht sind sie alle, alle grau. Дальше развитие касается адвербиально-обстоятельного компонента /данного в трехкратном повторе/: ... sind sie alle, alle grau, in den Juniächten und Augustnächten und Dezembernächten.

Дальнейшее контекстуальное варьирование относится к словообразовательному уровню: ... auch jene Kätzchen und Katzentiere mit den einziehbaren Krallen, die grau sind in der Nacht. Причем предикативная часть распадается оборота выносится в придаточное определительное предложение.

Наконец, в пределах той же главы повести через несколько абзацев, на протяжении которых происходит дальнейшая "разработка" /применяя музыкальный термин/ мотивов оборота, его варьирование, дефразеологизация и новое фразеологическое восстановление, из него вычленяется собственно фразеологическая единица именно характера Graue Katze, вобравшая в себя образное значение всего оборота: Michael Freund... graue Katze mit einziehbaren Krallen.

Таким образом, контекст ломает представление об узости и скованности внешних синтаксических связей и "лексико-семантической направленности фразеологической единицы" /Тяглев/ по сравнению со словом. Логико-семантической константой ФЕ остается во всех случаях только ее образная структура, стов легших в ее основу логико-психологических ассоциаций. Этот образный стержень и является

Пределом тех широких и разноплановых лексико-семантических и структурно-грамматических "переразложений" и трансформаций, через которые проходит путь функционирования фразеологизма в контексте.

Р. И. ОХИТАТ /Самарканд/

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК КОМПОНЕНТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ И КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В кругу вопросов, решаемых в связи с проблемой "слово и фразеологизм", вопрос соотношения собственного имени /СИ/ как самостоятельной единицы и фразеологизма, содержащего проприальный компонент, представляет значительный интерес ввиду специфической природы собственных имен, которые, по справедливому замечанию А. В. Суперанской, есть "слова особые".¹ Основное качественное своеобразие СИ, без сомнения, заключается в отсутствии у него актуального лексического значения. Это подтверждается, в частности, тем, что СИ не поддается таким операциям, как поиск семантических составляющих, разложение на семантические множители и т.п. Это — языковая единица, имеющая лишь общекатегориальное значение, определяемое функцией вторичного обозначения, индивидуализации данного объекта в ряду ему подобных. Вслед за Э. Б. Магазаником СИ рассматривается здесь как категория, диалектика которой заключается в совмещении свойств максимально абстрактного с максимально конкретным.² Отсутствие лексического значения и свойства абстрактно-конкретной категорий конституируют, как нам представляется, функционирование СИ на всех уровнях и определяют его системные связи. В полном соответствии с двуединой сущностью СИ находится его функционирование в речи, т.е. здесь можно отметить два направления:

I/ Абстрактное начало СИ превалирует над конкретным, СИ выступает в своем общекатегориальном значении как "имя вообще", которое может быть соотнесено с любым лицом:

1 А. В. Суперанская. "Структура имени собственного", М., 1969, стр. 10.

2 Э. Б. Магазаник. КД "Поэтика собственных имен в русской классической литературе. Имя и подтекст, Самарканд, 1967, стр. 38.

Hinter allem, was du Gott, Strom und Stern, Nacht... oder Kosmos, Hilde oder Evelyn nennst - hinter allem stehst immer du selbst. (H. Bornert "Das ist unser Manifest").

Сашу не столько занимал он, сколько романичность свидания... И право, будь вместо меня какой-нибудь Иван Сидорыч или Сидор Иваныч, она чувствовала бы себя одинаково хорошо /А.П.Чехов. "Любовь"/.

2/ Конкретное начало превалирует над абстрактным, СИ соотносено с конкретным субъектом или объектом, имеющим дифференцированную характеристику: "Помещик Нилов, плотный, крепкий мужчина, славящийся на всю губернию своей физической силой, и следователь Куприянов, возвращаясь вечером с охоты, завернули на мельницу" /А.П.Чехов. "Болк"/.

В процессе речи в качестве "имени вообще", средства типизации, может использоваться / и часто используется / любое СИ. Однако под воздействием некоторых факторов, среди которых первое место принадлежит частности употреблению определенного СИ тем или иным народом, функция символизации любого лица может стать для СИ из окказиональной узуальной /Иван, Hans, порой с дополнительной конкретизацией, - соответственно 'всякий русский' или 'всякий немец' /, так же, как может стать для нее узуальной функция символизации определенных качеств конкретного лица или географического объекта, чьим именем оно является. Основным детерминирующим фактором в этом случае является достаточная известность носителя СИ и тех его характеристик, которые символизируются именем /Плешин 'скряга', Дульциня 'возлюбленная', Мекка 'место всеобщего паломничества', John Буширович 'английский буржуа', Caruso 'рабочий-итальянец в Западной Германии' /.

Каким бы ни был генезис рассматриваемых имен-характеристик, общим для них является то, что функция символизации, потенциально присущая любому СИ, отмечает их в сфере виртуального. Таким образом, можно говорить о полифункциональном СИ в языковой системе. Аналогично тому, как полисемичная лексема может в одном из значений, наиболее удаленном от главного, оказаться идиоматичной, идиоматично и СИ в функции символа, также отмеченной удале-

нием от первичной функции СИ. Под идиоматичностью при этом понимается своеобразие, специфичность значения /для идиоматичных СИ-своеобразие, специфичность функции/ как параметр слова или словосочетания, выявляемый в внутри-или межъязыковом плане /Бар-Хид-лел, Мельчук и др./. Употребление идиоматичного СИ всегда связано с поиском наиболее экспрессивного средства выражения. Экспрессивность же, на наш взгляд, конституируется здесь совмещением двух свойств, а именно: став именем-символом, СИ сохраняет и категориальные признаки собственноименности. Слушающий может и не знать, что символизирует "Плюшкин" в предложении. "Он настоящий Плюшкин", но он безошибочно определяет, что "Плюшкин" - фамилия, СИ, поскольку в памяти каждого носителя языка закодированы структурные признаки ономастикона этого языка, что дает ему возможность сегментировать и узнавать онома в речевом потоке. Здесь можно провести параллель с возможностью отнесения лексической единицы, лишенной смысла, или смысл которой неизвестен анализирующему, к определенной части речи при знании структурных признаков лексики /типа глюкая кудра.../. хотя меньшая унифицированность признаков СИ, их меньшая формализованность усложняет процесс их узнавания. Может возникнуть вопрос: Как быть с СИ-характеристиками, не берущими начало в ономастиконе данного языка, но функционирующими в нем: фриз, Колумб, Яго и т.п., о которых носитель языка может и не знать, что эти слова-СИ? Справедливо ли наше суждение по отношению к этим СИ? Нам думается, что справедливо, т.к. в словаре каждого из участников процесса речевого общения они должны храниться с пометкой "экспрессивно", иначе невозможно их адекватное употребление. Так, в предложении "На собрание был приглашен хороший оратор" без изменения стилистической ценности предложения невозможна подстановка "На собрание был приглашен Цицерон". Таким образом, и эти СИ экспрессивны, что объективно является результатом совмещения указанных выше свойств.

Следовательно, и эти СИ идиоматичны. Однако идиоматичность, как известно, свойство, поддающееся количественному описанию. Поэтому любые единицы, в т.ч. и СИ, отмеченные этим параметром, могут быть сопоставимы по степени идиоматичности. Последняя опреде-

ляется степенью специфичности. Когда эта специфичность равна или приближается к нулю, когда СИ теряет признаки собственноименности оно перестает быть идиоматичным.

Следствием этого является нулевая экспрессивность, какую мы имеем, например, в словах 'хулиган', 'франт'. Сказанное справедливо не только относительно идиоматичных СИ, имеющих самостоятельное существование, но и относительно СИ-компонентов фразеологических единиц.

Кстати, во фразеологии можно найти аргумент в пользу тезиса о совмещении в идиоматичном СИ признаков общеономастического с символическим. Имеются в виду ФЕ-каламбур, где центром является не традиционное, а вымышленное СИ, образованное от полнозначных лексем по существующим в языке ономастическим моделям: nach Federhausen gehen - букв. 'идти в Федерхаузен', 'идти спать', где Federhausen - вымышленное имя, образованное от лексемы die Federn - 'перья' по модели немецких топонимов на -hausen; Karl Keuchhusten und seine Astmatiker - букв. 'Карл Коихустен и его астматики', 'плохой дирижер плохого оркестра', Keuchhusten - антропонимизированная полнозначная лексема der Keuchhusten - 'коклюш'. Ср. также: англ. the best physicians are Dr. Diet, Dr. Quiet and Dr. Merryman - 'лучшие лекари д-р Еда, д-р Покой, д-р Радость', где мы имеем антропонимизацию однозначных лексем diet - 'пища', quiet - 'тишина, покой', merry - 'радость, веселье', русск.: В 20 минут... успею вздохнуть [а д м и р а л а Ч а и н с к о г о... /Ф. Достоевский "Униженные и оскорбленные"/ где антропонимизации подвергается слово 'чай'. Высокая экспрессивность приведенных ФЕ обусловлена тем, что полнозначные лексемы приобретают признаки СИ

В какой-то степени здесь можно говорить ещё об одном механизме становления символического СИ, когда движение идет не по линии удаления/но не полного освобождения!/ от собственноименности, а по линии приближения к последней при удалении /но не полном освобождении!/ от признаков полнозначной лексемы.

Следует подчеркнуть, что "фонд" СИ, имеющих самостоятельное употребление в определенном символическом значении, в интересующих нас языках /русском, английском и немецком/ не очень велик.

/Речь здесь идет об именах-символах, имеющих в качестве таковых узвальное употребление, что подтверждается фактом регистрации их словарями. Случай типа: "Красноармеец Серов превратил клочок земли под Новороссийском в Брестскую крепость /из телепередачи /или "Аристотель, Гегель древнего мира.../. Ф.Энгельс, "Анти-Дюринг" /во внимание не принимаются, так как они не стали фактами языка, ввиду окказиональности их употребления, хотя по природе они совершенно идентичны рассматриваемым/.

Гораздо активнее в качестве символа проявляет себя СИ во фразеологии, где его специфическая функция, символическое значение, детерминируется постоянным контекстом. Так, например, весьма ограничен в свободном употреблении набор СИ с символической характеристикой 'любой человек'. Словари немецкого языка, например, регистрируют в указанном символическом значении только имена Hans и Grete. Во фразеологизмах же список СИ с идентичным символическим значением удлиняется, наряду с ein grosser Hans 'важная персона', was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr - 'чему не научился в детстве, не будешь знать, став взрослым', функционируют также ein wichtiger Fritz - 'важная персона,' eine dumme Trine - 'глупая женщина' Heini von da oben - 'высокопоставленное лицо', ein sanfter Heinrich - 'славный малый', Heinz und Kunz - 'всякий человек, первый встречный'.

Фразеология английского языка также осваивает в этой функции ряд высокочастотных имен собственных. Примеры: dumb Dora - 'глупая девушка', let George do it - 'пусть это сделает кто-нибудь другой', hot-shot Charlie - 'самовлюбленный человек', everyman Jack - 'все до единого /человека/', Tom fool - 'дурак', long John - 'высокий худой человек', Tom, Dick and Harry - 'всякий, каждый, все без разбора', rob Peter to pay Paul - 'взять что-либо у одного, чтобы отдать другому'. Довольно обширен инвентарь собственных имен, осуществляющих аналогичную функцию символизации во фразеологии, в частности в пословицах русского языка: У всякого Гришки свои делишки; Добрый Иван-и людям и нам, а худой Иван-ни людям, ни нам; У злой Натальи-все люди канальи; Функционирование во фразеологии частотных СИ с символическим значением 'любой человек' на-

ходится в соответствии со структурным законом сферы употребления и содержания знаков: чем менее специально содержание знака, тем шире сфера его употребления. Содержание рассматриваемых СИ не дифференцировано, что позволило им превратиться в своеобразные фразеологообразовательные элементы, с помощью которых образуются фразеологические серии, где СИ имеет при себе самые различные детерминанты, определяющие значение ФЕ в целом. Ср., в нем. языке: *drücker Heini* - 'молокосос', *blöder Heini* - 'дурак', *ein lahmer Heini* - 'не энергичный человек', *den müden Heini spielen* - 'притворяться усталым'; *der wichtige Fritz* - 'важное лицо', *technischer Fritze* - 'техник'; *ein grosser Hans* - 'важная персона'; *Hans Unbedacht* - 'ветрогон', *Hans Hasenfuss* - 'трусишка', *Hans in Glück* - 'счастливчик' и т.п.

В англ. языке: *Jack out of office* - 'увольнение с работы', *Jack of all trades* - 'на все руки мастер', *Jack Raw* - 'молокосос', 'НО-ВИЧОК', *John /Tom/Long the carrier* - 'человек, ведающий с доставкой'; *John Family* - 'человек, имеющий постоянную работу, очаг, обеспеченную жизнь' и т.п.

Наибольший удельный вес в рассматриваемом фразеологическом фрагменте /ФЕ, содержащие проприальный компонент/ имеют идиоматичные словосочетания, в которых специфическое символическое значение СИ дифференцировано, ибо СИ репрезентирует определенные характеристики конкретного объекта. Примеры: 'прикинуться Лазарем' 'прикинуться несчастным', *das passt wie Faust auf Gretchen* - 'хорошо подходит одно к другому'; *since Adam was a boy* - /амер. разг./ 'с незапамятных времен'.

Таким образом, фразеология является наиболее благоприятной средой, где реализуется потенциально присущая любому СИ функция символизации и превращение СИ-символа из факта речи в факт языка.

В заключение некоторые замечания о инновациях в системных связях СИ, определяемых инновацией функции последнего. Некоторыми случаями выражения системных связей полнозначной лексемы являются, как известно, отношения синоними, антоними, полисемии, вариантности.

для СИ, обладающего с точки зрения лексикологии нулевой семан-

тикой, эти отношения могут лежать не в плане семасиологии, а в плане ономастиологии. Поэтому здесь следует сразу же исключить полисемию и антиномию. Принимая за варианты "разновидности данной языковой единицы" /О.С.Ахманова. "Словарь лингвистических терминов" можно описать вариантность СИ в ономастических русско-, английско-го и немецкого языков формулой: полное: сокращенное /уменьшительное/ лмя. Принимая за синонимы два или более названия одного объекта или субъекта, можно считать для СИ интересующих нас языков это явление отмеченным в функционально-речевом плане. Примеры: село Белый ключ: Покровское: Каштановка³ ... Ihre Mutter Elisabeth Wallau geborene Endera (A.Seghers "Das siebte Kreuz"). Новый параметр СИ-идиоматичность-видоизменяет его системные связи.

1/ Они расширяются за счет отношений антонимии /Квасило 'уродливый человек' - Аполлон 'красавец'/;

2/Синонимия идиоматичных СИ становится фактом языка /Геркулес: Гогаф 'необыкновенно большой, сильный человек'/;

3/ Идиоматичное СИ не подвержено варьированию. Так, если идиоматичное СИ Иван, по свидетельству Даля В.И., "по всей азиатской и турецкой границе нашей... означает русского"/,⁴ то его варианты Вани, Ивашка, Ванька и др. этого символического значения не имеют. С другой стороны, СИ Ванька употреблялось по отношению к "городскому легковому извозчику с бедной упряжь"⁵ и не могло быть заменено в этом употреблении его вариантами. Изложенное справедливо и в отношении СИ, функционирующего на фразеологическом уровне. Примеры синонимических отношений: Wasser in die Donau : Elbe : den Rhein tragen - 'заниматься бесполезным делом', shear Jack : John - 'бродячий разносчик товаров'; и по рылу знать, что Иваном: Созонтом звать'. Отношения антонимии: Ты ему про Ивана, а он про Степана.

Кроме того, во фразеологии СИ, имевшие один и тот же прототип,

3. Примеры А.В.С у п е р а н с к о й, указ. работа, стр.200.

4. В.И.Даль: Толковый словарь живого великорусского языка, т.1.

5. Он же, т.1.

могут получить различное символическое содержание: 1/ von Adam her - 'от времен Адама', 'очень давно', 2/ wie Adam arbeiten - 'работать как Адам', 'очень тяжело работать', что в какой-то мере сопоставимо с отношениями полисемии, отмечающими имена нарицательные.

Г.П. МАНИЛИНА /Рязань/

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

/в связи с проблемой "Фразеологизм и слово"/

Во фразеологическом фонде любого языка имеется значительное количество фразеологических единиц /ФЕ/ с компонентом - именем собственным /ИС/, наличие которого дает основание для выделения их в самостоятельную структурную группу. Имя собственное - особый разряд слов в лексической системе языка, качественное своеобразие которого полностью элиминруется фразеологизацией. Рассмотрение ИС на фоне ФЕ с тождественным компонентным составом представляет интерес с точки зрения выяснения специфики обеих категорий.

Для выяснения сущности ИС /слова/, принадлежащего к категории имени существительного, представляется целесообразным сопоставить его с именем нарицательным /ИН/. Имена нарицательные являются активными элементами лексико-семантической системы языка. Их смысловое содержание определяется такими парадигматическими категориями, как полисемия, синонимия, антонимия, которые, будучи своеобразными параметрами ИН, очерчивают их семантические границы.

Функциональное тождество ИС внутри определенного разряда /все женские имена, например/, а также тесная связь с денотатом в индивидуальном употреблении лишают их возможности объединяться

в семантические группировки между собой, а также препятствуют их семантическому общению с ИИ. Эти факторы, крайне ограничив системные свойства ИС, обусловили существование их в качестве обособленной, замкнутой группы. В этом отношении ИС следует признать пассивными, семантически изолированными членами лексической системы любого языка, стоящими вне конкуренции с синонимами и характеризующимися отсутствием антонимических противопоставлений, а также моносемичностью.

Переходя к рассмотрению ИС - компонента ФЕ ^{1/}, отмечаем следующее: отвлечение имени собственного от отдельного, конкретного, частного в составе фразеологизма привело к утрате им своего лингвистического статуса и обусловило его функциональное и семантическое сближение с ИИ. Так, например, черта характера персонажа романа Ч.Диккенса "Martin Chuzzlewit" - жизнерадостность, выделившись из комплекса свойств, образующих индивидуальность, легла в основу значения ФЕ a Mark Tapley - человек, не унывающий ни при каких обстоятельствах. Наполнившись "апеллятивным" содержанием, ИС /теперь уже ФЕ/ расширило рамки номинации и приобрело свойство потенциальной соотносительности с неограниченным числом денотатов. Если ИС Mark Tapley заключает в себе комплекс свойств в применении к одному лицу, то ФЕ a Mark Tapley обладает способностью предцифровать лишь одно свойство /жизнерадостность/ потенциально неограниченному количеству денотатов. Следовательно, количество здесь переходит в качество.

Фразеологизируясь, ИС расширяет свои системные связи. Многие ФЕ исследуемого типа обладают потенциальной способностью входить в различные парадигматические группировки. Одним из видов системных отношений, присущих ФЕ в отличие от структурно адекватных им ИС в свободном употреблении, является синонимия. Так, некоторым ФЕ исследуемого типа имеет лексические корреляты среди нарицательных существительных /"межуровневая" синонимия/. Например, Jack Ketch - a hangman, Jack Tar - a sailor, Tommy Atkins - a soldier.

1. Следует отметить, что в составе ФЕ им-на собственные могут считаться таковыми лишь условно, поскольку они не соответствуют своему прямому языковому значению, т.е. не являются индивидуально-различительными знаками.

Несмотря на тождество предметно-логического значения каждой пары, между ними нет полного соответствия. Слова *a hangman, a sailor, a soldier* стилистически нейтральны, тогда как ФЕ употребляются в разговорной речи. Переосмысленные, они более экспрессивны, чем слова. Фразеологизмам исследуемого типа свойственна также внутрigrупповая синонимия /частный случай "внутриуровневой" синонимии/, что подтверждается параллельным существованием в английском языке следующих ФЕ: *David and Jonathan и Damon and Pythias*. Обе они выступают в значении "неразлучные друзья". Обладая понятийным тождеством, данные ФЕ не содержат никаких семантических различий. Они характеризуются стилистической однородностью, употребляясь как в устной, так и в письменной речи, и способны замещать друг друга во всех конкретных случаях употребления.

"Наложение" любой из вышеупомянутых ФЕ на омонимичное ей свободное сочетание /из ИС/ является наглядной иллюстрацией их семантической несоизмеримости, оно дает нам четкое представление о характере различий между ними. Сравним, например, ФЕ *David and Jonathan* со свободным сочетанием *David and Jonathan*. Семантические возможности ИС - компонентов ФЕ строго ограничены. Оба выступают в тождественном значении "верный друг", реализация которого требует соотнесения ИС с другим именем в том же значении. Смысловое содержание ИС - компонентов свободных сочетаний несравненно богаче. Выполняя свою непосредственную функцию идентификации объекта, собственно ИС в каждом отдельном случае выступает формой закрепления обобщенной совокупности характерных признаков определенного лица /профессия, возраст, внешние данные, черты характера и т.д./. Денотативно реализованные имена *David and Jonathan* в отличие от ФЕ, вызывают представление лишь о каких-то конкретных существах мужского пола, вовсе не обязательно связанных узлами крепкой мужской дружбы.

Важным показателем при выявлении дифференциальных признаков фразеологизма и слова /в рамках нашего конкретного исследования/ является также *а н т о н и м и я*, отсутствие которой у ИС как такового опять-таки обусловлено его спецификой. Приоб-

ретенение этого семантического свойства именем собственным свидетельствует о его глубоком качественном перерождении и переходе либо в категорию имени нарицательного, либо в ряд фразеологизмов. Полными антонимами следующие КФЕ /компаративные ФЕ/: *as rich as Croesus*, *as poor as Lazarus*, *as poor as Job*.

На первый взгляд кажется, что семантическая полярность этих КФЕ создается лишь антонимичностью компонентов-прилагательных. Однако, хотя слова *rich* и *poor* существуют как самостоятельные единицы, не им обязаны данные КФЕ своим существованием. Это подтверждается наличием в английском языке таких слов, как *Croesus* - богатый и *Lazarus* - нищий. В составе КФЕ прилагательные *rich* и *poor* служат средством экспликации одного из признаков единичного понятия, восходящего к определенному денотату /лицу/. В словах-антонимах *Croesus* и *Lazarus* противопоставление, в отличие от КФЕ, имплицитно. Антонимический контраст самих слов *Croesus* и *Lazarus* отнюдь не исчерпывает их функциональных возможностей. Каждое из них, в свою очередь, противопоставлено КФЕ с антонимическим компонентом - ИС и синонимично КФЕ, абсолютным представителем которой оно само является. Собственно ИС *Croesus* и *Lazarus* /как реализованные, так и нереализованные/ не имеют антонимов и синонимов ни среди других ИС, ни среди ИН, ни среди ФЕ.

Уяснению качественных различий между ФЕ с компонентом - ИС и собственно ИС способствует выявление возможностей фразеологического варьирования исследуемых ФЕ. В нашем материале обнаружены следующие ФЕ, допускающие вариации имен: *cheap Jack* /*John*/, *Jack* /*John*/ of all trades, *poor Jack* /*John*/, *Jack* /*Tom*/ o'Bedlam, *John* /*Tom*/ Long the carrier, *Jack* /*John*, *Tom*/ Drum's entertainment, *Jack* /*Tom*/ fool *John* /*Tom*/ Collins. Обращает на себя внимание ограниченное количество варьирующихся имен /3 максимально/. То есть произвольный набор имен для выражения определенного понятия невозможен. Что же обусловило столь строгую их избирательность? дело в том, что в процессе исторического развития данные ИС приобрели значение "человек вообще", синонимизировавшись с такими нарицательными существительными, как *a man*, *a person*. В этом значении они фактически и выступают в ФЕ, за исключением случаев денота-

тичного смещения ИС, т.е. там, где они переходят в нормативно несвойственную им номинативную сферу. /Например, роог John Jack /сушеная мерлуза; John /Tom/ Collins - напиток./.

Иную картину мы наблюдаем в сфере ИС. Как таковое, оно лишено вариативных потенций применительно к определенному денотату. Употребление разных имен в отношении одного лица затруднило бы акт коммуникации, оно противоречило бы природе и назначению ИС.

Одним из параметров, определяющих совокупную семантическую характеристику как ИН, так и ФЕ, является полисемия. Число неоднозначных ФЕ исследуемого типа составляет 3 % от общего количества. В качестве примера можно привести ФЕ Jim Crow, амер.

1/ n, през. Джим Кроу /кличка, данная неграм американскими расистами/;

2/ n, расовая дискриминация, расизм, изоляция негров, расистские мероприятия, направленные против негров;

3/ attr. негритянский;

4/ attr. направленный против негров, антинегритянский, расистский.

Все значения данной ФЕ возникли путем меточимического переосмысления на базе первого. Фразеологический фон служит своеобразной характеристикой ИС. Так, имя Jim Crow /будь то прозвище или подлинное имя/ в силу индивидуальности своей семантики однозначно. Оно не вступает в семантический контакт ни с другими реализованными ИС, ни с ИН, тогда как ФЕ Jim Crow коррелирует со словом

Negro в первом и третьем значениях. Расхождение в количестве значений у ФЕ и слова обусловлено различным характером их семантики. За редким исключением /например, вышеупомянутая ФЕ/, значения неоднозначных ФЕ исследуемого типа не связаны отношениями семантической производности, характерными для лексической полисемии. Существование в английском языке таких двузначных ФЕ, как long Tom

1/ военн. жарг. дальнобойное орудие,

2/ sl. длинная сигара и

Black Jack уст.

1/ высокая шпена кружка /сделанная из просмоленной кожи/.

2/ черная солдатская кожаная куртка без рукавов, объясняется ярко выраженной тенденцией /особенно в слэнге/ называть неодушевленные предметы наиболее распространенными ИС личными. Особый характер полисемии этих ФЕ /как и в вышеупомянутом случае/ выражается в том, что отдельные их значения обозначают конкретные разнородные предметы. Деривационная связь между ними, естественно, отсутствует. Объединяющим их моментом является внешний признак, общий для данных предметов. В ФЕ long tom - это признак длины, в ФЕ black Jack - цетовой признак. Имя же каждый раз присваивается произвольно. На наш взгляд, полисемия таких ФЕ качественно близка к омонимии вследствие полной разобщенности значений.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. В функционально-семантическом плане ИС противостоит как ИН, так и ФЕ, на фоне которых оно получает двойную негативную характеристику по всем показателям. Соотношение этих трех категорий можно представить в виде оппозиции ИН: : ИС: : ФЕ / < ИС/, крайние члены которой соизмеримы по всем параметрам. "Немаркированность" ИС обусловлена его функционально-качественной спецификой.

2. Фразеологизация ИС - а вместе с ней и расширение его внутрисистемных связей - возможна лишь в том случае, если оно порывает как с общим, ономастическим, так и единичным значением, и заключается в преодолении именем собственным своей семантической замкнутости.

3. Преобразование ИС в составе ФЕ идет по линии сближения его с именем нарицательным /как и последнее, оно приобретает способность выражать понятие, соответствующее классу однородных предметов, ср.: Tommy Atkins - a soldier, что, в свою очередь, свидетельствует о близости /но не тождестве! / фразеологизма и слова. Комплексная структура ФЕ в сочетании с особым фразеологическим качеством, создаваемым переосмыслением, накладывает отпечаток на их системные свойства. Диапазон парадигматических возможностей ФЕ, в отличие от слов, довольно узок /это подтверждается и нашими конкретными данными/. Полному изоморфизму ФЕ и слова /в кате-

гориальном значении этого термина/ препятствует также наличие в языке особой группы слов-имен собственных /ведь ни одно из них, кроме случаев переосмысления, не соотносится с ФЕ/.

Л.В.ШЕВЕЛОВА /Москва/

О СООТНОШЕНИИ ЗНАЧЕНИЯ ФЕ И ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

/На примере глагола nehmen и фразеологизмов с
этим глаголом/

1. Среди ряда неразработанных и спорных вопросов фразеологии особое место занимает вопрос о соотношении лексического значения слова и значения ФЕ, о характере этой связи, о степени влияния лексического значения на процесс формирования значения фразеологической единицы, о методах, используемых для объективного исследования этой проблемы.

Материалом анализа здесь может служить семантическая структура глагола nehmen /до 58 лексико-семантических вариантов/ и фразеологизмов с данным глаголом.

2. В современной лингвистической литературе, как советской, так и зарубежной, ФЕ рассматривается в ряде случаев как единица, эквивалентная отдельному слову. Обращаясь к семантике ФЕ, часть исследователей понимает под эквивалентностью ФЕ отдельному слову ее семантическую равноценность слову, "способность служить в целом составе своем для выражения единого понятия или же для обозначения того или иного предмета или явления".

Каким образом возникает значение фразеологической единицы? По данным словарей, существует свыше 170 фразеологических единиц, одним из компонентов которых является глагол nehmen.

3. Исходным для семасиологического исследования связи значения nehmen в свободном употреблении и значения фразеологических

единиц с данным словом является прямое номинативное значение /НПЗ/ глагола nehmen . Оно "как бы непосредственно направлено на предметы, явления, действия и качества действительности и отражает их общественное понимание". Прямые номинативные значения реализуются представителями данного языкового коллектива в первую очередь. Об этом свидетельствуют и данные толковых, двуязычных, стилистических, синонимических, фразеологических и других словарей.

Прямое номинативное значение глагола nehmen может быть определено как <etwas mit der Hand ergreifend an sich ziehen und eine Weile bei sich erhalten > . НПЗ глагола nehmen устойчиво, относительно свободно, так как здесь действуют ограничения главным образом экстралингвистического характера /социально-исторические и предметно-логические/.

НПЗ представляет собой главное значение лексической единицы на уровне языка.

4. Реализованные в речи потенции прямого номинативного значения закрепляются языковым узусом и становятся лексико-семантическими вариантами /ЛСВ/, фиксируемыми языком /словарями/. Вся совокупность ЛСВ образует семантическую структуру слова, в которой ЛСВ представляют собой системную иерархию. В семантической структуре слов нами выделяются прямое номинативное значение, номинативно-производные значения, лексически связанные значения и значения фразеологических единиц /ФФ/.

Один вид значения взаимосвязан с другим, характеризуется определенным набором признаков и выделяется в связи с особенностями явлений языкового и экстралингвистического характера. Так, у глагола nehmen номинативно-производное значение /НПЗ/ с его лексико-семантическими вариантами является производным от прямого номинативного значения. НПЗ включает 12 лексико-семантических вариантов типа <annehmen > , <mitnehmen > , </bei sich aufnehmen > и др.

НПЗ не отрывается от прямого номинативного значения, а "понимается соотносительно с ним".

Лексико-семантические варианты НПЗ сохраняют все категориальные и индивидуальные компоненты глагола nehmen в его прямом

номинативном значении, обозначают то же действие, направленное на объект, однако с указанием направления этого действия:

Лексико-семантические варианты НПЗ исключают какое бы то ни было переосмысление.

5. Образования типа *eine Stadt, Festung nehmen; den Zug nehmen; Hürden, Hindernisse nehmen* и др. включают в свой состав глагол *nehmen* и актанты определенной семантики. Неизменное расположение компонентов сочетания и семантика актантов справа влияет на изменение прямого номинативного значения глагола *nehmen*, модифицирует его. Модификации подвергаются отдельные индивидуальные и некоторые категориальные компоненты глагола *nehmen* в его прямом номинативном значении. Лексико-семантические варианты лексически связанного значения включают в свою семантику как признак действия, так и признак процесса. Значение подобного образования складывается из НПЗ актанта справа и модифицированного значения глагола *nehmen*.

6. Переходной ступенью к фразеологически связанному значению являются лексико-семантические варианты *nehmen*, в сочетаниях типа *den Fall nehmen, die Zeit wohl nehmen* и др. Подобные словосочетания являются устойчивыми. Степень устойчивости этих образований различна: одни из них не допускают замены своих компонентов /*die Zeit wohl nehmen*/, в других возможна вариантность любого из компонентов /кроме глагола *nehmen*/ в рамках семантического инварианта /*jmdm zum Vorbild/zum Muster nehmen*/, допускается не только лексическая, но и лексико-стилистическая вариантность /*wenn Sie's so nehmen - Wie man 's dimmt*/. Устойчивость словосочетаний не подкрепляется идиоматичностью конструкции в целом. Лексические единицы, выступающие в роли актантов справа и слева, сохраняют свое прямое номинативное значение. Под влиянием окружающих глаголов актантов модифицируется лишь значение глагола *nehmen*, изменяются все индивидуальные компоненты и ряд категориальных. Лексико-семантические варианты этой группы образований обозначают как действие, так и процесс.

Контекст, в котором актуализируется лексически связанное значение глагола, является лексическим контекстом.

7. Значение глагола nehmen в образованиях типа seinen Lauf nehmen, Abschied nehmen; zur Kenntniss nehmen, Interesse an etwas nehmen; unter Feuer nehmen и др. не представляется возможным рассматривать изолированно. Однако следует выделить три ступени фразеологически связанного значения /ФСЗ/.

Конструкции типа eine Wendung nehmen, seinen Fortgang nehmen / = <fortgehen> /, Rache nehmen / = <sich rächen> / и т.п. двучленны, состоит из глагола nehmen и отглагольного существительного, обозначающего вид действия. Значение сочетания представляет собой синтез категориальных компонентов глагола nehmen и индивидуальных компонентов бывшего его правого актанта. Отглагольное существительное выступает в прямом номинативном значении. Подобные конструкции, таким образом, представляют собой синтезированное в плане семантики единство без пересмысления его значения. Этот факт позволяет рассматривать данное сложное семантическое образование как первый этап возникновения фразеологически связанного значения. В лингвистической литературе подобные словосочетания называются "фразеологизованными образованиями" /И.И.Чернышева/.

В образованиях типа ein Obhut nehmen / = <behüten> /, ein Besitz nehmen / = <besitzen> / и т.п. повторяется процесс семантических преобразований. Глагол nehmen сохраняет все свои категориальные компоненты. Значение же всей конструкции определяется индивидуальными компонентами абстрактного отглагольного существительного, обозначающего процесс. И сочетание в целом репрезентирует значение процесса, а не действия, как это имело место в конструкциях, рассматриваемых выше, и что характерно для прямого номинативного значения глагола nehmen в свободном употреблении. Значения подобных сочетаний следует рассматривать как второй этап образования фразеологически связанного значения. В лингвистической литературе, посвященной фразеологии современного немецкого языка, они зафиксированы как "аналитические конструкции" /И.И.Чернышева, .w.Schmidt/.

Природа значений таких сочетаний, как "eine Kurve nehmen" / = <umkehren, umwenden, wenden> /, unter Feuer nehmen / = <beschießen> и т.п. приближается, с одной стороны, к процессу возникновения значений ФЗ с глаголом nehmen, с другой сторо-

ны, по целому ряду признаков они не отрываются от фразеологически связанного значения. Значение образования в целом — это сложное семантическое единство с переосмыслением значения всего словосочетания. /die Kurve nehmen = <umdrehen, umwenden, wenden>/. Однако образ, лежащий в основе значения словосочетания, явно ощущим и создается на базе прямого номинативного значения сочетающихся с глаголом существительных. Глагол nehmen сохраняет все свои категориальные компоненты, сочетание в целом обозначает действие.

Таким образом, значение подобных образований представляет собой синтез категориальных компонентов глагола nehmen и индивидуальных компонентов его актантов с переосмыслением значения всего сочетания.

8. В образованиях типа die junge Frau nimmt den Schleier / = «Fonne werden» /, Reiss aus nehmen / = <fliehen> /,

и др. одним из компонентов является глагол nehmen. Словосочетания различаются по структурной модели, но объединяются по способу образования их значений. Процесс семантизации сочетания, т.е. возникновения сложного семантического единства, и хотя и аналогичен в некотором роде описанному выше, однако он основан на переосмыслении всего сочетания. —

9. Пути переосмысления различны. Однако это задача отдельного исследования.

С.И.ЗИНИН /Ташкент/

АВТОРСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИИ

1. Рассматривая фразеологизм и слово как объект лексикографии, А.И.Молотков, как и многие другие лингвисты, в определенной мере верно указал на общность и различие принципов лексикографирования этих двух больших пластов языка. Уделив внимание вопросу лексикографирования фразеологизмов ^вобщелингвистическом плане их употребления, А.И.Молотков обходит стороной лексикографирование так назыв-

ваемых авторских фразеологизмов. В настоящее время нельзя говорить о том, что этот вопрос еще не созрел для теоретического обсуждения и практической реализации. Значительное оживление в составлении словарей отдельных авторов требует рассмотрения и решения этой интересной проблемы.

2. Составление словарей языка отдельных авторов или произведений характеризуется специфическим подходом, с точки зрения лексикографии, к слову и фразеологизму, в отличие от лексикографирования общелитературной лексики и фразеологии. Не только для стилистов, но и для лингвистов самого широкого профиля интересно узнать как и каким образом слово и фразеологизм находят свое конкретное выражение в конкретном речевом контексте или речевой ситуации. Авторские фразеологизмы как раз и представляют собой индивидуальное употребление общеизвестного фразеологизма с последующей необходимой трансформацией. К большому сожалению, при наличии интересных работ по индивидуально-авторской фразеологии мастеров слова сейчас нельзя назвать хотя бы один словарь авторских фразеологизмов. Нельзя к подобным словарям приравнивать известные словари крылатых слов, а составление словарей языка отдельных авторов /типа "Словаря языка Пушкина"/ не означает, что найдено окончательное решение. Известно только, что в настоящее время группа ленинградских филологов под руководством А.М.Бабкина подготавливает материалы для словаря авторских реминисценций.

Между тем, авторские фразеологизмы интересны во многих отношениях. Они имеют много общих черт с общеязыковыми фразеологизмами: выражают целостное понятие, имеют переносно-фигуральное значение и аналогичную фразеологизмам общенародного языка структуру. Авторские фразеологизмы являются богатейшим источником пополнения общенародной фразеологии, а для этимологизации общеизвестных фразеологизмов словари авторских фразеологизмов сыграли бы большую роль.

3. Лексикографирование авторских фразеологизмов связано с решением двух основных вопросов: ЧТО и КАК включать в словари подобного рода.

Довольно сложно установить границы отбора конкретного авторского фразеологического материала, так как довольно расплывчаты

стильницы авторского новаторства в создании фразеологизмов. Авторство можно утверждать, что номенклатура фразеологических единиц словаря авторских фразеологизмов будет принципиально отличаться от общеизвестных фразеологических словарей. В самых общих чертах можно утверждать, что словарь авторских фразеологизмов должен включать следующие разряды фразеологизмов /в материале произведений В.И.Ленина/:

а/ фразеологизмы общепроизводного языка, употребленные автором без всякого изменения:

"Иерархия, сословность, землевладение и землекользование, положение женщин, религия, угнетение национальностей. Восхищите любов из этих "английских конюшен"... вы увидите, что мы их вычистили качеством" /том 44, стр. 145/;

б/ фразеологизмы, созданные автором на базе общеизвестных фразеологизмов. При этом должны быть рассмотрены авторские фразеологизмы в самых необычных формах проявления метафоричности, неметафоричности в зависимости от оценочно-характеристической структуры трансформированных кодонимов общеизвестного фразеологизма:

"Мы все хорошо знаем, что от дендритов до исполнителей - дистанция порядочного размера" /т.23, стр.212/. "от буржуазной... политики Столыпина до будущей политики Бунд. Ят-Сева - дистанция порядочного размера" /т.22, стр.66/.

"Я работал в кружке, который ставил себе очень пылкие, всеобъемлющие задачи, - в этом яна, членом этого кружка, принимал участие, до такой степени, до такой степени, что не отказываясь участвовать в такой исторической работе, когда можно было бы, выходящими известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров - в их интересах России!" /т.5, стр.125/.

в/ собственно авторские фразеологизмы, которые не получили широкого распространения в литературном языке, но которые особенно выразительно подчеркивают индивидуальное творчество автора в создании фразеологизмов. Например, в произведениях В.И.Ленина сочетания с переносным значением слова "лакей" отмечены в следующих фразеологических

ких контекстах. лакей денежного мешка /17, 178/, лакей самодержавия /11, 243/, лакей современной буржуазии /18, 439/, ретивые лакеи фабрикантов /2, 280/, ученый лакей российской буржуазии /11, 226/ и мн. др. Удл большое количество фразеологизмов, стержневым словом которых выступают собственные имена, известные своей нарицательностью: кадетский Кузюшка Головорев /12, 219/, Ворошиловы критического социализма /5, 148/, Басилайкины буржуазного либерализма /4, 266/, политические Маниловы /24, 66/, Тартюфы меньшевизма /17, 288/ и др. К ним примикают и авторские фразеологизмы, основным компонентом которых являются определения-прилагательные, образованные на базе литературных образов: унтер-офицерская операция /9, 73/, молчалинская мудрость либералов /6, 407/, маниловское прожекторство /2, 425/ и др.;

г/ фразеологизмы, созданные автором и получившие признание в общелитературном языке:

Лучше меньше да лучше /45, 369/.

4. Не менее важным вопросом составления словарей авторских фразеологизмов является и проблема, КАК, КАКИМ ОБРАЗОМ должен размещаться собранный материал в словаре. Вряд ли сейчас можно найти окончательное разрешение этого вопроса, так как не разработаны еще многие вопросы лексикографирования фразеологизмов. Можно сделать предположение, что основным способом размещения материала в словарях подобного рода будет способ гнездования авторских фразеологизмов вокруг общеизвестного фразеологизма или вокруг стержневого слова, которое легло в основу образования новых фразеологизмов. Вероятно, степень авторской трансформации общеизвестного фразеологизма будет влиять на место расположения фразеологизма в гнездовой статье. Чем меньше отдаленность авторского фразеологизма от общеизвестной формы трансформируемого фразеологизма, тем ближе он должен стоять к основной форме в словесной статье.

С.И. РОЙЗЕНЗОН /Самарканд/

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНТАМИНАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

/на материале глагольных компаративных
фразеологических единиц/¹

Фразеологическая контаминация еще только начинает привлекать внимание исследователей.² Нам известно всего несколько работ, посвященных изучению фразеологической контаминации /главным образом на материале русского языка/.

Отсутствие работ по фразеологической контаминации в английском языке объясняется скорее недостаточным вниманием к этому явлению, чем его редкостью. Подтверждением этому служит хотя бы тот факт, что даже в нашем материале, ограниченном рамками определенного типа фразеологизмов /ГКФЕ/, нам удалось обнаружить

1. В дальнейшем сокращенно - ГКФЕ.
2. В этой связи характерно следующее замечание: "являясь одним из очень интересных приемов индивидуально-авторского преобразования фразеологизмов, прием контаминации в то же время является наименее изученным /разрядка наша-С.Р./ /Л.И.Ройзензон, И.В.Абрамец. О фразеологической контаминации в русском языке, Русский язык в школе, № 3, 1969, М., с.105/
3. См.: Н.Ю.Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе", М., 1966, стр.53-73. А.И.Молотков. Некоторые особенности употребления фразеологизмов в современном русском языке. - Нормы современного русского литературного словоупотребления, М.-Л., 1966, стр.92-110. Л.М.Болдырева. Стилистические особенности функционирования фразеологизмов /на материале современ.худож. немецкой литерат. и прессы ГДР/. Кандидатская диссертация, М., 1967, стр. 211-213. А.М.Бабкин. Русская фразеология, ее развитие, источники и лексикографическая разработка. Автореферат докторской диссертации, Л., 1968, стр.9-11. Л.И.Ройзензон, И.В.Абрамец, указ. соч. И.В.Абрамец. Семантические основы некоторых приемов преобразования фразеологических единиц. Канд. дисс., Самарканд, 1969, III гл.

несколько случаев фразеологической контаминации.⁴ Надо полагать, что проблема фразеологической контаминации в английском языке /на широком материале/ еще найдет свое отражение в специальном, более подробном исследовании.

При сопоставлении предлагаемых разными авторами формулировок, определяющих явление фразеологической контаминации, можно отметить некоторые расхождения. Так, Л.М.Болдырева пишет: "Прием контаминации основан на особом рода совмещении нескольких фразеологических единиц в микроконтексте."⁵ А.И.Холотков: "Контаминация фразеологизмов - это сращивание в одном двух или нескольких фразеологизмов..."⁶

У А.В.Кунина находим: "Контаминация, т.е. объединение двух или более фразеологизмов в одном обороте."⁷

На наш взгляд, здесь следует обратить внимание не на различие в терминах /"совмещение", "сращивание", "объединение"/, с каждым из которых можно, в известной степени, согласиться. Существенным же является то, что во всех этих определениях не уточнен один важный момент - в процессе фразеологической контаминации одна или более ФЕ теряют хотя бы один компонент. Этим достигается большее синтаксическое и смысловое объединение. Именно по этой причине нельзя считать фразеологической контаминацией один из частных случаев влияния - включение одной ФЕ в другую. Фактически, подобный пример представлен в качестве иллюстрации фразеологической контаминации, созданной способом линейного соединения фразеологизмов⁸ - оттягивать все и вся в долги и яды.⁹ Это признают и сами авторы: "В приведенном примере фразеологизм все и вся

4. Интересно следующее замечание, касающееся, правда, русского языка: "В распоряжении автора имеется больше двух тысяч примеров фразеологической контаминации разного типа..." /А.М.Бабкин, указ. соч., стр.100.

5. Л.М.Болдырева. Стилистические особенности функционирования фразеологизмов. Автореф. канд. дисс. М., 1967, стр.21.

6. А.И.Холотков. Указ соч., стр.105.

7. А.В.Кунин. "Основные понятия фразеологической стилистики" - "Проблемы лингвистической стилистики" /тезисы докладов/, М., 1969, стр. 4.

8. Термин предложен Л.И.Розензоном и И.В.Абрамцем - см. указ. соч.

9. Л.И.Розензон и И.В.Абрамцев. Указ. соч., стр.106.

включен во фразеологизм "откладывать в долгий ящик".¹⁰
/Разрядка наша - С.Р./ В данном примере имеет место ослож-
ненное клинивание - вклинивание с заменой ком-
понента откладывать на оттягивать/. Что
же касается других примеров линейного соедине-
ния фразеологизмов /унести ноги по-
добру - поздорову, гляди в оба - не бу-
дешь в дураках до гроба и т.п./,¹¹ то
мы рассматриваем подобные случаи не как фразеологическую контамина-
цию, а как стилистический прием использования
нескольких фразеологизмов в узком
контексте. Нужно учитывать, что в приведенных случаях
фразеологизмы легко вычлняются из контекста простым делением
/Ср. англ. He went like the wind full split (Jh.Ch.Haliburton,
"The Clockmaker", vol.I, ch.XXVI); He ...would seize a shovel
or a pick to work like a nigger for a spell... (S.O.Casey,
"Drums under the Windows", "At the Sign of the Pick and Shovel");
He enlarged upon her frock afterwards to Aunt Juley, who held
up her hands at his way of putting it. Fitted her like a skin -
tight as a drum; that was how he liked 'em... (J.Galsworthy,
"The Man of Property", Part II, ch.III)/.

Во всех трех примерах два фразеологизма стоят рядом и, в из-
вестной степени, связаны и дополняют друг друга. Однако связи в
таких случаях настолько непрочны, что можно безо всякого ущерба
даже произвести замену близкими фразеологизмами.

Напр., вместо full split - full pet, full tilt,
вместо to work like a nigger - to work like a horse (like a
a slave, a galley-slave...),
вместо for a spell, - for a time, for a while, etc.

По этой причине подобное использование фразеологизмов нельзя
рассматривать как фразеологическую контаминацию, создаваемую спо-
собом линейного соединения фразеологизмов. Во всех приведенных
примерах имеет место только использование нескольких ФЕ в узком

¹⁰. Там же, стр.105.

¹¹. Примеры взяты из указ. соч. Л.И.Ройзензона, И.В.Абрамед.

контексте. .

В случае же "истинной" /на наш взгляд/ контаминации при расчленении всегда нехватает одного или более компонентов. Напр., закричать караул **благим матом** /закричать караул + кричать **благим матом**/,¹² стереть в порошок **слица земли** /стереть в порошок + стереть **слица земли**/, жди ветра в поле /жди у моря погоды + ищи ветра в поле/¹³ и подоб.

Другое определение фразеологической контаминации, по сравнению с указанными выше, дает проф. А.М.Бабкин: "Под фразеологической контаминацией понимается объединение частей семантически сходных фразеологизмов...."¹⁴ /подчеркнуто нами - С.Р./. По-разному рассматривается и результат контаминации.

Так, проф. А.М.Бабкин считает, что фразеологическая контаминация приводит к образованию новой фразеологической единицы.¹⁵

Мы полагаем, что подобное мнение неверно, ибо такое новое образование не обладает одним из основных признаков, необходимых для отнесения его к ФЕ, а именно - **устойчивостью**.¹⁶

Более правильным, на наш взгляд, является мнение других ученых, считающих, что "об образовании новых единиц здесь можно говорить лишь условно", ибо "в подавляющем большинстве случаев это будут единицы речи".¹⁷

Сходное мнение встречаем мы и у А.И.Молоткова.¹⁸

12. Правда, некоторые фразеологи, напр., В.П.Жуков, А.И.Молотков, могут и этот пример воспринять как "линейное соединение фразеологизмов", ибо они рассматривают "благим матом" не как часть ФЕ, а как самостоятельный фразеологизм.
13. Примеры взяты из указ. работы А.М.Бабкина.
14. А.М.Ба б к и н. Указ. соч., стр.9. Ср. также: "К явлениям контаминации относится соединение компонентов двух разных несвободных конструкций, сходных по значению". - Н.К.Шведова, указ. соч., стр.71.
15. А.М.Ба б к и н. Указ. соч., стр.9.
16. Наше понимание "устойчивости" исходит из известной теории проф. А.В.Кунина, изложенной во многих его трудах.
17. Л.И.Р о й з е н з о н и И.В.А б р а м е ц, указ. соч., стр.105.
18. А.И.М о л о т к о в. Указ. соч., стр.105.

Мы рассматриваем фразеологическую контаминацию, в основном, как один из видов индивидуально-авторского преобразования, как один из стилистических приемов для достижения определенного стилистического эффекта - чаще всего в юмористических целях.¹⁹ Следовательно, говорить о фразеологической контаминации можно только как об окказиональном использовании ФЕ.

В следующем примере фразеологическая контаминация используется именно в юмористических целях.

I reckon that this Gerald Varney is O.K. right now; that after she bust out of that garage at Hampstead the dame has gone home an' gone to bed, an' is probably sleepin' some place like the babes in the wood. (P. Cheyney, "Your Deal My Lovely, p. 57).

Здесь участвуют ГКФЕ "to sleep like a baby" - /спать невинным сном, сном младенца/ + ФЕ babes in the wood - /простодушные, доверчивые люди; простак, сучье младенцы/. В результате контаминации выпадает слово a baby.

Фразеологическая контаминация может использоваться и для усиления /или уточнения/, что видно из следующего примера:

Louis, on the other hand, could afford a girl like Helen, and Helen, independent and intelligent, would be good for Louis. The liquor store owner decided that when the opportunity came he would talk turkey to her like a Dutch uncle. (B. Malamud, "The Assistant", p. 136).

В данном случае участвуют два фразеологизма^с одинаковым глагольным компонентом to talk^ф - to talk turkey /здесь: говорить прямо, начистоту, без обиняков/ + ГКФЕ to talk like a Dutch uncle /отчески наставлять кого-л; учить уму-разуму/ = to talk turkey like a Dutch uncle.

С более сложным случаем мы имеем дело в следующем примере:

You're as thin as a rake. Either this sleuthing job is too much for you or you've fallen in love. Bachelors like you always fall like a ton of rocks. J. Byron, "Or Be He Dead", ch. V /.

Автор не обольщается возможностью формально объединить при помощи контаминации ~~ли~~ ФЕ с одинаковым глагольным компонентом -

19. Это подтверждается, например, тем материалом, который И. В. Абрамец использовала для своего исследования /русские сатирические журналы 80-х годов XIX в./.

to fall/ to fall in love и to fall like a ton of bricks /. Ст-рого говоря, здесь имеет место использование фФЕ в узком контексте. Однако, если внимательно разобраться, то мы увидим, что во втором фразеологизме /ГФФЕ/ глагол to fall употребляется не в обычном значении, и все глагольное сравнение не обозначает "наброситься, обрушиться на кого-либо, задать головоломку". Этому способствует предыдущая ФФЕ to fall in love, которая подразумевается и в составе ГФФЕ - to fall /in love/ like a ton of bricks . Поэтому глагольное сравнение имеет здесь значение /приводим перевод последнего предложения/ - "Холостяки, подобно Вам, всегда влюбляются очертя голову /без оглядки/". Случаи такого употребления ФФЕ можно назвать нерысказанной или скрытой фразеологической контаминацией.

На основании всего вышесказанного предлагается следующее определение фразеологической контаминации.

Фразеологическая контаминация - это стилистический прием, устанавливающий синтаксическое и смысловое взаимосцепление двух или более ФФЕ благодаря утрате компонента как минимум у одного фразеологизма.

В заключение следует еще раз повторить, что приемом фразеологической контаминации пользуются, как правило, для обновления стертых ФФЕ или для создания особого стилистического эффекта. Если же контаминированное образование закрепляется в языке и становится узואльно употребляемым, то можно предположить, что оно со временем будет подвергнуто в речи очередной "обработке" - обновлению /не обязательно, конечно, при помощи контаминации/.

Насколько верной является данная гипотеза, покажут дальнейшие исследования этой интересной проблемы.

К ВОПРОСУ ОБ АНАЛИЗЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

/основные выводы/

1. Определить семантическую структуру многозначного слова или фразеологизма означает, во-первых, установить наличие значения слова или фразеологизма, во-вторых, выявить характер внутреннего соподчинения значений /основное, производное, периферийное и т.д./, в-третьих, - это главное - установить условия языкового выявления каждого из выделенных значений.

2. В целом при анализе семантической структуры многозначного слова или фразеологизма, очевидно, следует стремиться к выявлению в с е х факторов, определяющих отдельные значения анализируемого слова или фразеологизма. Это прежде всего такие факторы:

а/ логическое содержание семантического значения, устанавливаемое путем понятийной /"референтной"/ соотнесенности;

б/ условия дистрибутивного окружения семантического значения, в которых оно постоянно фиксируется и воспроизводится;

в/ соотношение данного семантического значения со всей лексико-семантической системой языка.

При обнаружении значений полисемантического слова или фразеологизма необходимо учитывать все вышеназванные факторы в их синтезе, так как они взаимодополняют друг друга.¹

3. Значения слов и значения фразеологизмов существенно отличаются друг от друга, что в свою очередь определяет и различие

1. См. обоснование этого в работе: Н.С.Д м и т р и е в а. К вопросу об установлении семантической структуры многозначных фразеологических единиц. - Вопросы теории и методики русского языка; Труды XI зональной научной конференции кафедр русского языка вузов Среднего и Нижнего Поволжья /15 - 18 мая 1967/. Ульяновск, 1969.

многозначности слов и фразеологизмов, а также средств выявления отдельных значений многозначных слов и многозначных фразеологизмов.

4. Самосущественное, на наш взгляд, отличие в семантике слов и фразеологизмов заключается в том, что в сфере слов наличествует большое количество слов-денотативов: *с о с н а*, *к а р а н д а ш*, *в о л к*, *р у к а в* и т.п., а в сфере фразеологизмов имеются в основном единицы, характеризующиеся известной обобщенностью семантического значения.

5. В связи с этим выявляется различие в факторах, определяющих развитие многозначности у слов и у фразеологизмов.

Действие факторов, определяющих развитие многозначности, различное у слов различной категориальной семантики, в частности, у слов различных частей речи. Так, для имен существительных основным фактором в развитии многозначности является логический фактор, т.е. развитие понятийного содержания значения слова, которое соответствует развитию содержания понятий, которое в свою очередь соответствует развитию и изменению в явлениях реального мира. В конечном счете, как видно, обнаруживаются общие признаки в самих реальных предметах: *с м.*, например, *з о н т и к* от дождя - *з о н т и к* цветка у семейства зонтичных; *р у к а в* костюма - *р у к а в* реки; *л е н т а* в косе девушки - *л е н т а* дороги, реки; *з о л о т о*, добываемое в Сибири, - *з о л о т о* садов осенью /или: "Сияло золото вечерних облаков" - Я.Полонский и Я/. Многозначность существительных изучают в основном сторонники традиционного языкознания.

В глаголе "в большинстве случаев /85-95 %/ логическая связь между исходным и производным значением перекрывается влиянием синтаксико-фразеологического окружения слова, которое выступает в глаголе основным фактором семантических изменений".² Иными словами, многозначность глаголов развивается и обнаруживается главным образом в связи с тем, что сопоставляются разные контексты употребле-

2: Г.С.Клычков. Специфика семантических изменений в различных частях речи. - Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1958. № 2, стр. 165.

ления глагола. Многозначность глаголов по душе в основном структуралистам с их хорошо разработанными дистрибутивными методами анализа. См. в этом плане книгу Ю.Д. Апресяна. "Экспериментальное исследование семантики русского глагола", Изд-во "Наука", М., 1967.

У фразеологизмов ведущими факторами, определяющими развитие многозначности, являются языковые факторы: влияние дистрибутивных признаков фразеологизма, различия в лексической сочетаемости, в средствах синтаксико-морфологической дифференциации: /формы опорных слов фразеологизма: ср. с ума сходить /сойти/ - "делать глупости, беситься...", с ума сойти! /только в форме инфинитива совершенного вида/ - "выражение крайней степени какого-нибудь чувства: удивления, восхищения и т.п.": с ума сойти как красиво!; различное управление, ср. с ума сходить - "делать глупости, беситься..." и с ума сходить от кого, от чего, по кому, по чему - "очень увлекаться кем-нибудь или чем-нибудь, очень любить"/.

Кстати, как показывает почти сплошной анализ фразеологизмов, можно подвергнуть сомнению довольно распространенное мнение, что фразеологизмы в большинстве случаев отличаются ограниченной лексической сочетаемостью.³ Как раз наоборот. См., например, фразеологизмы поставить на ноги, вскружить голову, встать поперек горла, положить руку, обвести вокруг пальца и многие другие.

6. В связи с различием типов многозначности у слов и у фразеологизмов находится различие в применении тех или иных средств для определения отдельных значений многозначного слова и фразеологизма.

Для анализа и многозначных слов, и многозначных фразеологизмов определяем, как уже было сказано:

3. В.П. Жуков. Фразеологизм и фразеологическое окружение. - Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. Том 160. Выпуск одиннадцатый. М., 1966, стр. 225-244.

- а/ логическое содержание семантического значения, устанавливаемое путем логической /"референтной"/ соотнесенности;
- б/ условия дистрибутивного окружения семантического значения, в которых оно постоянно фиксируется и воспроизводится;
- в/ соотношение данного семантического значения со всей лексико-семантической системой языка.

См., например, слова стол /существительное/, взять /глагол/ и фразеологизм сойти с ума.

Значения этих единиц выявляются путем синтеза средств а/, б/ и в/. Однако роль одного из средств в выявлении значений той или иной единицы преобладает. Так, разграничение значений слова стол /1. Предмет мебели..., 2. перен. Питание, пища. диетический стол. 3. Отделение в учреждении, ведающее специальными работами. Паспортный стол/ осуществляется в достаточной степени уже путем референтной соотнесенности.

Глагол взять. Значения этого глагола выявляются путем синтеза средств а/, б/ и в/, но преобладающими средствами являются, несомненно, б/ и в/. См. примеры в разных значениях:

- 1/ Взять книгу /тетрадь, карандаш, сигареты и т.п./.
- 2/ Поезд /автобус, человек, лыжник и т.п./ взял подъем /барьер, препятствие и т.п./.
- 3/ Фашисты /войска, захватчики и т.п./ взяли город /крепость, село, высоту и т.п./.

Сходить /сойти/ с ума. Значения этого фразеологизма выявляются также путем синтеза средств а/, б/ и в/. См. примеры в разных значениях.

1/ И все сильнее теки горячие ключи, осыпалась порода, а двое наших, из Луганю, сошли с ума /Горький й/.

Синонимы: выживать /выжить/ из ума, мешаться /помешаться/ умом, рехнуться, помешаться, чокнуться и т.п.

2/ /от кого, от чего; по кому, по чему/. А между тем от него

еще недавно женщины сходили с ума /Мамин-Сибиряк/.

Синонимы: без памяти /быть/ от кого, от чего; без ума /быть/ от кого, от чего; души не чаять в ком, в чем; терять /потерять/ голову.

3/ Господи благослови, - продолжала она, - с ума они сошли что ли? Того и гляди дерево сожгут /Тригорович/.

Синоним: /будто/ белены объелся /также: белены объелся?/.

4/ Пет, я схожу с ума, я ей сказал, что мы никогда не сможем быть вместе, женился, а теперь ревную /Эренбург/.

Синонимы: не находить /себе/ места, терять /потерять/ голову.

5/ Он /лед/ ломался... льдины лезли одна на другую, крошились и расплзались стремительно черными трещинами... - Черт, - сказал Корсаков. - С ума сойти! /Семенов/.

/Опорное слово фразеологизма только в форме инфинитива и совершенного вида, только приведенный порядок следования компонентов/.

Ср. также: с ума сойти какая красивая девушка, с ума сойти построить такой дом и т.п. /потеря категориальных признаков глагола/.

Несмотря на кажущуюся одинаковость средств обнаружения отдельных значений у многозначного слова и многозначного фразеологизма, они существенно отличаются друг от друга.

Фразеологизмы обладают известной обобщенностью своего значения, и определение отдельных значений многозначных фразеологизмов по их понятийной соотнесенности становится затруднительным. Большую роль в выявлении того или иного отдельного значения фразеологизма играет не его понятийная /"референтная"/ соотнесенность, а контекстуальные условия его обычного употребления, дистрибутивные признаки /лексическая сочетаемость: изо всех сил

бежать = "быстро", изо всех сил кричать = "громко"/, средства синтаксико-морфологической дифференциации /формы опорных слов фразеологизма: с ума сойти какая красивая девушка; управление: она сходит с ума от него/, пути и способы вхождения в общую лексико-семантическую систему русского языка /синонимы: с ума сходить от кого = /быть/ без ума от кого, /быть/ без памяти от кого; изо всех сил бежать = со всех ног, во все лопатки; изо всех сил кричать = во все горло и т.п./.

7. Необходимо подчеркнуть особенный характер отвлеченного значения фразеологизмов сравнительно с отвлеченным значением слов. Фразеологизмы, несмотря на абстрактный, отвлеченный характер своего значения, имеют /по сравнению со словами/ некоторые дополнительные возможности конкретизировать свое значение; эти возможности заложены в самой структуре фразеологических единиц: ведь фразеологизмы - это не отдельные слова, а фразеологические словосочетания, основанные на "сложении смыслов" /А.Н.Кожин/ отдельных слов. В этом отношении фразеологизмы похожи на сложные слова, которые, как правило, имеют гораздо большую степень конкретизации своего значения, чем простые слова. В этом отношении фразеологизмы, как и сложные слова, проявляют тенденцию к однозначности. "Подавляющая масса фразеологизмов однозначна" /В.П.Жуков/.

А. АБДУЛЛАЕВА /Самарканд/

ОБРАЗНОСТЬ СЛОВ И ОБРАЗНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Всероссийный межвузовский симпозиум фразеологов уже второй раз проводится в древнем, недавно отпраздновавшем свое 2500-летие, но вечно молодом Самарканде, что очень радостно ученым Самарканда.

Данное сообщение ставит целью раскрыть некоторые аспекты образности слова и фразеологической единицы /ФЕ/ на материале узбекской прозы. Образность достигается при мастерским использованием писателями различных художественных приемов /эпитеты, сравнения, метафоры, гиперболы, аллегория/, причем образный смысл возникает при метафорическом использовании слов и при умелой активизации стилистически нейтральных слов, наполнением их образностью.

Смысл слова в контексте выявляется из лексического окружения. Переносный смысл возникает в самом контексте. Это можно назвать зависимым смыслом образного выражения. Так, слово глаз содержит прямое значение "человеческий глаз", но в контексте слово "глаз" имеет переносное значение. - Хачма гап бизда ма-на шундай куз пайдо булганлигида... /Все заключается в появлении у нас такой сдирительности/.¹

В художественном произведении образность создается в различных контекстах, в частности при описании внутренних переживаний персонажей.

О, опаюним, у вақтада ўзимни бировага танитиш эмас, биров таниса хам тонар эдим. Менга ит теккан эди / там же , стр.255/.

/ - Э, ападан, в то время не только рассказывать - слова нельзя было сказать. От меня сразу же отказались бы /"Огни Кошчинара", стр.310/.

Различные художественные средства обнаруживают переносное значение слова, в частности, эпитета.

...У айтган катта толлар кулапти; бош тикмоқчи булган мактаб-маориф сохасига тамсан янги одамлар, олов шафасли ешлар келипти... /стр.176/. /ввались, сгнули все друзья-покровители, закрылись щели, куда стало прятаться. В органы просвещения пришли новые люди, горячая молодежь /"Огни Кошчинара", 1951, стр.223/.

1. "Огни Кошчинара", Ташкент, 1956, стр.135. /далее все примеры из этого романа /.

Одним из средств, придающих образность языку, является метафоризация значения слова. Замечено, что метафоризация передается посредством образной аналогии, сопоставления различных явлений и предметов. Так, например, при перенесении названия животных на человека. Напр.: - Катакда семириб етган то ву к учишиниг фойда-зиенини қаёқдан билсин? /то же произв., стр.169/.

/ - Логово кровавого дракона, который терзал людей, - вот что тут было! А колхозы вы оставьте в покое.../. /"Огни Кошчинара", стр.191/.

Образные выражения отличаются своими переносными значениями: 1/ они могут иметь в своем составе компоненты с переносным значением. Напр.: Бу гапни эшитиб, Канизак узун киш кечасини к и п р я к к о к м а й тонг оттирди /то же произв., стр.251/.

/Услышав об этом, Канизак за всю долгую зимнюю ночь не сомкнула глаз/. /"Огни Кошчинара", стр.308/. Словосочетание к и п р и я к к о к м а й употреблено в значении "не спавши".

2/ Образные выражения создаются при использовании сравнений, метафор, аллегорий, гипербола.

- Қиличингиз синди, калконингиз тешилли, домла, сичқон бўлиб кавакка кириб китаетибсиз... /там же, стр.178/. /Основной смысл фразы. Ваше время осталось позади/.

3/ Образные выражения передают различные психические состояния, а также абстрактные понятия.

Хотининиг бу гапи Бутабойнинг жон-жонидан ўтиб кетди, лекин бундаги кучли мантиқ, тилини борлади, хеч нарса дея олмади /стр.

91/. /Бутабой вспомнил ехидные слова жены - их мог повторить и Урманджан - и у него нехватило духу открыть истинную причину

/"Огни Кошчинара", стр. 123/.

4/ Нельзя разделять компоненты в образных выражениях и рассматривать каждое слово в их составе. Сабр қилсанг, гурадия ҳадво битар...

/там же, стр.152/ /Будем живы, здоровы - увидите меня на работе...

/"Огни Кошчинара", стр.218/.

Одним из важных видов образного обобщения является аллегория,

обычно построенная на сравнении. В сравнениях отражается отношение автора к действительности, при этом авторы не ограничиваются готовыми сравнениями, но часто сами создают новые, содержательные образные сравнения.

Слова, относящиеся к эмоциональным слоям лексики, усиливают образность высказывания и привлекают к нему внимание читателя.

- йу - йу - йук, ... Вой, болагинам. йу - йу - йук, ... Болам бечора тушида курқли.../ стр.199/.

- Нет, нет, дитяtko, нст! Никто тебя не обидит... Испугался, беденький!... /"Огни Кошчинара", стр.249/.

Образностью отличаются нередко звукоподражательные слова, выражающие различные эмоции, душевные переживания, а также воспроизводящие различные звуки и действия окружающей действительности.

Сиддикжон бошини куи солиб, ерга кириб кетгудай булиб "ч у р к" этмасдан утирди /читир произв., стр.8/. Сиддикжан сидел, низко опустив голову, готовый провалиться сквозь землю, и молча слушал жестокие, но глубоко справедливые слова земляка. /"Огни Кошчинара", стр.12/.

Одним из ^снаиболее эффективных средств образности является метафора.

- Ана холос... Раис правлениенинг боши, бригадир - правлениенинг кули, бош кулининг оуриганини билмаса... бу қандок булди? /То же произв., стр.81/. Вот так раз!.. Председатель - голва правления, бригадир его рука, и голова не знает, от чего заболела рука... Как же так? /"Огни Кошчинара", стр.109/. Метафоризация является, в сущности, базой оформления образных выражений. Она возникает в процессе речетворчества народа в целом и труда великих мастеров слова. Метафоризация не является наиболее характерной чертой художественного стиля романа, но безусловно играет значительную роль как средство экономии выразительных средств языка, его выразительности и эмоциональности.

- Биз Бутабой эгани раис қилганимизда, хозир колхоз янги кучиб кириляетган ҳовли; бу киши эпчил келин булиб бу ҳовлини саранжом - саришта қилиб туради, деб уилаган эдик. /читир произв., стр.66/.

- Когда мы выбирали Бутабая председателем, думали так: колхоз - наш родной дом, и этот человек, как расторопная невестка, будет хорошо и чисто содержать этот наш новый дом /"Огни Кошчинара",

стр.89/. В метафоре проявляются элементы сравнения и сопоставления:

1. Описывая значительные внутренние переживания, психическое состояние персонажа, писатель призывает и читателя сочувствовать персонажу: Урмонжоннинг кукрагидан кутарилган созуқ бир тулкин томоғига тикилиб кунглини оздирди /то же произв., стр.208/. Урманджан почему-то почувствовал к ним отвращение. /"Огни Кошчинара", стр. 260/.

2. Говорящий или пишущий для выражения своего отрицательного отношения к отдельной личности пользуется аллегорическими сравнениями, отрицательными по содержанию /этак - осел, роз - гусь, ит - собака, бури - волк, хукиз - вол, хайвон - животное, мушук - кот/. Иуфон киши худди розга ухшаб "гат-гат-гат" кулиб кулди /стр.72/. Толстяк громко захохотал. - Понятно, все понятно /"Огни Кошчинара", стр.97/.

3. Членами метафоры могут служить также названия частей организма человека: бет, куз, бурун, бел, елка, бош, тил и т.д.. Зуннунхужа... Сиддикжоннинг тилини узил-кесил боғлаш учун болалиқ бор! - деди. /стр.13/.

Этим Зуннунходда хотел окончательно связать язык Сиддикжану. Он сказал: У вас ребенок!

4. Метафорами передаются различные признаки и действия. Бу сув кишлоқнинг бутун дард-фалокатини, бутун кашшоқлигини ювиб кетаётгандай ҳамма шод-хуррам, ҳамма ақил, орада утган паст-баланд гаплар унутилган эди /стр.38/. Все радовались, все были довольны, как будто вода могла смыть все бедствия, все горе и нищету. Прежние раздоры и споры были забыты /"Огни Кошчинара", стр.54/.

5. Встречаются метафоры, выраженные служебными словами типа "орка" /спина/, ост /низ/, таг /низ/, уст /верх/, томон /стороны/.

6. Метафорами являются также названия одежды или частей одежды; этак /подол/, ека /ворот/. -Энди сизнинг этагингизни ушлаганим ушлаган, Урмонжон ака, - деб кузига еш олгандай булди /стр.35/.

Теперь я уже от Вас не отстану ни на шаг, Урманджан ака, - сказал он дрогнувшим голосом. - Ни за что не отпущу полу Вашего урлата! /"Огни Кошчинара", стр.48/.

Переносный смысл рождается на базе основной семантики слов и выражений.

Сатторкул янги раис булса хам куримасдан к у к л а м н и
т и з г и н л а б олди... /стр.16/.

Хотя Саттаркул новый председатель, не боясь з а у з д и л
в е с н у.

Образно создаются синонимические формы, при этом создаются синонимические ряды, основанные на том, что к именам положительных персонажей присоединяются слова типа ака/брат/, ука/мл.брат/, она/мать/, урил/сын/, ота/отец/, отахон/отец/, хола/тетя/, буви/бабушка/ и т.п.

Анализируя метафорическое употребление слов, мы, в частности, выяснили оттенки значений образных прилагательных. Можно встретить в приведенном выше романе качественно образные определения.

- Биз бугун кишлогимиз у с т и г а и к к и н ч и к у е ш
балниган кунни байрам қилмоқдамиз /стр.259/.

- Мы сегодня празднуем радостный день, когда над нашим кишлаком взошло второе солнце.

В этом предложении предстарление о солнце получает еще более образное обобщение и усиливается определениями; в приводимом отрывке речь идет о том, что миллины ранее угнетенных народов, пользуясь достижениями Октября, вышли на свободу.

Эпитеты в форме наречий, являясь художественными определениями по отношению к глаголам, выпукло оттеняют особенности действия.

Кун т и р т о р т и б дарёнинг у томонидаги адирларнинг
сирти тук-яшил, хилгалари кора туста кирди /стр.102/.

Солнце поднималось все выше, и склоны холмов за рекой скрасились в темнозеленый цвет. /стр.135/.

Такие образные эпитеты, выраженные в форме причастий и деепричастий, делают речь особенно динамичной и художественный образ более эффективным и действенным.

Образные слова или выражения могут раскрывать сложные душевные переживания и психическое состояние персонажа.

По своему содержанию образные выражения близко стоят к фразеологическим сочетаниям.

Фразеологические сочетания устойчивы, неразложимы, и этим отличаются от образных выражений.

Авторские фразеологизмы, созданные на базе общеупотребительных фразеологизмов, обычно повышают их образность и включаются в совокупность образных средств произведения в целом.

Г.Н. БРОУДО /Тамбов/

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И СЛОВ

Изучение стилистических функций фразеологических единиц и их синонимических отношений к словам предполагает исследование как стилистически окрашенных ФЕ, составляющих собственно фразеологию, так и многочисленных типов устойчивых сочетаний слов, не обладающих стилистической окраской, находящихся в большинстве случаев на периферии фразеологии.

Нейтральные устойчивые словосочетания используются преимущественно в номинативной функции, однако в некоторых случаях они могут употребляться с определенными стилистическими целями.

Это относится в первую очередь к аналитическим сочетаниям, содержащим в себе некоторые выразительные возможности, обусловленные особенностями своей структуры.

Глагольно-именные аналитические сочетания отличаются от ФЕ других типов тем, что их глагольный компонент сохраняет способность к проявлению своих грамматических свойств, а именной компонент не до конца утратил свое предметное значение. В силу этих своих свойств при наличии большой семантической спаянности глагольно-именные аналитические словосочетания обладают способностью присоединять определение к имени.

Например: "Il avait grande confiance dans l'expérience du vieux médecin" (Maupassant, "Mont-Oriol", p.12).

"Forestier même à qui il rendait mille service ne l'invitait plus à dîner" (Maupassant, "Bel-Ami", p.77).

Способностью распространяться определениями обладают главным образом аналитические сочетания с различной степенью аналитизма, состоящие из глагола широкого значения и оглагольного имени существительного, с ормленного артиклем: prendre une décision, prendre le plaisir, faire la guerre, jeter un regard, pousser un soupir, avoir un cri.

Компоненты таких словосочетаний характеризуются способностью к синтаксическому распространению благодаря тому, что существительное, оформленное артиклем, имеет все особенности, которые ему присущи как прямому дополнению. Такое существительное обладает наименьшей степенью обобщенности. Артикль конкретизирует его. Эта конкретизация увеличивает семантическую самостоятельность существительного.

Способность распространяться определениями является одним из важнейших синтаксических свойств имен существительных, входящих в состав аналитических сочетаний. Благодаря этому свойству аналитические словосочетания часто представляют более широкие возможности для характеристики действия по сравнению с синтетическим глаголом.

Употреблению аналитических словосочетаний нередко отдается преимущество в связи с тем, что сочетаемость существительных с именами прилагательными или другими существительными во многих случаях шире сочетаемости глагола. Это проявляется особенно наглядно в тех случаях, когда определения носят образный или метафорический характер. Например: "Il jeta sur les dîneurs attachés un regard rapide et circulaire, un de ces regards de joli garçon qui s'étendent comme un coup d'épervier" (Maupassant, "Bel-Ami", p.15).

Объем содержания этого контекста нельзя передать, заменив словосочетание jeter un regard глаголом regarder.

Употребление аналитических словосочетаний дает возможность не

только более полно охарактеризовать обозначаемое действие, но и дать ему ту или иную оценку: "Elle eut un geste désolé". (Zola, "Au bonheur des dames", p.103). "Elle poussa un soupir de femme qui va perdre connaissance" (Maupassant, "Bel-Ami", p.191).

Эти конструкции широко используются писателями для характеристики персонажей: "Henriette eut un geste de dédaigneuse insouciance". (Zola, "Au bonheur des dames", p.337).

Именной компонент аналитических словосочетаний может присоединять одновременно несколько определений, тогда как синтетический глагол таким свойством не обладает: "Charlette jeta sur Paul un regard de détresse, un regard implorant et désolé" (Maupassant, "Mont-Oriol", p.213).

Структура аналитических словосочетаний дает писателю возможность разнообразить ритмическое членение предложения. Так, например, группировка определений с именем в центре создает впечатление ритма: "Christiane eut un grand frisson d'attente". (Maupassant, "Mont-Oriol", p.111). "Il poussa un long soupir de joie" (Maupassant, "Bel-Ami", p.101).

Таким образом, структура аналитических словосочетаний дает писателям возможность усилить выразительность не только самого аналитического сочетания, но и более широкого контекста. В силу указанных свойств писатели в ряде случаев отдают аналитическим сочетаниям предпочтение перед соответствующим синтетическим глаголом.

Х.С. ИБРАГИМОВА /Самарканд/

К СОТНЕСЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ И СЛОВА
В КОНТЕКСТЕ

/на материале немецкой разговорной речи/

Вопросы взаимодействия фразеологической единицы /ФЕ/ и слова в существующей литературе рассматриваются по преимуществу в

обметеооретических /логико-семантических и психологических/ аспектах. Один из таких аспектов - наиболее сложный и вместе с тем актуальный в теории фразеологии - характер соотносённости ФЕ со словом.

Однако в стороне остаются вопросы такого взаимодействия ФЕ и слова в функционально-речевой сфере - контексте. На наш взгляд, вопросы соотносённости ФЕ и слова не могут быть полностью решены вне ориентации на более широкую функционально-коммуникативную сферу. Функционально-коммуникативная сфера обнаруживает какого-то застывшего статуса ФЕ в ее соотносённости со словом. Она дает возможность установить степень совпадения или несовпадения ФЕ и слова, а также их стилистического значения. Различная соотносённость ФЕ и слова определяется различными типами включения ФЕ в контекст.

Особенно показательны в этом отношении некоторые разряды раз-

1. Многие ученые подчеркивают, что нельзя говорить об абсолютной эквивалентности ФЕ и слова. Так, И.И.Чернышева справедливо считает, что "решение проблемы объема фразеологии с позиции эквивалентности ФЕ слову обречено на неудачу - эта теория приравнивания к лексической единице носит искусственный характер". См. И.И.Чернышева. Фразеология современного немецкого языка /Фразеология как система и ее связь с системой лексики/, Автореф. докт. дисс., М., 1964. А.В.Кунин приводит ряд интересных принципов, лежащих в основе теории соотносённости ФЕ со словом. См. сб. Вопросы фразеологии "Фразеологизм и слово", Ш, Самарканд, 1970, стр.108-110. Ю.Ю.Авалиани рассматривает ФЕ и слово как "единицы, принадлежащие к различным уровням языка". См. Ю.Ю.Авалиани. Слово и фразеологизм в иранских языках; е е же: Слово - фразеологизм - контекст. Сб. Вопросы фразеологии. "Фразеологизм и слово". Ш, Самарканд, 1970, стр. 6-14.
2. Термин "стилистическое сознание" заимствован у Л.М.Болдыревой. См. Стилистические особенности функционирования фразеологизмов /на материале совр. худ. л-ры и прессе ГДР/. Автореф. канд. дисс., М., 1967.

говорных ФЕ, например, междометные, типа *Gott sei Dank!* - "слава Богу!", *der liebe Gott!* - "боже мой!", */geh/ zum Teufel!* - "иди/ к черту!" и т.д. Как и междометные слова вообще, такие ФЕ непосредственно выражают различные эмоции и волеизъявления. Объединяет такие ФЕ - формулы с междометными словами то, что первые и вторые не вступают в синтаксические связи с контекстом. Однако данные ФЕ при всем их лаконизме представляют собой целостные предложения, в то время как междометные слова являются лишь эмоциональными вкраплениями в предложении. Ср.: *Du lieber Gott-* /формулу/ и *ach*, *wie schön* - /междометное слово/.

Междометные ФЕ синтаксически стоят особняком по отношению к тому высказыванию, с которым они связаны по смыслу, и представляют собой законченные междометно-восклицательные предложения. Следовательно, в этом смысле они грамматически независимы от других единиц фразы и обладают тем самым относительной синтаксической самостоятельностью.

Однако в определенных функционально-речевых сферах вышеуказанные ФЕ могут трансформироваться и быть соотнесены со словом. Это осуществляется главным образом тогда, когда они переносятся из сферы непосредственной разговорной речи в язык художественного произведения.

Такая трансформация касается, в первую очередь, логико-семантической стороны ФЕ: она включается в более широкий контекст и приобретает номинативную значимость. С синтаксической стороны преобразованные ФЕ становятся уже структурными элементами самой фразы, как и слова в самостоятельной функции. Вступая в новые семантические отношения, эти ФЕ лишаются своего междометного характера и связанного с ним интонационного рисунка. Таким образом, они превращаются фактически в другие в функционально-семантическом отношении ФЕ. Ср., например, формулу */geh/ zum Teufel!* - "к черту!", которая как указывалось выше, не соотнесена с отдельным словом. Попадая в условия особого контекста, эта ФЕ обнаруживает непосредственную соотнесенность со словом. Так, например: *Als das ganze Parlament zum Teufel ging, da haben alle erwartet...*

/A. Seghers, *Der Weg durch den Februar*, S. 518/.

В данном случае ФЕ /geh/ zum Teufel!, сохраняя основной состав своих компонентов, но подвергаясь структурной трансформации /изменение глагольной формы/, приобретает семантическую соотнесенность со словом durchfallen . Как и глагол, она вступает в живые синтаксические связи с элементами фразы, в которую эта ФЕ включается/обнаруживает соответствующие категориальные признаки глагола/, выполняя в целом предикативную функцию.

ФЕ - формула Der liebe Gott! - "боже мой!" в зависимости от ситуативной направленности выражает самые различные чувства /волнение, радость, удивление, возмущение/. Она также, как и рассмотренная выше формула, не соотнесена со слогом.

Однако в особых условиях эта ФЕ может включаться во фразу на правах члена предложения, приобретая непосредственную соотнесенность со словом. Например: Hitler war für ihn der liebe Gott/A.

Seghers , Das liebte Kreuz, S . 84/. Эта ФЕ в данном контексте может быть соотнесена со словом /alles - die höchste Person /.

Таким образом, соотнесенность ФЕ со словом приобретает осложненный и многогранный характер в функционально-речевой сфере, обнаруживая различные случаи такой соотнесенности.

Е.А.МАЛИНОВСКИЙ/Самарканд/

О СПЕЦИФИКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ СРАВНИТЕЛЬНО С ЛЕКСИКОЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

I. Настоящий симпозиум - первый серьезный разговор о том, что общего между фразеологизмом и словом и что их принципиально разделяет. До этого исследователи, как правило, ограничивались общими рассуждениями о фразеологизме и слове как единицах двух разных языковых уровней. На симпозиуме, в частности, было установлено, что проблема "фразеологизм - слово" значительно шире и многосложнее, нежели это принято было считать до недавнего времени.

В свете вышесказанного заслуживает, в частности, внимания во-

прос о том, что специфического у фразеологизма по сравнению со словом, когда оба типа этих единиц используются как элементы художественно-речевого изображения.

II. Известно, что первоэлементом художественного произведения является слово. Это утверждение великого пролетарского писателя стало аксиоматическим и ни у кого не вызывает возражения. Однако нужно заметить, что это определение функциональной значимости слова не является полным и достаточным: дело в том, что и фразеологизм в равной степени является первоэлементом художественного произведения; практически невозможно, чтобы произведение, претендующее на художественность, оставалось таковым без использования фразеологического богатства того или иного языка.

III. Итак, мы пришли к самоочевидному выводу, что первоэлементами художественной литературы являются и слово, и фразеологизм.

Означает ли это, что природа их общей функциональной тождественности нивелирует особенности их конкретного функционирования в произведении в качестве средств художественной изобразительности? Отнюдь нет.

IV. Когда мы о том или ином писателе говорим как о большом мастере художественного слова, то при этом, кроме всего прочего, всегда имеется в виду одно и то же, а именно: во-первых, что данный писатель умеет своеобразно, по-своему, во многом неповторимо использовать слова в художественных текстах, т.е. создавать свежие, оригинальные лексические сцепления и выявлять, "доставать на поверхность" скрытые в словах значения; во-вторых, в таких случаях имеется в виду авторская обработка устойчивых словесных комплексов, т.е. различные целенаправленные трансформации этих выражений, что позволяет их не только стилистически разнообразить и обновлять, но и "приспосабливать" их для наиболее целесообразного включения в художественные тексты.

Если говорить о лексике и фразеологии как художественно-изобразительном материале, "первоэлемента" писателя, то между ними /кроме уже хорошо известных и неоднократно отмечавшихся различий, связанных с их различной языковой природой/ нетрудно обнаружить еще одно весьма существенное различие: если слова, как правило, остаются в процессе творческой работы писателя без изменений /исключ-

чения здесь весьма спорадичны и нехарактерны/, т.е. сохраняется в неприкосновенности, по меньшей мере, внешнее /формальное/ тождество слова /при возможных семантических преобразованиях/, то фразеологические выражения довольно часто подвергаются различного рода изменениям — формальным и смысловым.

Именно здесь и находится водораздел, отделяющий слово от фразеологизма в области стилистического использования этих единиц.

Если подходить к слову и фразеологизму как языковому материалу художественного произведения именно с таких позиций, то в этом случае изучение фразеологического богатства того или иного писателя сведется прежде всего и больше всего к своеобразию использования автором этих выражений. Точнее говоря, к тому, как данный писатель обрабатывает тот или иной фразеологизм, какими он при этом пользуется приемами трансформации устойчивых словесных комплексов и т.д.

Анализ языка художественных произведений и, в частности, стихотворений Сергея Есенина полностью подтвердили наше положение о специфике использования слова и фразеологической единицы как художественно-образительных элементов.

Н.В. КОСЕК /Одесса,

СЛОВО И ФРАЗЕОЛОГИЗМ СО ЗНАЧЕНИЕМ *Maqn* ПРИ
ОТРИЦАТЕЛЬНОМ АРГУМЕНТЕ

Данная работа опирается на идеи семантического синтеза, предложенные в исследованиях Апресяна — Жолковского — Мельчука.¹ Семантический параметр *Maqn* имеет смысл "очень", "в /самой/ высокой степени".²

1. А.К. Жолковский, И.А. Мельчук. О семантическом синтезе. — "Проблемы кибернетики", вып. 19, М., 1967.
2. Специальному исследованию параметра *Maqn* в русском языке посвящена статья И.И. Убина "Выражение параметра *Maqn* в русском языке" — "Машинный перевод и прикладная лингвистика", вып. II, М., 1969.

В качестве ключевого слова /i₀/ - аргумента функции magn - в данной работе выбирается глагол или имя с отрицанием. Значение семантического параметра Magn, и в простой и в склеенной форме, допускает выражение как отдельным словом, так и фразеологизмом, причем слово и фразеологизм для одного и того же аргумента выступают как близкие синонимы: "знать досконально", "знать как свои пять пальцев".

Особенность выражения значения Magn при отрицательном аргументе заключается в том, что значение Magn не может не вступать в семантическое взаимодействие с отрицанием при ключевом слове.

В русском языке можно выделить четыре различных случая взаимодействия Magn с отрицательным аргументом:

1. Magn (~ + i₀)
2. Magn (~ + i₀)
3. Magn (~ + i₀)
4. Magn [(~ + i₀) + валентность]

Рассмотрим последовательно особенности выражения значения Magn в русском языке для каждого из этих случаев.

I. Для многих прилагательных с префиксальным не- значение Magn выражается в русском языке заменой префиксального не- префиксом без-, что семантически сводится к чередованию слабого/сильного отрицания:

/неопасный/ —³ /безопасный
/нелюдный/ — /безлюдный
/нецеремонный/ — /бесцеремонный и др.

Таким образом, здесь значение функции Magn передается с помощью изменения словообразовательного форманта.

К этому же случаю /I/ можно отнести антонимы, не имеющие названия для промежуточных понятий. Член противопоставления с префиксом не- имеет значение ослабленного отрицания, и роль Magn для него выполняет слово, антонимичное исходному:

Magn /глупый/ — , безнадёжно, как пробка
Magn /неглупый/ — /умный
Magn /богатый/ — баснословно, /миллионер

3. Символ "3" перед значением семантического параметра обозначает его склеенную форму.

Magn	/небогатый/	---	/бедный
Magn	/здоровый/	---	совершенно, как бык
Magn	/нездоровый/	---	/больной
Magn	/дорогой/	---	баснословно, чрезвычайно, непомерно
Magn	/недорогой/	---	/дешевый
Magn	/легкий/	---	как пух, как воздух, /невесо- мый
Magn	/нелегкий/	---	/тяжелый
Magn	/любить/	---	безгранично, безумно, страстно
Magn	/не любить/	---	/ненавидеть

Значение функции Magn от полученных антонимов в сопоставлении с исходным аргументом и его отрицанием образуют своеобразные цепочки смысловых противопоставлений градуального типа:

Magn	/быстрый/	---	как ветер, /молниеносный
Magn	/не-быстрый/	---	/медленный
Magn	/медленный/	---	как черепаха
Magn	/здоровый/	---	совершенно, как бык
Magn	/не-здоровый/	---	/больной
Magn	/больной/	---	/на ладан дышит
Magn	/дорогой/	---	баснословно, непомерно
Magn	/не дорогой/	---	/дешевый
Magn	/дешевый/	---	/даровой, /дешевле грибов
Magn	/любить/	---	безгранично, беззаветно, всей душой
Magn	/не любить/	---	/ненавидеть
Magn	/ненавидеть/	---	смертельно

Как видно из приведенных примеров, значения Magn в них выражаются или отдельным словом или фразеологизмом. Особенно разветвленная система идиоматически выраженных значений параметра Magn представлена в случаях так называемого "сильного отрицания" - т.е. тогда, когда мы сталкиваемся не с отрицанием признака, а с утверждением признака, зеркально противоположного исходному.⁴ Это тесно связа-

4. G. E. von Wright. On the Logic of Negation.- Commentationes Physicomathematicae, v. XXII, N. 4, 1959.

жает их об слонами, не включающими в свой состав отрицания:

Магн	/беспомощный/	---	как ребенок, как слепой щенок
Магн	/неблагодарность/	---	черная
Магн	/несправедливость/	---	вопиющая
Магн	/беспорядок/	---	невообразимый, /хаос

Таким образом, и здесь значение лексической функции Магн относится к единому семантическому целому - /~ + i₀ /.

2. Совпадение значений Магн для неотрицательных и отрицательных понятий возможно только в случаях шаблонных, стертых слов типа "огромный", "страшный", "полный":

Магн	/друг/	---	большой, верный, близкий, старый
Магн	/недруг/	---	б о л ь ш о й
Магн	/счастье/	---	о г р о м н о е, безгранич- ное, безоблачное
Магн	/несчастье/	---	о г р о м н о е, страшное
Магн	/порядок/	---	п о л н ы й, образцовый
Магн	/беспорядок/	---	п о л н ы й, хаос
Магн	/внимание/	---	п о л н о е, полнейшее
Магн	/невнимание/	---	п о л н о е, полнейшее

Таким образом, здесь значение Магн идиоматично связано с семантикой ключевого слова, взятого без отрицания, само же отрицание на сочетаемость не влияет.

3. Вышеописанным примерам противопоставлены случаи, в которых значение Магн усиливает, подчеркивает выражение момента отрицания.⁵ Для передачи такого более энергичного отрицания обычно употребляются местоименно-наречные слова "совсем", "нисколько", "ничуть", прилагательные "полный", "абсолютный", а также фразеологизованные обороты "ни капли", "ни чуточки" и др. При этом, сопоставление с Магн от соответствующих ключевых слов без отрицания показывает, что различие в самой семантике аргумента никак не влияет

5. О большей/меньшей степени выражения отрицания в русском языке см. Б.З.В и н о г р а д о в, Русский язык, М.-Л., 1947, стр. 671.

на способ выражения значения функции:

Magп	/бороться/	---	яростно, ожесточенно, не на жизнь, а на смерть
Magп	/не бороться/	---	совсем, нисколько
Magп	/важный/	---	жизненно, чрезвычайно
Magп	/не-важный/	---	совсем, нисколько
Magп	/вмешательство/	---	наглое, грубое
Magп	/невмешательство/	---	полное, абсолютное
Magп	/дуть/	---	бешено, неистово
Magп	/не дуть/	---	совсем, нисколько, ни капли

4. Очень интересны и многочисленны в русском языке случаи, когда выражение значения параметра *magп* при отрицательном аргументе по форме совпадает с реализацией валентности ключевого слова.

Как правило, такие значения *Magп* выражаются фразеологизмами или их компонентами:

Magп	/не видеть/	---	ни зги
Magп	/не знать/	---	ни черта, ни шиша, ни фига, ни ле- шего
Magп	/не смыслить/	---	ни уха ни рыла

Таким образом, само наименование отрицаемого объекта /одна из возможных реализаций валентности аргумента/ становится тождественным выражению смысла "очень", "в высокой степени", ср., например, эквивалентность:

- 1/ не видеть совсем, совершенно
- 2/ не видеть ни зги

Иногда зависимость между аргументом и значением функции *Magп* оказывается более сложной: на способ выражения *magп* непосредственно влияет реализация семантической валентности аргумента:

Magп	/не иметь денег/	---	ни гроша, ни полущки, ни обола, ни копейки
Magп	/не иметь дома,		
Magп	и мушкетера/	---	ни кола ни двора
Magп	/не иметь про-		
	дуктов/	---	ни крошки, ни капли

К этому же типу примыкают склеенные формы "ни гласа ни воздуха-

ния", "ни слуху ни духу", "ни складу ни ладу" и др.

Если в состав аргумента входит непереходный глагол, то значение *магд* выражается обстоятельственными словами /т.е. реализуется валентность, характерная для данного глагола/:

магд /не двигаться/ --- ни с места

магд /не приблизиться/ --- ни на шаг

магд /не виноват, непричастен/ - ни душой ни телом, ни сном ни духом

Все эти фразеологические сочетания выражают значение экспрессивно усиленного отрицания, являясь контекстуальными синонимами местоимения "нисколько".

Стилистически окрашенные варианты для "никто", "никого" - "ни один черт", "ни одна собака", "ни души" - отличаются от соответствующих местоимений лишь высокой экспрессивностью и потому не могут считаться выражением значения семантического параметра *магд*.

М.Ф.ПАЛЕВСКАЯ /Кишинев/

ТИПЫ ЗНАЧЕНИЙ ФЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТИПАМИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ

/на материале русского языка ХУШ в/

ФЕ и слово - элементы разных уровней языка, поэтому типы значений слов не могут быть безоговорочно перенесены на ФЕ. Типы значений ФЕ должны быть установлены в соответствии с их особенностями. При установлении типов значений можно исходить: а/ из способов образования и развития значений, б/ из условий их реализации.

Типы значений, выделяемые в зависимости от способа образования и развития значений

I. Некоторые свободные сочетания слов вследствие нарушения

отношения между денотатами и денотаторами подвергаются фразеологизации, приобретая целостное значение и синтаксическую неделимость. Например, свободное сочетание слов "сорвать маску" выражает отношение действия к объекту. В результате образного переосмысления следствия действия на объект, но в отвлечении от действия и объекта "сорвать маску" приобретает значение **ра-зосбл ач ить** и превращается в качественно иную единицу языка. Сравните: Граф в маскараде показал неучтивость дожессе де Бурбон, сорвав с нее маску. Фонвизин, Письма из Франции; Свойство комедии ср ыв ать маск у с поро-ка... Плавильщиков, Комедия. Такой тип значений может быть назван **ЦЕЛОСТНЫМ ОБРАЗНЫМ**. Это очень продуктивный тип образования ФЕ и их значений. Целостное образное значение ФЕ в известной степени сближается с переносным значением слов. Однако полного соответствия между ними нет. Переносное значение может быть только вторичным, его появление не нарушает единства семантической структуры слова; целостное образное значение возникает не только в качестве вторичного, но и формируется одновременно с возникновением ФЕ. Поэтому у слова все значения не могут быть переносными, а ФЕ все значения могут быть целостными образными. Например, у ФЕ "скалить зубы" все значения: 1/. смеяться, 2.негодовать, 3.завариться на кого- что-либо- относятся к целостному образному слову.

2. В образовании целостного значения ФЕ могут принимать участие отдельные элементы семантической структуры слов. Этот **СЛИТ-НЫ ЭЛЕМЕНТНЫЙ** или **СЛИТНЫЙ ЧАСТИЧНЫЙ** тип значения наблюдается у ФЕ: наш брат, наша сестра, ваш брат, ваша сестра, их брат, их сестра, свой брат, своя сестра, соотносительных с личными местоимениями мн.ч. **МЫ, ВЫ, ОНИ**, но в отличие от последних выражающих, раздельно значение совокупности лиц мужского и женского пола. Выделение данного типа значения производится на основе сопоставления элементов семантической структуры компонентов и ФЕ. Для этого используется разбиение на первичные семантические элементы слов **БРАТ, СЕСТРА** /таблица "а"/¹ местоимений **НАШ, ВАШ, ИХ** /та-

1. Т.П.Домтев. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики /Термины родства в русском языке/. ФН, 1964, №2; Принципы выделения дифференциальных семантических элементов /в лексике/, Ученые записки, Пермский университет, 1969, № 192 /е го ж е/.

блица "б"/ и ФЕ /таблица "в"/.

таблица "а"

им.сущ.	семантические элементы			
БРАТ	свойство муж.пола	свойство рожденного	свойство кровной связи с родителями	свойство рожденного к другому лицу по
СЕСТРА	свойство жен.пола	свойство рожденного	свойство кровной связи с родителями	свойство рожденного к другому лицу по

таблица "б"

местоим.	семантические элементы			
НАШ	свойство принадлежности	свойство принадлежности	свойство совокупности	1л.с др.лицам
ВАШ	свойство принадлежности	свойство принадлежности	свойство совокупности	2л.с др.лицам
ИХ	свойство принадлежности	свойство принадлежности	свойство совокупности	3л.с др.лицам

таблица "в"

ФЕ	семантические элементы			
НАШ БРАТ	свойство м.пола	свойство рожденного	свойство совокупности	1л.с др. лицами
НАША СЕСТРА	свойство ж.пола	свойство рожденного	свойство совокупности	1л.с др. лицами
ВАШ БРАТ	свойство м.пола	свойство рожденного	свойство совокупности	2л.с др. лицами
ВАША СЕСТРА	свойство ж.пола	свойство рожденного	свойство совокупности	2л.с др. лицами
ИХ БРАТ	свойство м.пола	свойство рожденного	свойство совокупности	3л.с др. лицами
ИХ СЕСТРА	свойство ж.пола	свойство рожденного	свойство совокупности	3л.с др. лицами

Из сопоставления таблиц "а" и "б" с таблицей "в" становится очевидным, что из набора семантических элементов существительных БРАТ, СЕСТРА сохранился только элемент "свойство м/ж. пола", а от набора семантических элементов местоимений - "свойство совокупности 1/2/3 лица с другими лицами". В результате утраты одних элементов и синтеза других в языке возникла серия ФЕ с указательным значением. Например: Черхоглядов. Он сделал то, что все наши братья вояжеры должны делать. Лукин, Кепетильник; К чему нужна для нашей сестры любовь молодых господчи-

ков? Крылов, Почта духов.

3. Словосочетание вступает в речи в различного рода отношения с другими словами. Эти связи в зависимости от своего проявления, частотности могут оказать значительное влияние на переобразование данного словосочетания и привести к его фразеологизации. Так, свободное сочетание "открыть /разинуть/ рот /пасть, уста/" входит в ряд последовательных действий - "открыть рот, заговорить", например: Наконец открывает сна свой рот и предсказует Повиков, Живописец. В процессе употребления вследствие закрепившейся за свободным сочетанием предсказуемости становится возможным опущение предсказуемого слова /глагола речи/ и перенос его значения на предсказуемое словосочетание, которое подвергается фразеологизации и по значению приравнивается к глаголу речи. Сравните: Сумбурова, Перестань врать и пойдй лучше к карете: Ты что рот разинешь, то соврешь. Крылов, Модная лавка. Такой тип значения может быть назван КОМПРЕССИВНЫМ.

К компрессивному типу значения относятся все значения ФЕ БИТЬ ЧЕЛОМ. В языке ХУП-ХУШ в. эта ФЕ имела целый ряд значений: 1. низко кланяться, 2. просить, 3. благодарить, 4. жаловаться, 5. жаловать. Первое значение возникло на основе свободного сочетания слов: Когда не зрели львы величья меры в том, Чтобы им кланялись усердно, бь я челом... Княжнин, Ода. Все следующие значения возникли аналогичным путем, но уже на основе не свободного сочетания слов, а сложившейся ФЕ. Действие, обозначенное ФЕ, сопровождало или сопровождалось другим действием, выраженным глаголом. В процессе употребления ФЕ получала значение одновременного действия, глагол опускался. Зависимая от глагола предложно-падежная форма имени оставалась и служила показателем нового значения ФЕ. В памятниках письменности ХУП-ХУШ в. встречаются случаи употребления ФЕ при глаголе просить и в значении "просить". Сравните: Засим тебе гсдрь дочерншко твоя Уляшка благословения прося челом бьет. С.И.Котков, М.Н.Панкратова, "сточники русского народно-разговорного языка ХУП в; И он бьет челом хлеба и ты гсдрь отпиши нам. Там же. Данный тип значения очень продуктивен. Большинство ФЕ модели

"предлог + имя существительное" возникли вследствие компрессии.

Компрессивный тип значения не характерен для слов. Единичные случаи относятся к более позднему времени, например, значение "опытный" у слова тертый /из "тертый калач"/.

4. Семантическая структура ФЕ может быть очень емкой, полно характеризовать какой-либо процесс, состояние, признак. В условиях определенной ситуации такая ФЕ может реализовать не все значение, а лишь его часть. Следствием употребления как полного, так и частичных значений будет появление в языке полисемантической ФЕ, в которой исходное значение противопоставляется частям значения. Возникшие таким путем значения относятся к ДРСФНОМУ типу. Емкой семантической структурой, характеризующей всю совокупность проявления определенного состояния, обладает ФЕ СОЛТИ С УМА - "быть больным в результате повреждения центральной нервной системы". Части этого целостного значения реализуются в языке как значения полисемантической ФЕ: 1. "поступать не так, как следует, принято" /Делаида. Что ж ты, мать моя, не с ума ли сошла, уж на белой бумаге писать стала. Сумаоков, Сбора у мужа с женой/; 2. "выражать чувства восторга, восхищения с наивысшей степенью интенсивности" /Я с ума было сошел от радости, узнав, что сии комедианты вхожи в дом дядюшки моего... Фонвизин, Чистосердечное признание/; 3. "возмущаться, волноваться, отчаиваться сверх меры" /Вскипятили. Я схожу с ума! Я прожил все именье. Клушин, Алхимист/. Судя по данным ССРЛЯ, такой тип значения возможен и у слов. Например: "Удрученный. 1. Крайне огорченный, находящийся в подавленном, угнетенном состоянии. 2. Подавленный, угнетенный" /т. XVI, стр. 358-9/; "Брат. 1. Каждый из сыновей, имеющих общих родителей, в отношении к другому сыну или сестре. 3. В просторечии. Форма дружеского или фамильярного обращения к кому-либо" /т. I, стр. 608/.

Выделенные типы значений свойственны основной массе ФЕ и являются характерными для слов. Количество слов, значения которых могут быть подведены под те или иные типы, незначительно; основная масса слов остается за пределами этой классификации /например, слова с номинативным значением/. Переносные значения слов не могут быть подве-

дени под тип ЦЕЛОСТНЫХ ОТРИЦАНИЙ, а только в какой-то степени приближены к нему. СЛИТНЫЙ ЧАСТИЧНЫЙ тип значения у слов не наблюдается.

М.Д. ГОРОДПИКОВА /Москва/

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ИХ МЕСТО В РАЗЛИЧНЫХ МИКРОСИСТЕМАХ

0.1. Фразеологизмы^I тяготеют к различным языковым уровням.

Наличие единого значения и грамматической оформленности свидетельствуют об их принадлежности к лексико-семантическому уровню, оформленность в виде словосочетания сближает их с уровнем синтаксическим, стилистическая маркированность говорит об их отношении к стилистическому уровню.

Чтобы отделить ведущие, конституирующие признаки фразеологизмов от признаков второстепенных, целесообразно применить системно-структурный подход; при этом анализ микросистем /экстралингвистически, лингвистически детерминированных/ должен предшествовать структурному анализу фразеологизмов.

0.2. Основой для анализа был выбран фрагмент словаря, соответствующий участку действительности "эмоции, эмоциональное состояние человека". Сложность самих явлений /ср. их толкование в современной психологии, философии/ позволила предположить, что членение соответствующего фрагмента словаря будет многообразным, и это даст возможность проследить как его системную организацию, так и структурные особенности входящих в его состав слов и фразеологизмов.

Сопоставление этих единиц в парадигматическом и синтагматическом планах должно способствовать выявлению их свойств.

I. I. Слова входят в состав к л а с с и ф и к а ц и о н н ы х

I. В докладе рассматриваются идиомы /фразеологические сращения/, находящиеся в центре фразеологической подсистемы языка.

микросистем /тематических групп и рядов/, отражающих определенные отрезки действительности. Эти микросистемы имеют различное строение: от закрытых групп с достаточно четкой структурной организацией до широких объединений тематического характера. Наряду с простыми, производными, сложными, сложнопроизводными, иноязычными словами и словами с подаффиксами, куда входят и фразеологизмы: *schweres Herz, geknickte Lilie, Trübsal blasen sich etw. zu Herzen nehmen, die Flügel hängen lassen, wie ins Herz getroffen, wie vor den Kopf geschlagen* и многие другие. Связи единиц в подобных микросистемах имеют экстралингвистическую обусловленность, в них отражены и наивные представления о мире, т.е. фольклорная техника, закрепляя предшествующие стадии мышления, не всегда соответствует современному научному познанию. /Во фразеологизмах с "Herz" отражена наивная картина человеческой психики: сердце - устройство, при помощи которого мы чувствуем, переживаем/. Эти классификационные микросистемы отличаются от терминологических, исходящих из систематики данной науки и предопределяющих место термина в языковой системе его местом в теории данной науки.

1.2. Слова входят в различные словообразовательные микросистемы диахронного и синхронного характера, объединяющие их как по этимологической общности /гнезда слов/, так и по общности корневой морфемы /развертывание словарного поля/ или аффиксальных морфем /словарные блоки и ниши/. Образование слов - закономерный процесс, поддающийся моделированию /напр., применение аппликативной порождающей модели С.К.Шаумяна для эксплицирования процессов словообразования/. Значение слова зависит от его места в словообразовательных парадигмах.

Фразеологизмы не входят в микросистемы, обусловленные морфемной организацией. Порождение фразеологизмов связано с иными закономерностями, что существенно затрудняет его моделирование. Значение фразеологизма не зависит от принадлежности к словообразовательной парадигме.

1.3. Слова находятся между собой в отношениях оппозиции как структурных /словообразовательных/, так и семантических. Приме-

ром структурной оппозиции могут служить слова с антонимичными суффиксами / *achtsam-achtlos* /. Семантические оппозиции выступают у синонимов / *herstellen, erzeugen, anfertigen, produzieren* /.

У фразеологизмов встречаются оппозиции только семантические. Фразеологизмы могут входить в состав оппозиций синонимического характера, никогда при этом не являясь доминантой синонимического ряда: *täuschen, blauen Dunst vormachen, hineinlegen, auf den Leim führen, Sand in die Augen streuen*. Семантические оппозиции антонимического характера также встречаются у фразеологизмов: *fideles Haus - München blond; Schwein haben - Pech haben; Gott sei Dank! - leider Gottes!*

2.1. Синтагматические свойства слова находят выражение в его дистрибуции: разные классы слов характеризуются различными моделями сочетаемости. Наиболее показательна дистрибуция глаголов, отражающая число его обязательных и факультативных синтаксических валентностей, синтактико-морфологические способы заполнения актантов /субкатегоризация/, лексико-семантическое заполнение актантов /сегментация/.

Можно сопоставлять дистрибуции фразеологизма и его слова-идентификатора или входящего в его состав конституента в свободном употреблении.

2.2.

I	legen ₃		I	ans Herz legen ₃	
II	leg n _____	Sn, Pa, pS	II	ans Herz legen Sn, Pa, Inf	
III	Sn _____	Nom	III'	Sn _____	Nom
	Sa _____	1 + Anim	Sa _____	Nom	
		2 Refl	Inf _____	Act	
	p = in, auf		Inf _____	Refl	
	pS _____				

ср. также *legen* и *zu Bett bringen, für die Nacht fertig machen*.

У фразеологизмов, как и у слов, в синтагматическом плане наличествуют синтаксическая валентность, лексическая солидарность, семантическая сочетаемость. Но фразеологизмы своей моделью сочетаемости, как правило, отличаются от слов, имея меньшее число "степеней свободы", чем слово.

3.1. Сопоставление свойств слов и фразеологизмов в парадигма-

тическом и синтагматическом планах позволяет подойти к сложнейшему вопросу об их значении. То, что фразеологизмы вместе со словами входят в различные микросистемы, обуславливает, наряду с другими факторами, соотношение определенных разрядов слов и фразеологизмов и предопределяет характер значения фразеологизмов, связанный с классами слов /частями речи/.

3.2. В значении слова наиболее существенным представляется обобщенный характер отражения действительности через посредство формальных /не-содержательных/ понятий. В этих обобщениях могут участвовать и конкретные, чувственные элементы, но насыщенность ими у разных слов различна /ср., напр., бытовые слова и научные термины/.

Виртуально-актуальный характер словесного знака проявляется в различиях его семантической структуры на различных уровнях.

3.2.1. На уровне языка это упорядоченное множество лексико-семантических вариантов, в том числе и потенциальных. В зависимости от степени обобщения лексико-семантическим вариантам присуща иерархическая организация: прямое номинативное, производно-номинативное, переносное значения. Для знаменательного слова типично наличие нескольких лексико-семантических вариантов - полисемия. Лексико-семантические варианты характеризуются своим компонентным составом - категориальными /грамматическими и семантическими/ и индивидуальными /семантическими/ компонентами. Отдельные лексико-семантические варианты по-разному отражают объективную действительность, они могут отличаться своим денотативным, сигнификативным, эмотивным, синтаксическим /структурным/ значениями.

3.2.2. Только контекстуальная актуализация в речи, синтаксические, лексические и семантические связи с другими словами позволяют значениям лексико-семантических вариантов приобрести четкость и точность, необходимую для выполнения коммуникативной функции. На этой основе возникают и новые значения.

В речи значения слов связаны с их морфемным членением. Компонентный состав семантической структуры слова на уровне речи манифестируется в значениях морфем, хотя изоморфизм между определенными видами компонентов и морфем /напр., категориальными компонентами и аффиксами/ наблюдается не всегда.

Мотивация значения словесного знака в речи опирается как на его морфемный состав, так и на дистрибуцию.

3.3. Фразеологизмы в своем значении также обобщенно, через посредство формальных понятий, отражают действительность. Но в их значении конкретно-чувственные элементы встречаются чаще, чем у слов.

3.3.1. Наличие лексико-семантических вариантов, характерное для знаменательных слов, у фразеологизмов представлено ограничено. Являясь единицами высоких уровней абстракции, они обладают производными или, чаще, переносными значениями.

Компонентный состав фразеологизмов представляет собой своеобразный сплав категориальных и индивидуальных компонентов значений слов-конституентов данного фразеологизма.

sich ein Herz fassen — категориальные синтаксические компоненты лексико-семантического варианта "fassen"; индивидуальные семантические компоненты лексико-семантического варианта "Herz".

Распределение компонентов значения фразеологизма — одна из причин своеобразия его сигнификативного и эмотивного значений, отличающая его от значений слов.

3.3.2. Значение фразеологизмов в речи связано с их словесным членением. Интегрирующие элементы фразеологизма, соотносящие его с определенным классом слов, выражены не морфемой, а словом или эксплицитно не выражены вообще.

Zerrissenes Herz — соотносительность с существительным выражена существительным; mit Leib und Seele — соотносительность с наречием не выражена.

meiner Seele! — соотносительность с междометием не выражена /выражена интонационно/.

3.3.3. Дифференцирующие элементы, определяющие индивидуальное значение фразеологизма, не прямо указывают на явления действительности, а связаны с ней различными ассоциациями.

Ассоциации эти вызывают в сознании образные представления, начиная от предметных /Stein, Brett, Apfel, sauer, beißen/ и кончая символическими Herz, Seele, Teufel/. При этом выделяется признак, существенный не в логическом плане, а образный, пра-

метный в бытовом плане, в том числе и отражающий наивные представления, верования, обычаи.

Так, значение фразеологизма *Schwein haben* исторически связано с швейцарским обычаем в шутку награждать поросенком человека, занявшего в состязании стрелков последнее место. Впоследствии этот фразеологизм стал обозначением незаслуженного звания.

4. Место фразеологизмов в различных микросистемах - тематических, радигматических и синтагматических объединениях, характерные для них с идентификативными и эмотивными значениями, наличие и своеобразие их интегрирующих и дифференцирующих элементов - обуславливают их структурную расчлененность и имеют своим последствием их так наз. образность, метафоричность и стилистическую маркированность. Отсюда вытекает и возможность использования фразеологизмов в таких разных областях, как поэзия, реклама.

4.2. Прямая к лексическим средствам выражения отношения к действительности, фразеологизмы являются метазнаками особого рода. Их характеризует асимметричность отношений между расчлененностью формы и целостностью значения, между значениями элементов и целого. Несмотря на уникальность фразеологизмов, их место в микросистемах разного характера и их значение подчиняются закономерностям лексико-семантической системы данного языка и они, наряду со словами, являются конституентами лексико-семантического уровня.

ИНСТИТУТ Л.Н.КОРДАНСКАЯ /Москва/

К ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
ТИПА "ДУХ ЗАХВАТЫВАЕТ ОТ ВОСТОРГА"

1. В русском языке существует довольно обширная группа несвободных словосочетаний, обозначающих некоторое физическое проявление определенного душевного или физического состояния: *дух захватывает /от восторга/*, *язык прилип к гортани /от страха/*, *ноги подкашиваются /от страха, от усталос-*

ти/, поджилки трясутся /от страха/, зуб на зуб не попадает /от страха, от холода/, кровь стынет в жилах /от страха, от ужаса/, глаза налились кровью /от гнева, от напряжения/ и т.д. Мы хотим выяснить, как целесообразно описывать эти словосочетания в толково-комбинаторном словаре, предложенном в работах Ю.Д. Апресяна, А.К. Долковского, И.А. Мельчука.¹

2. Ясно, что рассматриваемые выражения прежде всего несут информацию о чувстве /или общем физическом состоянии - усталости, напряжении и т.д./. Следовательно, они обязательно должны быть в словарных статьях слов, обозначающих чувства. В этих словарных статьях данные выражения удобно описывать с помощью лексической функции *Sympt* /"симптом"/². Например, *Sympt* /страх/: язык прилип к гортани, ноги подкашиваются, поджилки трясутся, зуб на зуб не попадает и т.д. Однако приведенные выражения не являются синонимичными - они обозначают разные физические симптомы страха. Отразить указанные смысловые различия можно следующим образом. Будем считать функцию *Sympt*, в отличие от принятой точки зрения /в соответствии с которой все лексические функции - одноаргументные/, двухаргументной: одним аргументом является указание на "причину симптома" /чувство или общее физическое состояние/, а другим - указание на то, в чем состоит симптом, т.е. указание на конкретную физическую реакцию. Тогда мы получим более точное описание данных выше выражений:

Sympt /страх, "остановка" /язык/: язык прилип к гортани;

Sympt /страх, "остановка" /ноги/: ноги подкашиваются; *Sympt* /страх, "неположенное движение" /ноги//: поджилки трясутся; *Sympt* /страх,

1. Ю.Д. Апресян, А.К. Долковский, И.А. Мельчук, О системе семантического синтеза, "Научно-техническая информация", 1966, № II, стр. 48-55; "Научно-техническая информация", серия 2, 1968, № II, стр. 8-20.

2. О лексических функциях см. в указанных работах о толково-комбинаторном словаре.

"неположенное движение" /зубы//: зуб на зуб не попадает, зубы стучат /конверсивное выражение: лягзгать зубами/.

Таким образом, для описания некоторых фразеологизмов может оказаться целесообразным введение двух аргументных лексических функций.

3. Указание на физическую реакцию состоит из указаний на тип реакции и на реагирующую систему. Выделено несколько типов реакций: "остановка", "неположенное движение", "покраснение", "пробледнение", "жарко", "холодно" и некоторые другие. Типы реакций можно рассматривать как частные лексические функции, для которых аргументом являются слова, обозначающие реагирующую систему. Например, смысл "остановка", как показывают рассмотренные выражения, выражается по-разному для языка и ног; ср. еще "остановка" /дыхание/: дух захватывает, дыхание перехватывает; "остановка" /разум/: оступеть, обалдеть, потерять голову, не помнить себя; "остановка" /тело/: остоленеть, оцепенеть, заереть, застыть, окаменеть.³ Особенность большинства выражений, соответствующих лексическим функциям "остановка", "неположенное движение" и т.д., в том, что их смысл богаче смысла соответствующей реакции. Они должны быть описаны при словах, обозначающих реагирующую систему, приблизительно так:

"остановка" /дыхание/ как $\Sigma_{\text{упт}}$ /восторг:// дух захватывает / // - знак "склеивания"/;

"остановка" /дыхание/ как $\Sigma_{\text{упт}}$ /гнев/: перехватывает;

"остановка" /тело/ как $\Sigma_{\text{упт}}$ /горе/: //окаме -

3. Все выражения, начиная с оступеть, отличаются от предыдущих по своему синтаксическому строению: здесь название субъекта реакции является подлежащим, а не косвенным дополнением /ср. он оцепенел и у него дух захватил/. Кроме того, в этих выражениях отсутствует исходное слово /разум, тело/: они рассматриваются как результат "склеивания" исходного слова и слова, соответствующего лексической функции "остановка" /о "склеивания" см. указанные работы/.

н е т ь; "остановка" /т е л о/ как *Sympt* /в о с т о р г/:// з а м е р е т ь и т.д. Таким образом, оказывается, что один из аргументов двухаргументной функции *Sympt* может быть представлен другими /одноаргументными/ лексическими функциями.

4. "так, рассматриваемые фразеологизмы предлагается помещать не только в словарных статьях слов, обозначающих чувства, но и в словарных статьях слов, обозначающих "место" реакции. Это соответствует тому, что эти выражения несут информацию не только об определенном чувстве, но и об определенной физической реакции. Кроме того, эти фразеологизмы сами по себе должны образовывать отдельную словарную статью, где будет дано их толкование /описание в терминах лексических функций не является толкованием/. Общая форма их толкований такова: 'реакция X под влиянием душевного или физического состояния'. Например, д у х з а х в а т ы в а е т - 'дыхание прерывается / = как бы останавливается/ под влиянием острого ощущения или острого положительного чувства'. Ср. д у х з а х в а т ы в а е т о т в о с т о р г а / б л а ж е н с т в а / м о р о з а .

5. Отметим еще следующую специфику рассматриваемых фразеологизмов как способов выражения лексической функции *Sympt*. Обычно смысл языкового выражения X, соответствующего лексической функции F от слова Y, не включает смысл слова Y - за исключением случаев склеивания. Здесь же, хотя никакого склеивания нет /выражения д у х з а х в а т ы в а е т, я з ы к п р и л и к г о р т в и н и, н о г и п о д к а ш и в а ю т с я и т.д. всегда можно уточнить указанием причины - от в о с т о р г а, с т р а х а и т.д./, смысл выражения X /например, д у х з а х в а т ы в а е т/, соответствующего функции *Sympt* от слова Y /в о с т о р г/, включает в себя смысл слова Y /см. толкование в п.4/.

6. Предложенное описание рассматриваемых выражений удобно для целей перевода с одного языка на другой. Во-первых, часто неконгруэнтные на первый взгляд выражения оказываются конгруэнтными при представлении их в терминах лексических функций. Например, испанское выражение для сильного волнения *el corazón le iba a*

toda velocida букв. 'его сердце шло на всей скорости' и русское выражение с другой внутренней формой его сердце готово было выскочить из груди на уровне лексических функций предстараются одинаково, а именно Sympt /волнение/emocion, "неположенное движение" /сердце/corazon //. Еще пример: русское он глаза выпучил /от удивления/ или у него глаза на лоб полезли /от удивления/ и татарское ике күзе дурт булды букв. 'его два глаза превратились в четыре' представляются как Sympt /удивление/гажаплан, "неположенное движение" /глаза/кү//. Во-вторых, помещение всех подобных выражений в словарные статьи слов, обозначающих чувства, удобно и для более сложной ситуации перевода. Имеется в виду случай, когда в каком-то языке чувство X обозначается такой реакцией, которая не принята для обозначения этого чувства в другом языке. Тогда из выражений, соответствующих функции Sympt от слова, обозначающего чувство X, следует выбрать выражение, которое обозначает какую-то близкую реакцию, а если такого нет, опустить смысл реакции и выразить только смысл 'испытывать сильное чувство X.' Например, таджикское выражение му й-хои бадаиаш хест букв. 'волосы его тела встали' обозначает некоторое глобальное /во всем теле/ неприятное ощущение и употребляется, когда речь идет о сильном раздражении, гневе, ярости. В русском для обозначения этих чувств не существует соответствующего выражения. При переводе на русский указанного выражения, употребленного для ситуации ярости, можно из словарной статьи ярость выбрать симптом "неположенное движение" /тело/, т.е. выражение затрясся от ярости.

Т.А.ТУЛИНА /Одесса/

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА *Движения* С ОТРИЦАНИЕМ КАК
ЛЕКСЕМЫ И КАК НЕЗАМКНУТОЙ УСТОЙЧИВОЙ ФРАЗЫ

Конкретное существительное с отрицанием в составе сказуемого

обычно не фигурирует, ср. замечание А.М.Пешковского о реальностях, "которых и без того никто не предположил бы /железо не камень, дерево не железо/". Не случайно примеры общеотрицательных предложений, приводимые в трудах по синтаксису, содержат преимущественно глагольное сказуемое, а именной присягочный член представлен, главным образом, прилагательным и причастием.

Свободное употребление в речи конкретного существительного с отрицанием как сказуемого ограничено крайне узкой внеязыковой ситуацией - необходимостью исправить ошибку собеседника, неправильно классифицировавшего предмет, например: "Вкусный мед?" - "Это не мед"; "Мальчик, где твоя мама?" - "Я не мальчик".

Фразеологизованное употребление тех же и некоторых других существительных с отрицанием, образующих "формулу сказуемого незамкнутой устойчивой фразы" /В.Л.Архангельский/, связано с совершенно иной и гораздо более частой внеязыковой ситуацией - необходимостью дать оценочную характеристику предмету - и сопряжено с существенным семантическим сдвигом в значении конкретных существительных: участие в отрицательном сравнении придает им дополнительное значение отвлеченной оценки, исходное же лексическое значение при этом не исчезает, а принимается за эталон для имплицитного сравнения /"№ 1 не № 2" понимается как "№ 1 не похож на № 2", его признаки не совпадают с признаками № 2"/. Поэтому правомерно говорить о компрессии текста в предложениях, содержащих устойчивую субстантивную формулу с отрицанием и вмещающих в себе значительно больший объем смысла, чем равные им по объему предложения со свободно употребленным в сказуемом именем с отрицанием.

Рассмотрим несколько соответствующих параллелей.

1. НЕ МЕД, НЕ САХАР. Эти существительные без отрицания в ряде языков легли в основу устойчивых компаративных оборотов типа "сладкий, как мед /сахар/", что было предопределено "стабильностью реальных и их свойств, а также опытом любого человеческого коллектива",¹ они же закономерно образовали устойчивые отрицательные обороты скрыто компаративного значения, служащие отрицательной

1. Л.И.Ройзензон, Ю.Ю.Авалиани. Современные аспекты изучения фразеологии. Сб. "Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе". Вологда, 1967, стр.73.

характеристикой предмета или процесса, например: Вообще должность старпома - не сахар; В бедности житьишко не мед.

Обе незамкнутые УФ в компрессивной форме высказывают одну и ту же сложную мысль о том, что некий X /предмет или процесс/, который собеседник склонен считать приятным, на самом деле таковым не является. При парадоксальном употреблении эти формулы могут характеризовать даже такой предмет, отрицательные свойства которого столь явны, что никаких иллюзий на его счет не может возникнуть ни у кого, например: Ко всем болезням и этой страшной контузии горб - тоже не сахар.

В равной мере здесь могла бы быть употреблена и формула "не мед". Из функциональной общности обеих формул проистекает их полная взаимозаменяемость, которая для омонимичных им простых лексем с отрицанием совершенно исключена, ср. невозможность замены "не сахар" на "не мед" в таком, например, случае: - Не забудь стряхнуть скатерть, ты там сахар рассыпала. - Это не с а х а р.

П. НЕ МЛАДЕНЕЦ, НЕ ДИТЯ, НЕ РЕБЕНОК, НЕ МАЛЬЧИК, НЕ ДЕВОЧКА.

В свободном употреблении эти существительные с отрицанием применяются к еще не взрослым человеческим особям, перешедшим в следующую возрастную группу, и нередко распространяются наречием "уже", подчеркивающим, что переход на новую ступеньку завершился, например: - Ну, как там ваш младенец развивается? - А он уже не м л а д е н е ц. Так бегаёт!

Ты уже не д и т я, поэтому слушай внимательно и постарайся запомнить все; Мама, я не м а л ь ч и к, у меня давно усы растут, а ты со мной все как с мальчиком обращаешься.

Четкие семантические различия между названными лексемами, связанные с градацией детского возраста, в устах взрослых, когда они применяют эти слова к себе, полностью нивелируются, так как изменяется задача и смысл высказывания. Из констатирующего конкретную возрастную приметку оно становится оценочно-квалификационным, то есть более отвлеченным, и на первый план выдвигается не различие между ними, а общая сема "инфантильности", которая делает формулы этой группы в значительной степени взаимозаменяемыми /исключе-

ние составляют только "не мальчик" и "не девочка", продолжатели выступать в качестве своеобразных аллоформул/.

Противоположение взрослого не-взрослому может проходить по разным линиям, поэтому только контекст позволяет окончательно выяснить, эталоном каких именно граней незрелости /беспечности или небрежности, неопытности или неумения постоять за себя и мн. др./ выступает в нем та или иная формула, ср.: Матросы же не дети и во флоте кое-что понимают; - Так что будем делать? Может, лишим его приммиальных? - Ха! Петр Иванович тебе не мальчик, он там такую бучу поднимет!..

Таким образом, можно говорить об омонимичности формул сказуемого и соответствующих лексем с отрицанием.

Незамкнутые фразы этой группы отличаются от простых лексем с отрицанием и характером распространения. Так, им не свойственно распространяться наречиями "уже", "совсем", ибо в устах взрослых, особенно немолодых людей, указание на возрастную преемственность исчезает /поэтому, например, пожилая свекровь не может сказать невестке: "И уже не девочка"/. Взамен появляется другая возможность распространения особым дательным, который зависит не просто от слова, а от слова "в функции определенного члена предложения /сказуемого в двусоставном именном предложении/", ср.: "И тебе не девочка, чтобы ты надо мной шутики шутила".

Сложный смысл высказываний с подобными формулами заключается в том, что говорящий, выдвигая эталон некоторого качества, неявно предполагаемого соседником в нем /например, в данном случае - безответность, готовность безропотно подвергаться насмешкам/, предлагает ему в дальнейшем на эти качества в себе не рассчитывать. Распространяющий их дательный также компрессивен /например, "тебе" означает: "Ты так не думай", "вопреки твоему мнению об этом"/.

Ш. НЕ ДЕНЬГИ. Свободное употребление лексемы "деньги" с отрицанием в сказуемом вообще не характерно. Возможны лишь единичные ситуации, вроде игры детей в магазин, в которой за покупки

2. А.А.К а м и н и н а. О подчинительных связях слов в простом предложении. Изд-во МГУ, 1970, стр.15.

расплачиваются фантиками, а одна из участниц выступает с критикой: "Фантики - не деньги. Неинтересно так играть".

Гораздо более характерно употребление существительного "деньги" с отрицанием в качестве оценочной формулы для суммы, которая в определенной ситуации осознается как незначительная. Это нашло свое отражение в ряде пословиц, записанных В.И.ДАЛЕМ /напр., "Не дал бог ста рублей, а пятьдесят рублей не деньги"; "Ста рублей нет, а рубль не деньги"/, на базе которых, очевидно, возникла незамкнутая УФ.

Сравнительно со свободным употреблением здесь налицо аyntонимический скачок, ибо вообще в рублях исчисляются именно деньги, в связи с чем фраза без отрицания оказывается неинформативной и потому неупотребительной /"Рубль - деньги"/, в отличие от построенной по особой фразеосхеме "И рубль - деньги", где подчеркивается полезность даже небольшой суммы для ее обладателя.

Только в области фразеологии, с присущими ей семантическими сдвигами, могла возникнуть такая парадоксальная параллель, как "и копейка - деньги" и "500 рублей - не деньги".

IV. О к к а з и о н а л ь н ы е ф о р м у л ы.

1/ Семантические сдвиги в сторону обозначения эталона широких возможностей претерпевают в определенной сфере деятельности в окказиональных формулах сказуемого с отрицанием существительные, называющие профессию. Ср.: у М.Светлова: "Оступался. Я - не скорход"; в речи пожилой домохозяйки: "Я не балеряна на одной ножке прыгать". Отрицание не предполагавшейся принадлежности к лицам данной профессии в этих случаях перерастает в компрессивное по форме сообщение с усложненным смыслом, приблизительно равным такому: "Я в своей области не могу действовать столь же эффективно, как они в своей".

2/ Оценочную семантику приобретают в окказиональных формулах и имена собственные; достаточно сравнить разные функции их в предложениях: "Это не Л и л я, это ее сестра" и "Это тебе не Л и л я, она так легко не простит"; ср. также высказывание Тараса Бульбы про Андрия: "Добрый воляка, не Остап...".

а добрым вояка" /где Остап - эталон казацкой доблести/; оцен-
ку Остапа Бендера, данную им по поводу увиденного в городе /Рба-
гове: "Нет, это не Рио де Жанейро" /эталон
modus'a vivendi /; в разговорной речи: "Надеюсь, ваш муж - не
О т е л л о" /эталон ревности/, "Я не Т а н я, меня не
обманешь" /эталон легковерия/ и пр.

Проведенный нами сопоставительный анализ свидетельствует:
1/о резком семантическом размежевании имени с отрицанием как лек-
семы и как фразеологизма, вплоть до образования новых синоними-
ческих групп, омонимических и антонимических пар; 2/о расхожде-
ниях в присущих им особенностях распространения; 3/об уменьше-
нии семантического расстояния между отдельными группами рассмот-
ренных незамкнутых У, вплоть до объединения их под эгидой одного
смыслового парадигма: "Х не так по качеству, каким собеседник
/или многие/ его себе представляют".

Употребление этих формул ведет к существенной экономии тек-
ста.

С.Б.БЕРЛИЗОН /Рязань/

ВЫРАЖЕНИЕ ЭКСПРЕССИВНОСТИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ
В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЕ И СЛОВЕ

Проблема соотношения ФЕ и слова, их сходства и различия,
очень актуальна и чрезвычайно важна, ибо от ее решения зависит
определение объекта и объема фразеологии как особой лингвистиче-
ской дисциплины. Однако, успешное решение этой проблемы невозмож-
но без детального и всестороннего исследования смысловой струк-
туры ФЕ по сравнению со словом. Недостаточная разработанность
многих вопросов семантики, особенно фразеологической, вызывает
необходимость, в первую очередь, выделить и разграничить неоднो-
родные по своей природе типы значений в смысловой структуре ФЕ
и слова, уточнить их дифференциальные признаки и выявить специ-

фические семантические категории для фразеологии и лексики.

Общеизвестно, что среди выразительных средств языка ведущая роль принадлежит фразеологии. Несмотря на это, наименее изученным аспектом смысловой структуры ФЕ, как и слова, до сих пор остается их стилистическая сущность, под которой мы понимаем совокупность экспрессивных, эмоциональных и стилистических свойств.

Цель исследования - рассмотреть лингвистическую природу экспрессивности и эмоциональности как лингвистических категорий и формы их реализации в фразеологии и лексике, что может способствовать более полному выявлению сходства и различия между ФЕ и словом. Анализ именно этих категорий представляет особый интерес: 1/ будучи типичными для ФЕ, они во многом определяют специфику фразеологической семантики; 2/ следствием их недостаточной изученности, пагубно влияющей на теорию и практику лексикографии, является а/ их совершенно неоправданное отождествление или неразличение грани между ними и собственно стилистической характеристикой ФЕ /слова/, б/ отсутствие единой, научно обоснованной системы экспрессивных и эмоциональных помет, а также неполное, а иногда даже искажающее толкование экспрессивного и эмоционального своеобразия ФЕ /слова/ в словарях. Рассматриваемые категории во многих случаях служат не столько объектом исследования, сколько предметом общих, бездоказательных рассуждений, что дает возможность отдельным авторам безоговорочно, совершенно неправомерно относить целые группы ФЕ к штампам.

Под экспрессивностью языковых средств, выполняющих выразительную функцию, мы понимаем наличие экспрессии - выразительной, воздействующей силы ФЕ /слова/. Экспрессия - способность фразеологизма /слова/ выразить понятие ярко, наглядно, красочно, передавать интенсивность его смыслового содержания, наивысшую степень признака, напряженность действия, создавать "особое восприятие" - своеобразный компонент его смысловой структуры, обусловленный особенностями его семантики, формальной структуры, звукового состава /например, black as hell, when pigs fly, sweep back the ocean, ding-dong, dumbfounded /.

Под эмоциональностью языковых средств, выполняющих эмоцио-

нальную функцию, мы понимаем их способность выражать различные эмоции³ /гнев, радость, восторг, восхищение, презрение и др./ и эмоционально-субъективную оценку-отношение ласковое, дружелюбное, одобрительное, шутовское, ироническое, пренебрежительное, презрительное к предметам, явлениям, фактам действительности. Эмоциональность фразеологизма /слова/ определяется его эмоциональной отнесенностью и наличием в его смысловой структуре своеобразного компонента-эмоционального значения /разных видов/,⁴ реализующего эмоцию, а не понятие о ней, и позволяющего ему непосредственно выразить /но не обязательно вызывать/ различные эмоции и эмоционально-субъективную оценку /pshaw!, oodness, gracious!, dear heart!, hold /fig./, tadpole! /. Поскольку лингвистическое выражение эмоций обладает большой выразительной силой, эмоциональные ФЕ и слова составляют самый яркий разряд экспрессивной фразеологии и лексики.

Следует четко различать экспрессивность и эмоциональность в языке и речи: языковая экспрессивность и эмоциональность - два разных аспекта единого, четырехаспектного стилистического значения /СЗ/,⁵ характер и степень которых во многих случаях определяют взаимосвязанные с ними категории, составляющие два других аспекта СЗ, а именно, собственно стилистическую характеристику ФЕ /слова/: а/функционально-стилистика и б/нормативно-стилистика, обуславливающий стилистическую маркированность или нейтральность ФЕ /слова/.

ФЕ и слово-качественно и функционально различные единицы языка, отличающиеся формальной структурой /раздельнооформленностью ФЕ и цельнооформленностью слова/, спецификой внутреннего содержания /отличием фразеологической семантики от лексической/ и особенно назначением: служить "номинантами" предметов, явлений действительности /это типично для слов/ или их экспрессивными или эмоциональными характеристиками /это характерно для ФЕ/. Различия между ФЕ и словом не могут не быть связанными с факторами, обуславливающими их экспрессивность и эмоциональность, так и с выражением этих категорий в их смысловой структуре, что, в свою очередь, подчеркивает их дифференциальные признаки.

а) Ведущая роль в формировании экспрессивности и эмоциональности ФЕ и слов принадлежит семантико-стилистическим средствам. Однако если ряд тропов /метафора, метонимия, гипербола, антифразис, антономазия/ свойственны ФЕ и словам, то отдельные тропы /сравнение, оксюморон, перифраз, антитеза/, создаваясь в рамках словосочетания, присутствуют только в ФЕ; лексические средства /тавтологический повтор, редупликация компонентов, сопоставление синонимов, антонимов, слов одного тематического ряда/ более характерны для фразеологии /grim and more grim/, хотя используются и в лексике /hanky-panky /; в/э в фонические средства /ономатопея, аллитерация, рифма/ играют важную роль в создании экспрессивности звукоподражательной лексики и эмоциональности сложных слов с редупликацией основ. В фразеологии аллитерация и рифма играют вспомогательную роль в создании выразительных свойств ФЕ.

Основу экспрессивности ФЕ составляет их семантическая дублированность—одновременное осознание значения целого и несоответствующего ему буквального значения компонентов, благодаря этому ФЕ, как мотивированные, так и немотивированные обороты, наделены экспрессивностью. Сама сущность ФЕ — "устойчивого сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением" — предопределяет ее экспрессивность. Слова, за исключением идиоматичных сложных и сложно-производных слов, во многих случаях эмоционально окрашенных, семантически дублированы только в переносном значении, что, естественно, лимитирует экспрессивные возможности лексики.

Сравнение визуальной экспрессивности ФЕ и слова выявляет в силу их специфических свойств следующие различия в выражении этой категории: экспрессивность достигает гораздо большей силы, яркости, наглядности и находит более широкое распространение в фразеологии, чем в лексике. Подтверждением этого могут служить многочисленные эмфатические ФЕ разной структуры и стилистической направленности с мотивированным или немотивированным значением: средние — "интенсификаторы", усиливающие семантику прилагательных и глаголов /as/like hell /, и "интенсивы", имеющие в своем со-

стае "интенсификат" и "интенсификатор", которые передают наглядную степень признака, а также напряженности действия /*As plentiful as blackberries, talk nineteen to the dozen*/. Эти ФЕ выражают большую степень экспрессивной эмпазы, чем слова с усиленным значением /*dog-tired, bored stiff, bliss*/>.

Сравнение окказиональной экспрессивности ФЕ и слова выявляет: а/очень широкий диапазон варьирования ФЕ, возможный благодаря ее раздельнооформленности, чем достигается особая выразительность, большей яркости и силы, за счет неожиданного эффекта, создаваемого различными видами деформации ее структуры. Это совершенно исключается в слове, всегда сохраняющем свою цельнооформленность при любом способе приращения ему выразительности.

Сравнительный анализ эмоциональных ФЕ и слов выявляет следующие различия в выражениях этой категории.

В отличие от лексики, способной выражать оценку предмета, явления, признака, действия в виде: а/бесстрастного суждения о "желательности или нежелательности явлений, о соответствии их каким-либо нормам или требованиям" /интеллектуально-логическая оценка/ /*hard* /перен./ "холодный, безжалостный"/, б/в форме эмоционального отношения, положительного или отрицательного /эмоционально-субъективная оценка/ /*auntie ruffle, pigheaded*/. Оценочная фразеология всегда эмоционально окрашена благодаря образу в основе ФЕ, который, определяя ее семантику, позволяет ей выразить ярко и наглядно не только квалификацию предмета, признака, но и эмоциональное отношение к нему: /*as full as ditchwater, like a sow playing on a trump* /.

Лексике свойственно 4 типа эмоционального значения /ЭмЗ/, фразеологии -3: а/ собственно ЭмЗ, являясь непосредственным выражением чувств, присуще первичным эмоциональным междометиям /*oh!, ah!*/, лишенным понятийного содержания и отличающимся диффузностью, неопределенностью семантики; б/самостоятельная ЭмЗ, возникшее на основе предметно-логического содержания ФЕ /слова/, оттесненного на задний план или целиком им поглощенного, служит /исключение составляет вторичные междометия: *God!, Great Heavens!* / обобщенным выражением либо положи-

те... *Ambling* /, либо отрицательных эмоций *hon of a bitch* / и эмоционально-субъективных оценок */horrid, magnificent /;*
в/э м о ц и о н а л ь н ы й вариант значения, созданный метафорическим или метонимическим переносом для выражения эмоций и эмоционально-субъективных оценок, типичен для лексики, благодаря богато развитой полисемии, но встречается также в неоднозначных ФЕ. В слове эмоциональный вариант обычно-результат первичного метафорического сдвига, в ФЕ - вторичного. Так, фигуративные значения слов-названий животных и птиц */hound, pigeon /,* а также компаративных ФЕ */as weak as water/* выражают отрицательную эмоциональную характеристику человека; г/э м о ц и о н а л ь н а я окрашенность /ЭМО/ - самый распространенный тип ЭМЗ слов и особенно ФЕ, не только называющих предмет явление, но и выражающих эмоциональное отношение к нему - определяется положительной или отрицательной оценкой, заложенной в самом их предметно-логическом содержании, неотделимой от последнего и от сопутствующих этой оценке эмоций, в неразрывной связи с которыми она образует их смысловую структуру */riffle, jackdaw in peacock's feathers /.* По сравнению с предметно-логическим содержанием ФЕ /слова/ ЭМО выражена менее четко и определенно: однако, в ФЕ, в отличие от слова, она обладает большей яркостью и наглядностью в выражении отрицательной или положительной ЭМО */swim like a stone, like a dying duck in a thunderstorm /;* исключение составляют отдельные группы идиоматичных сложных и сложнопроизводных слов, особенно произошедших от ФЕ *footlicker, thick-skulled /.*

В ы в о д ы

Ввиду яркой экспрессивности и эмоциональности ФЕ представляется правомерным считать превалирующим конститuentом их смысловой структуры СЗ, что подтверждает правильность положения о соотносительности ФЕ со словом, а не об их эквивалентности.

1. См. напр. толкование ФЕ *"twiddle one's thumbs, feather one's nest"* в *The Shorter Oxford English Dictionary, 3-d ed., OUP, 1956.*
2. См. напр. - *Н.Г.Г и р е н о а у м.* Образные сравнительные обороты в современном английском языке. *НДНЛ, 3Н, 1966, № 4;*
F. Fatridge, A Dictionary of Clichés. L. Routledge & Kegan Paul LTD, 1960; ЭЕ - экспрессивные ФЕ.

3. Мы не пролодим разграничения между эмоциями и чувствами, характерного для современной психологии.
4. См. С.Б.Берлизон. Эмоциональное значение и его разновидности. Тезисы УП междвузовской научной конференции по романогерманскому языкознанию. Пятигорск, 1970.
5. См. учение о трехкомпонентном СЗ, Э.Г.Р и з е л ь. Stilistische Bedeutung und stilistische Ausdruckswert des Wortes als paradigmatische und syntagmatische Kategorie. - "Deutsch als Fremdsprache", 1967, H. 6.

Л.М.БОЛДЫРЕВА /Москва/

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ СЛОВА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ И ФРАЗЕОЛОГИЗМА С ДАННЫМ СЛОВОМ КАК КОМПОНЕНТОМ

1. Исследование фразеологического значения и отграничение его от лексического значения слова выявило наряду с наличием общих компонентов их различную количественную характеристику.¹ Так, анализ стилистического значения фразеологизмов, входящего составной частью в фразеологическое значение /в работах И.И.Чернышевой, Х.Х.Езиева и в ряде других работ оно именуется и рассматривается как коннотативный компонент/, показывает, что данное значение обладает высоким удельным весом экспрессивно-эмоциональных и оценочных ингредиентов по сравнению со словом.²

Это правомерно соответствует удельному весу экспрессивно-эмоциональной /эмотивной/ изобразительно-выразительной функции фразеологизмов в языке.

1. И.И.Чернышева. "Некоторые семантические категории фразеологии в сопоставлении с категориями лексики /на материале немецкого языка/. "Труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои", новая серия, выпуск 178, Вопросы фразеологии, вып. III, Самарканд, 1970, стр.232. Х.Х.Езиев. "Полисемия фразеологических единиц современного немецкого языка /многозначность фразеологизмов как проблема тождества и различия/, канд. дисс. М., 1969.
2. Ю.Ю.Авляни. "Слово и фразеологизм в иранских языках" - "Труды Самаркандского Государственного Университета им. Алишера Навои". Новая серия, выпуск 178, Вопросы фразеологии, вып. III, Самарканд, 1970, стр.9.

2. Для выявления особенностей стилистического значения фразеологизмов и характера его выражения по сравнению со стилистическим значением отдельных слов необходимо сопоставление в стилистическом плане фразеологизма не только с его словом - коррелятом, но и анализ стилистической соотнесенности самостоятельных лексических единиц и фразеологизмов, в состав которых эти лексические единицы входят как компоненты.

Стилистическая соотнесенность элементов ряда:

слово	слово	фразеологизм
как самостоятельная единица	как компонент	с данным словом как компонентом

нуждается в исследовании, связанном с рассмотрением таких вопросов, как, например: характер стилистической восприимчивости фразеологизмов по отношению к стилистическому значению входящих в них компонентов; выявление различной степени экспрессивности фразеологизмов и зависимость этого от их лексического состава; определение доминирующих стилистических компонентов, наличия и характера стержневого стилистического слова в фразеологизме, и др.

3. Обычно при сопоставлении слова как самостоятельной лексической единицы и как компонента фразеологизма с фразеологизмом /как части с целым/ исследованию прежде всего подвергаются те семантические и грамматические изменения, которые претерпевает слово, став частью фразеологического целого. При этом было установлено наличие в большей или меньшей степени лексико-семантической и грамматической редукции отдельных слов-компонентов фразеологизма. Наблюдается полная или частичная утрата их словесных свойств в результате метафоризации переменного словосочетания.

Вместе с тем почти не уделяется внимания сопоставлению в стилистическом плане отдельного слова в фразеологизме, в состав которого данное слово входит как его компонент. В данном сообщении делается попытка рассмотреть, в какой мере стилистическое значение отдельных слов соотносится с стилистическим значением тех фразеологизмов, в которые они входят как компоненты при его формировании. Утрачивается ли стилистическое значение данного слова в составе фразеологического образа, как это имеет место с его лексическим и грамматическим значением, и какую роль тем самым играет ха-

рактер стилистического отбора лексических единиц в качестве компонентов фразеологизмов для более эффективного осуществления экспрессивно-эмоциональной функции фразеологизмов в процессе коммуникации.

В качестве объекта рассмотрения берутся фразеологизмы как с полным, так и частичным переносом значения.

Стилистическое значение как отдельных слов, так и фразеологизмов рассматривается, исходя из 3-х элементов, составляющих его:

- экспрессивно-стилистический компонент,
- нормативно-стилистический компонент,
- функционально-стилистический компонент.

В результате анализа наметились три основных типа стилистической соотносительности слова как самостоятельной лексической единицы и фразеологизма с данным словом как компонентом:

а/ Слова, образующие фразеологизм, имеют в свободном употреблении нейтральное стилистическое значение. Например: - *im sein Herz ausschütten* - раскрыть сердце. Стилистическая маркированность фразеологизма в этом случае зависит прежде всего от содержания фразеологического образа. Содержание фразеологического образа обуславливает стилистическую маркированность фразеологизма, отличную от маркированности отдельных слов, входящих в качестве компонентов в состав фразеологизма *einem unter die Arme greifen* - "помочь, оказать помощь" или фразеологизма *die Augen schonen* - в значении "спать". Экспрессивно-стилистический компонент стилистического значения в обоих случаях - это эффект образности, связанный с оттенком иронии. Образность как лингвистическое экспрессивно-эмоциональное средство создает особого рода восприятие денотативного значения в результате опосредствованного /переносного/ выразительно-изобразительного способа передачи.

Эффект образности связан во многих случаях с оценочным моментом, отсутствующим у слов, входящих в состав данного фразеологизма. Тем самым фразеологизм оказывается маркированным по одному, двум или трем компонентам стилистического значения в зависимости от содержания экспрессивно-стилистического компонента.

б/ Одно или несколько слов, образующих фразеологизм, маркированы в свободном употреблении стилистически. Их стилистическое значение выходит за пределы нейтрального.

Например, нормативно-стилистический компонент стилистического значения слов *das Maul- rot, das Fell* - в значении "кожа человека", *fressen* - в значении "есть" намного ниже нулевого стилистического уровня и характеризуется грубой окрашенностью. Функционально-стилистический компонент - грубая разговорная речь. Экспрессивно-стилистический компонент - повышенная экспрессивность, отрицательный оценочный момент.

Входя в состав фразеологизмов как лексические компоненты, слова сообщают стилистическому значению фразеологизма свое стилистическое значение, усиливая отрицательный оценочный момент, углубляя грубую окрашенность образа и ограничивая сферу употребления данных фразеологизмов разговорной речью.

Например, "*einem den Mund stopfen*" ср. с *einem das Maul stopfen* - подкупать кого-нибудь. Во втором случае стилистическое значение фразеологизма получает усиленный эффект образности и грубую окрашенность за счет соответственного стилистического значения слова "*das Maul*".

Аналогичные примеры:

- *j-m über den Mund fahren* - резко оборвать, осадить кого-либо
и "*j-m*übers Maul fahren*" - заткнуть глотку, грубо осадить, оборвать

В фразеологизме "*j-n zum Fressen gern haben*" - чертовски любить, обожать кого-то - слово "*das Fressen*" сообщает стилистическому значению данного фразеологизма повышенную экспрессивность и фамильярную окраску, благодаря как значению сочетания "*zum Fressen*", так и грубой окрашенности слова "*das Fressen*".

Таким образом, входя в состав фразеологизма, слова с четко маркированным экспрессивно-стилистическим компонентом не нивелируются среди других стилистически нейтральных компонентов, но, сохраняя свое стилистическое значение, воздействуют на стилистическое значение фразеологизма. В этом случае можно говорить о компонентах, доминирующих в составе фразеологизма в стилистичес-

ком плане.

в/ Третью группу составляют отдельные слова, входящие в состав фразеологизмов, которые в самостоятельном употреблении имеют маркированное стилистическое значение только за счет функционально-стилистического компонента. Например, музыкальные термины:

das Register - регистр
der Dämpfer - модератор, сурдина

Употребленные в прямом значении в сочетании с соответствующими глаголами "ziehen", "aufsetzen" они сохраняют при прочих нейтральных компонентах своего стилистического значения маркированность функционально-стилистического компонента. При образовании фразеологизма с переносным значением эти слова утрачивают в качестве компонентов фразеологизма свою функциональную ограниченность, и фразеологизмы характеризуются нейтральным стилистическим значением.

4. В результате исследования стилистического значения отдельных слов, входящих в качестве компонентов в состав фразеологизмов, установлено, что значительное их число имеет нейтральное стилистическое значение. Осуществление изобразительно-выразительной функции основывается прежде всего на эффекте образности, присущем фразеологизмам в целом.

Вместе с тем слова, маркированные стилистически, благодаря наличию экспрессивно-стилистического компонента /особенно содержащего отрицательный оценочный момент/, входя в состав фразеологизмов, не утрачивают полностью своего стилистического значения и служат одним из действенных средств, содействующих осуществлению экспрессивно-эмоциональной оценочной функции фразеологизмов в языке

С.Б.БЕГЛИЗОН /Гязань/

ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ

I. На нашем форуме фразеологов мы заслушали много интересных

докладов и сообщений, свидетельствующих об успешном развитии фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины и о сложности и разнообразии фразеологической проблематики, исследуемой на материале различных языков. Среди неотложных задач, стоящих перед исследователями фразеологии и требующих своего разрешения, мало обсуждаемых на симпозиуме, следует выделить проблему стилистической характеристики фразеологических единиц /ФЕ/ - очень важную для определения ее сущности.

2. Совершенно недостаточная изученность этого вопроса объясняется тем, что основные категории лингвистилистики - самой молодой языковедческой дисциплины, такие, как например, экспрессивность, эмоциональность, до настоящего времени не получили должного освещения и однозначного толкования в лингвистике. Между тем именно эти категории, составляя важные аспекты стилистического значения¹ ФЕ /слова/ и доминируя над другими компонентами в смысловой структуре ФЕ, определяют их яркую экспрессивность и эмоциональную выразительность.

3. Вследствие недостаточной изученности эмоционального значения - качественно отличного от других компонента смысловой структуры ФЕ /слова/ в лингвистике: а/не выявлены и не определены с максимальной точностью и должной полнотой ни его сущность, ни его разновидности; б/не всегда проводится должное разграничение между собственно экспрессивностью и эмоциональностью - двумя очень тесно связанными, но различными как по своему содержанию, так и по своей функции категориями; в/наблюдается отождествление экспрессивности, эмоциональности с собственно стилистической характеристикой фразеологизма /слова/, определяемой его преимущественным употреблением в определенном стиле языка и отношением к норме; г/отсутствует четкая дифференциация между эмоционально-субъективной и интеллектуально-логической³ оценкой.

4. Между тем, изучение эмоционального значения - не только *conditio sine qua non* для всестороннего исследования смысловой структуры ФЕ /слова/ и их дифференциальных признаков, но и путь к разрешению вопросов, с давних пор diskutируемых в языкознании, таких, как лингвистический статус отдельных классов слов и аффик-

сов, например, междометий, специфика которых определяется их эмоциональной сущностью, и уменьшительно-ласкательных суффиксов, словообразовательная, а не формообразующая функция которых обуславливается их эмоциональной природой, ибо они формируют слова с особым значением и назначением в языке.

5. Представляется важным в столь кратком сообщении остановиться лишь на одном, но существенном вопросе, а именно, специфике эмоционального значения.

6. В отличие от собственно экспрессивности – способность фразеологизма /слова/ ярко, красочно, наглядно, благодаря зрительному или слуховому образу или морфологическому строению передавать его понятийное содержание, подчеркивать интенсивность его семантики, оттенять его лексическое значение /например, ЭФЕ /эмоциональные ФЕ/ *once in a blue moon, hammer and tongs*; ЭС /эмоциональные слова/ *dng-dng, dirt-cheap* /, эмоциональность фразеологизма /слова/, обусловленная наличием в его смысловой структуре одного из видов эмоционального значения, позволяющего ему непосредственно выразить, а не обозначать различные эмоции и эмоционально-субъективную оценку предмета речи, определяет его эмоциональную отнесенность и эмоциональное содержание в отличие или в дополнение к понятийному и переводит ФЕ /слово/ в особый разряд аффективных средств языка /например, ЭФЕ *John Bull walks like a stone*; ЭС *thick-head, lovey* /. Это позволяет не согласиться с высказываниями выступивших здесь коллег, например, с С.И. Решетниковой, относящей слова, обозначающие, но не выражающие эмоции, к эмоциональной лексике.

1, 2. См. учение Э.Г. Ризель о трехкомпонентном стилистическом значении. *Stilistische Bedeutung und stilistische Ausdruckswert des Wortes als paradigmatische und syntagmatische Kategorie.* - "Deutsch als Fremdsprache", 1967, № 6.

3. См. С.Б. Берлиан. Выражение экспрессивности и эмоциональности в ФЕ и слове. См. настоящий сборник, стр. 239-245.

РАБИҒА СҒАДЫҚОВА

СҒАДЫҚОВА

АХМЕТ-БЕК ҚАСЫМҒАЛИ

Абайдың
сөз

өрнегі
ТІЛ БІЛІМ

ИНСТИТУТЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. А. В. КУНИН /Москва/ За дальнейшее укрепление позиций фразеологии как лингвистической дисциплины.....	3
2. Л. И. РОИЗЕНЗОН /Самарканд/ Ещё раз о воспроизводимости как признаке фразеологичности.....	17
3. С. Г. ГАВРИИ /Пермь/ Слово, фразеологизм и фразеологическая система языка /функционально-семантический аспект/.....	21
4. М. М. КОПЫЛЕНКО /Алма-Ата/ Об уровневой организации единиц и о методе "окружения".....	33
5. Е. Б. МАТУШЕВА /Баку/ О некоторых трудностях при определении окружения фразеологизмов.....	39
6. А. Г. НАЗАРДИ /Москва/ О статусе фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины.....	45
7. А. И. АЛЕХИНА /Челябинск/ К теории соотносительности фразеологической единицы со словом.....	48
8. С. Г. ГАВРИИ /Пермь/ Фразеологизм и слово в их системных отношениях /грамматический аспект/.....	50
9. М. М. КОПЫЛЕНКО /Алма-Ата/ Фразеология - наука о сочетаемости лексем и семем.....	58
10. В. Д. УШАКОВ /Москва/ Некоторые замечания об объеме фразеологии и идиоматики/идиомологии/.....	60
11. Э. Д. ПОПОВА /Воронеж/ О типологии фразеосочетаний.....	63
12. В. Н. ЧЕКМЕРИС /Винник/ К вопросу о природе фразеологизмов.....	65
13. Г. Х. АХУНЗЯНОВ /Казань/ Лексикология и фразеология как параллельные лингвистические категории в дисциплинах.....	68
14. В. И. ЗИМИН /Москва/ Несколько замечаний по поводу В. П. Дукова "Несколько общих положений о соотношении фразеологизма со словом".....	73
15. Б. Ю. НОРМАН /Минск/ Фразеологизм к грамматике.....	77
16. О. Е. ОЛЬШАНСКИЙ /Славянск/ Некоторые замечания о словах с измененной морфемной структурой, возникших на базе фразеологических сочетаний.....	82
17. А. Л. ОНИАНИ /Тбилиси/ К проблеме взаимоотношения фразеологизма и слова.....	87
18. Н. М. СИДЯКОВА /Вологда/ К вопросу о соотносительности фразеологических единиц со словом.....	89

19.	В.Д.УШАКОВ /Москва/	О релевантности признаков идиоматических единиц	63
20.	Р.Н.ПОПОВ /Череповец/	О знаковости фразеологических единиц и их функционально-семантическом разнообразии	65
21.	Г.А.СЕЛИВАНОВ /Астрихань/	Заметки о современных теориях слова и фразеологизма	102
✓ 22.	А.И.АЛЕШИНА /Челябинск/	К вопросу об эквивалентности фразеологической единицы слову	107
✓ 23.	А.Д.ХАГИЙ /Самарканд/	Термины - слова, составные термины - единицы фразеологии?	111
✓ 24.	Е.А.МОЛДАТАЕВ /Алма-Ата/	Слово и термин; фразеосочетание и терминосочетание	115
✓ 25.	С.Н.СРАЕВА /Уфа/	Слова и фразеологизмы - термины в немецком и некоторых тюркских языках	119
26.	Э.Х.РАУТ /Челябинск/	Слово и его отношение к компоненту ядерной фразеологемы	123
27.	Э.Г.УРКИНИ /Уфа/	Семантический аспект соотносительности слова и фразеологизма	129
28.	С.Г.ШУЛЕЖОВА /Магнитогорск/	Некоторые вопросы соотношения слова и фразеологизма	134
29.	В.В.АКУЛЕНКО /Харьков/	Интернациональность фразеологизма и интернациональность слова	139
30.	Г.В.КОПЦЕЛОВА /Харьков/	О межязыковых соответствиях фразеологизма и слова	143
31.	Л.Я.КОСТЮК /Псков/	Слово как самостоятельная лексическая единица и как компонент устойчивых словосочетаний	147
32.	И.В.ДУВИНСКИЙ /Баку/	Является ли компонент ФЕ словом?	151
33.	Ф.А.ЛИТВИН /Орел/	Отношение слова и компонента фразеологизма к структурно-семантической модели	156
34.	Р.Л.ЛЫДЮ, Н.М.МАЛКИНА /Воронеж/	К вопросу о соотношении компонент ФЕ - слово	162
35.	Ю.Б.АБАЛИАНИ /Самарканд/	Слово - фразеологизм - контекст	166
36.	Р.И.ОМХАТ /Самарканд/	Имя собственное как компонент фразеологической единицы и как самостоятельное слово	172
37.	Г.П.МАНУШКИНА /Рязань/	Имя собственное в составе фразеологических единиц в современном английском языке	179

38. Л. В. ШЕВЧЕНКО /Москва/ О соотношении значений ФЕ и лексического значения слова в современном немецком языке	185	
39. С. И. ЗИМИН /Ташкент/ Авторский фразеологизм как объект лексикографии	189	
40. С. И. РОЗЕНЗОН /Самарканд/ Фразеологическая контаминация в современном английском языке	193	
41. В. И. ЗИМИН /Москва/ К вопросу об анализе семантической структуры многозначных слов и фразеологизмов	199	
42. А. АБДУЛЛАЕВА /Самарканд/ Образность слов и образность фразеологизмов	204	W
43. Г. Н. БРОУДО /Тамбов/ Стилистические особенности некоторых типов фразеологизмов и слов	210	W
44. Х. С. ИБРАГИМОВА /Самарканд/ К соотносительности фразеологической единицы и слова в контексте /на материале разговорной речи/	212	
45. Е. А. МАЛИНОВСКИЙ /Самарканд/ О специфике использования фразеологии сравнительно с лексикой в художественном произведении	215	W
46. Н. В. КОССЕК /Одесса/ Слово и фразеологизм со значением Magn при отрицательном аргументе	217	
47. М. Ф. ПАЛЕВСКАЯ /Кишинев/ Типы значений ФЕ в сопоставлении с типами значений слов /на материале русского языка XVIII в./	222	
48. М. Д. ГОРОДИЧКОВА /Москва/ Семантические признаки слов и фразеологизмов и их место в различных микросистемах	227	
49. Л. Н. ИОРДАНСКАЯ /Москва/ К лексико-графическому описанию фразеологизмов типа д у х з а х в а т ы в а е т о т в о с т о р г а	232	
50. Т. А. ТУЛИНА /Одесса/ Семантическая специфика имени с отрицанием как лексемы и как не-замкнутой устойчивой фразы	236	
51. С. Б. БЕРЛИЗОН /Рязань/ Выражение экспрессивности и эмоциональности в фразеологической единице и слове	241	W
52. Л. М. БОЛДЫРЕВА /Москва/ Стилистическая соотносительность слова как самостоятельной лексической единицы и фразеологизма с данным словом как компонентом	247	
53. С. Б. Берлизон. /Рязань/ Об эмоциональности в лексике и фразеологии	251	W

РАБЫҒА СЫЗДЫКОВА

ЭТНОГРАФ

Абайдың
сөз
өрнегі

ТІЛ БІЛІМІ

М.А. ШОҚАТ

Подписано к печати 4.1.72г. РЧ № 4200Г Заказ № 49
Объем 16,25 печ.лист. Тираж 2000 экз. Цена 1 руб.

Отпечатано на ротапринтере СКИЦ, г.Самарканд,
ул.Коммунистическая, 41.